новая ПОЛЬША

No4(41)

2003

Виталий Портников ДНЕВНИК

НА ВОПРОСЫ «НОВОЙ ПОЛЬШИ» ОТВЕЧАЮТ: Мацей Лукасевич, Марек Островский, Мирослав Хоецкий

Ежи Едлицкий и Анджей Добош О ЯКУБЕ КАРПИНСКОМ

СТИХИ Я.М.РЫМКЕВИЧА в переводе Андрея Базилевского

Вертинский — не для пошляков

Генерал Козей: Поговорим без предубеждений

Poczta Polska

głównym sponsorem roku jubileuszowego BN

№ 3(40) 2003 MAPT

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	АНКЕТА «НОВОЙ ПОЛЬШИ»/4/	3
	БЕЗ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ И ОБИД Беседа с генералом Станиславом Козеем	6
	Виталий Портников ИЗДНЕВНИКОВПУБЛИЦИСТА	10
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	19
	Кшиштоф Гжегжулка ГАРАЖ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ИДЕИ	26
(A) (A-	аши люди	FRUT
	Ежи Едлицкий О ЯКУБЕ КАРПИНСКОМ	29
	Анджей Добош ОН ВИДЕЛ МНОГОЕ	32
	Ярослав Марек Рымкевич СТИХОТВОРЕНИЯ	34
	Лешек Шаруга «ЧЕРНЫЙ ПРИЗРАК БЫТИЯ»	43
	ВЕРТИНСКИЙ НЕ ДЛЯ ПОШЛЯКОВ Беседа с Оленой Леоненко	45
	Ниуш Андерман СНИМКИ	48

Переводчики: А.Базилевский, В.Блинков, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, И.Обухова, Г.Погожева, А.Ройтман, К.Старосельская, С.Филипчак, Е.Шиманская.
Фото ©: B.Zborowski (Rzeczpospolita) (стр. 3), Polityka (стр. 3), Zeszyty Literackie (стр. 29), S.Kamiński (Agencja Gazeta) (стр. 34), Agencja Gazeta (стр. 4, 6, 48), J.Strama (стр. 71).

Редакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский Януш Тазбир Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская Никита Кузнецов Виктор Кулерский Янина Куманецкая

Петр Мицнер (зам. гл. редактора) Кристина Пашек (секретариат)

Гжегож Пшебинда

Ежи Редлих (зам. гл. редактора) Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция Кацпер Ванчик

Адрес редакции Al. Niepodległości, 213 02-086 Warszawa Ал. Неподлеглосци, 213 02-086 Варшава

(0-22) 608 27 95;608 25 65 тел: (0-22) 608 25 05; 608 27 96 факс: e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская,

д.15, кв. 49 тел.: e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

280-83-52

По поручению Министерства Культуры Республики Польша Тираж 4800 экз.

АНКЕТА «НОВОЙ ПОЛЬШИ»

Продолжаем печатать ответы на анкету «Новой Польши»

Напоминаем поставленные вопросы:

- 1. Что, по вашему мнению, еще мешает нормализации польско-русских отношений?
- 2. Препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с независимой Украиной, отношениям с Россией?
- 3. Препятствуют ли наши усилия, направленные на взаимопонимание с Россией, отношениям с Украиной?
- 4. Если возникает противоречие между безопасностью государства либо его стратегическими интересами, с одной стороны, и экономической выгодой с другой, следует ли отдавать предпочтение экономическим интересам?

Мацей Лукасевич, главный реактор газеты «Жечпосполита»

1. На польско-российские отношения по-прежнему ложатся тенью три последних века нашей общей истории, когда Россия все росла, а мы все больше сокращались на карте Европы и мира — бывало, и до нуля, — а происходило все это по манию имперской России. Особенно драматическими были советские 55 лет.

Поляки слишком много претерпели от своего восточного соседа, чтобы это удалось быстро забыть. Они все еще памятуют наших Батория и Жулкевского, как будто потом не было Екатерины II, Александров, Николаев, Ленина, Сталина и Катыни, не говоря уже об их наследниках.

Время, разумеется, делает свое дело: чем дольше продлится наша новая независимость, тем быстрее будут заживать старые раны. При условии, что их не будут неустанно раздирать. Но это требует взаимности со стороны русских, для которых поляки, боюсь, остаются теми, кто «предал» идею славянского единства. Однако самая большая проблема состоит в том, что Москва продолжает проявлять великодержавные аппетиты — и трудно убедить ее относиться к куда меньшей Польше по-партнерски.

С нашей же стороны проблема состоит в отсутствии целостной, связной — и устремленной в будущее! — концепции сотрудничества с Россией. Целостной и связной вне зависимости от того, какая коалиция стоит у нас в данный момент у власти, а устремленной в будущее — ввиду того, что Польша, наряду с Китаем и Украиной, — самый крупный сосед России. Причем имеющий все шансы, принимая в расчет ее потенциал — если его не растратят заурядные лидеры и дурные политики, — стать лидером всей восточной части Европейского союза.

2-3. Совершенно очевидно, что усилия, направленные на сближение с Украиной, никогда не будут благожелательно восприниматься в Москве — если русские решат, что эти усилия направлены против них. Говоря коротко: как можно лучшее сотрудничество, и польско-российское, и польско-украинское, нам необходимо. Но это сотрудничество не должно быть против кого-либо направлено (см. п.1).

4. Тут у меня нет ни малейших сомнений: при угрозе безопасности государства любая экономическая выгода не заслуживает ни малейшего внимания.

Марек Островский (обозреватель журнала «Политика»).

1. Если говорить о конкретном: слишком мал экономический обмен, слишком низки взаимные капиталовложения, позорно низок уровень контактов гражданского общества, наверное вытекающий из недостатка средств у интеллигенции. Зато в идеологической плоскости близость российских и польских граждан в глазах рядовых людей очевидна и происходит из родства душ: та же самая «душещипательность» (по-русски в тексте. — Пер.), то же мышление, зиждящееся на аналогичных конструкциях языка и культуры. Это, однако, не охватывает ни политическую сферу, ни связанную с ней сферу публичной жизни. В России ни истеблишмент, ни общество не

обладают историческим сознанием, подобным нашему, мало знают или вообще не знают историю поляков начиная с 1939 г., поэтому они не в состоянии объективно взглянуть на период послевоенного, полуколониального господства России (все-таки СССР! — Пер.) в Польше. Поэтому они не в состоянии найти нужные слова в диалоге.

2. Россия по-прежнему делит Европу на Восточную и Западную. Восточную Европу она по-прежнему считает сферой своего влияния, а Украину и вовсе «ближним зарубежьем». От этих амбиций она не намерена отказываться, ибо это подрывало бы ее экономические и политические интересы, а также ее

авторитет. Поддерживая на Украине — более или менее успешно — проевропейские чаяния и устремления, Польша отрывает ее от империи, вторгается в сферу влияния, которую Москва считает монопольной, и это не может ей нравиться. Вдобавок Украина еще не выработала своей мечты о будущем, и борьба за это будущее продолжается.

3. Это и может препятствовать, и не может. Может, так как Украина страдает комплексом России. Сближение Москвы и Варшавы над головой Киева нередко воспринимается как пренебрежение к ней. Украина чувствует себя отодвинутой в сторону, в то время как сама себя она считает важным партнером в этой части Европы. Среди некоторой части украинских верхов ощущается боязнь, что будет построена «ось» или найдено взаимопонимание и что это будет направлено против суверенитета Украины. Не надо забывать, что Польша и Россия во многих кругах украинцев воспринимаются как бывшие оккупанты. А не может препятствовать, так как для той части верхов, которая не отождествляет себя с независимой Украиной, Польша, стремящаяся к сближению с Россией, не мешает Москве расширять свое влияние в украинской политике и экономике.

4. Последний вопрос следовало бы связать с чем-то конкретным. В эпоху глобализации экономические интересы во все большей степени становятся элементом стратегических интересов, а традиционные стратегические опасности уменьшаются

Мирослав Хоецкий, один из создателей неподцензурной печати в ПНР, кинопродюсер

1. Нельзя сказать, чтобы я был внимательным наблюдателем политической жизни. Многие события, высказывания, факты ускользают от моего внимания, и я узнаю о них лишь по прошествии времени. Поэтому мой ответ не будет опираться на несокрушимые «доказательства» — это скорее запись состояния сознания, представлений, состояния духа; вероятно, не обойдусь я и без стереотыпов.

Я считаю, что русские — не враги Польше. Врагом была имперская советская (а раньше царская) система. До этого я, конечно, не сам дошел. Такому подходу меня научил Ежи Гедройц. Советской системы больше нет. Остался ли империализм как неудержимая жажда господства над миром? Не знаю. Зато знаю, что знания о России и русских в Польше ничтожны. Что мы почти ничего не делаем, чтобы узнать, понять, принять друг друга.

Пресса о России пишет редко, а когда пишет, то в катастрофических тонах: о «коридоре» в Калининградскую область, о проблемах с поставками газа и т.п.

В Москве показывают немало польских фильмов, выставляется польское изобразительное искусство, переводятся книги. Когда я был советником министра культуры, мне давали для оценки предложения заграничных издателей, которые хотели получить дотацию на переводы книг польских авторов. Свыше половины предложений (в том числе и принятых) были из России. Пресса сообщала, что польский стенд на сентябрьской книжной ярмарке в Москве осаждали посетители, а радио и телевидение приглашали слушать и смотреть программы польских авторов. На встречу с Кристиной Яндой пришел Борис Ельцин. И т.д. и т.п.

6 февраля Кшиштоф Занусси получил диплом «За выдающиеся заслуги в деле взаимопонимания и сближения обществ Польши и России», присуждаемый совместно министрами иностранных дел обеих стран — Влодзимежем Цимошевичем и Игорем Ивановым.

И все-таки у меня впечатление, что всего этого мало, если учитывать интерес москвичей к Польше.

Не думаю, что решения министров могут что-то в этом вопросе изменить. Но знаменательно пресс-коммюнике конца прошлого года:

«Российский министр культуры Михаил Швыдкой выступил в пятницу на совместной пресс-конференции с польским министром культуры Вальдемаром Домбровским, который прибыл в Москву на гастроли варшавского Большого театра — Национальной оперы на сцене московского Большого театра. Было решено, что «главным культурным событием в отношениях между обеими странами станет выставка «Варшава—Москва», которая должна суммировать творчество художников обеих стран», — сказал министр, уточняя, что выставка будет организована в 2004-2005 гг., а преобладать на ней будет изобразительное искусство. На встрече в пятницу оба министра обсудили совместные культурные начинания на 2003 год. Министр Швыдкой сообщил, что в будущем году в Москве состоится показ кинофильмов Анджея Вайды, а гостем Московской книжной ярмарки этого года будет в сентябре Тадеуш Конвицкий.

Швыдкой отметил, что хотел бы также отметить намеченный на 2004 г. Год Гомбровича. «Мы хотим, чтобы кто-нибудь из польских режиссеров поставил у нас спектакль по одной из пьес Гомбровича», — сказал министр. По его словам, «культура — та сфера, в которой поляки и россияне могут в большей степени взаимно узнать друг друга. Сегодня знания поляков о России и россиян о Польше ничтожны»».

И правда, ничтожны. Но инициатива, направленная на изменение положения дел, принадлежит российской стороне. Министр Домбровский, если верить пресс-коммюнике, ничего взамен не предложил.

Я не вижу, чтобы существовало какое-то равновесие. Может, я слишком мало этим интересуюсь, слишком мало знаю. Но кроме музыки, т.е. гастролей московского Большого театра в варшавской Национальной опере с «Хованщиной» Мусоргского в конце прошлого года и выступления Михаила Плетнева в Национальной филармонии с Третьим фортепьянным концертом Рахманинова, что-то я не вижу российских артистов и писателей в Польше.

Правда, у нас есть Фестиваль четырех культур в Лодзи. Журналист в репортаже из Лодзи написал: «Толпы подростков осаждают Лодзинский спортивный зал за два часа до концерта двух российских тинейджеров Юлии и Лены из группы «Тату». Насчитывающий 1200 мест зрительный зал лодзинского Большого театра каждый раз переполнен. Во время «Русского Гамлета» и гала-концерта Бориса Эйфмана люди сидят на ступеньках. Овации и крики «браво» не умолкают больше десяти минут».

Есть еще Александр Домогаров в роли Богуна в «Огнем и мечом», а теперь в роли Отелло в краковском театре «Багателя».

Выходит, интерес есть. Притом, вероятно, большой, если в книжном магазине им. Болеслава Пруса в Варшаве в предрождественский период среди бестселлеров (не учебников) на 6-м месте оказалась книга «Российская Федерация. 1991-2001» (сост. Адамовский, Скшипек) и только на 9-м — «Цель — Европа. Девять очерков о зодчих европейского единства» Ежи Лукашевского. Притом книга Лукашевского вышла в свет с огромной рекламной кампанией, а книга Адамовского и Скшипека правительственной помощи не получила. Впереди книги о Российской Федерации историка Януша Тазбира, книга Института национальной памяти о Едвабне, «Автобиография» Иоанна Павла II и «Генералы и адмиралы II Речи Посполитой». Позади «Российской Федерации» оказался, например, широко разрекламированный роман Дороты Масловской.

В бестселлеры можно, вероятно, включить том «Чудесный Кинемо. Российская киномысль» под ред. Богуслава Жилки и Тадеуша Щепанского — сборник неизвестных в Польше текстов русских писателей, кинематографистов, филологов и киноведов. Но это уже история. Никаких современных текстов том не содержит.

И это, пожалуй, всё.

Так можно ли говорить о каком-то равновесии?

Если у нас такое положение в интеллектуальных верхах Польши, которые в противоположность русской интеллигенции Россией не интересуются, то что же говорить о «сереньком поляке» (по выражению Станислава Тыма)?

2. Независимость Украины и Белоруссии лежит в наших интересах. Польша одной из первых признала независимость Украины в 1991 году. В наших интересах — чтобы Украина стала в будущем членом Евросоюза. Уже сегодня существует совместный польско-украинский батальон, за которым прекрасное поведение в Косове. Польша выступала с инициативой украинского «круглого стола» в ходе конфликта с президентом. Я что-то не видел, чтобы эти действия встретились с российской критикой. Правда, существует серьезная проблема с трубопроводом Одесса—Броды и недружелюбным отношением российской стороны к инициативе продолжить трубопровод до Гданьска, но это вопрос скорее экономического, нежели политического характера.

Думаю, надеюсь, что Россия не ведет имперской политики, а кое-где пробуждающийся культ Ленина-Сталина не имеет государственного аспекта. Это означает, что мы можем иметь хорошие отношения как с Россией, так и с Украиной. И только от них зависит природа наших с ними отношений.

3. Следует принять, что на востоке у нас три стратегических партнера: Литва, Украина и Россия. Их интересы несколько различаются, но у меня такое впечатление, что они не конфликтны. Добрые отношения Польши со всеми этими странами очень важны для нас. И не думаю, что существуют плоскости, в которых противоречий не преодолеть.

4. Положительный ответ на последний вопрос может дать лишь кто-то крайне близорукий. Хотя, конечно, нельзя исключить, что существуют отдельные личности, готовые пожертвовать государством ради своих материальных выгод.

БЕЗ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ И ОБИД

Беседа с генералом Станиславом Козеем

— Думаете ли вы, что после нескольких лет взаимных обвинений и перебранок возможно взаимовыгодное сотрудничество Москвы и Варшавы?

— В 90-е годы отношения Польши и России были ужасны. Они попали в такую глубокую яму, откуда трудно было увидеть хоть какие-то возможности их улучшения. Сегодня стало немного лучше. Заметно потеплела атмосфера. Думаю, что это вскоре это приведет к более тесному сотрудничеству. Надо помнить, что мы — соседи с чрезвычайно богатой общей историей.

— На чем или на ком главным образом лежит вина за ухудшение польско-российских отношений в 90-е годы?

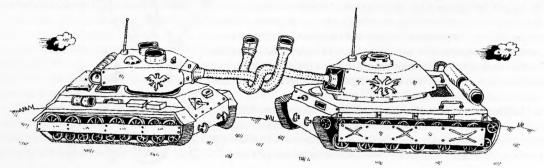
— У меня нет никаких сомнений, что вина лежит на тогдашних властях России, которые после падения «железного занавеса», ухода Польши и других так называемых социалистических стран из-под контроля СССР не нашли по отношению к Польше и всей Восточной Европе иной политики, нежели пренебрежение и бойкот. После падения коммунизма Москва попросту долго не умела, да, пожалуй, и не желала отработать новый, партнерский подход к Польше, своему бывшему сателлиту.

— У Польши, занявшейся обустройством независимости, пожалуй, тоже не было особенно много времени на размышления о том, как формировать свои отношения с Кремлем, который в течение 45 лет осуществлял над ней неприятный контроль?

— Это не так. В то время я работал в министерстве национальной обороны и кое-что знаю о том, что происходило в этой области. Мы часто выдвигали инициативы, делали доброжелательные жесты по отношению к россиянам. Но адекватного отклика не последовало. Наши предложения касались установления политического, военного, технического сотрудничества. В частности, мы были заинтересованы в урегулировании вопросов, связанных с ремонтом боевой техники, производившейся в СССР, в запчастях, в контактах на региональном уровне, особенно с Калининградом.

— Почему Кремль торпедировал польские предложения? Назло? Думая, что унизит Варшаву, не обращая на нее внимания?

— Так это выглядело. Россия превратила страны, которые избавились от ее надзора, в свой козырь в переговорах с Западом, особенно с Соединенными Штатами. Страны бывшего социалистического лагеря решили вступать в НАТО— Кремль воспринял это как

шаг ненужный и недружелюбный по отношению к России. Он решил воспрепятствовать этому. Была сделана ставка на то, чтобы вызывать брожение, которое должно было оттолкнуть западные страны от идеи пригласить Польшу в НАТО. Российские политики изображали Польшу как страну хронически антироссийскую, постоянно разжигающую споры, то есть опасную для стабилизации в Европе. Они воображали — но ошиблись, — что Польша, находящаяся в ссоре с Россией, отпугнет Запад. Вставлять Польше палки в колеса было важным элементом стратегии безопасности Москвы. А в действительности стратегические интересы Польши — чтобы поставить точку над «и» — жизненно связаны с хорошими отношениями России с Западом.

- Значит ли это, что мы не можем ясно высказывать свои мнения на тему России, ко-торая не лучшим образом вписана в коллективную память поляков? Должны ли мы на каждом шагу опасаться восстановить Россию против себя, чтобы она не начала порочить и дискредитировать нас на Западе?
- Нашего суверенного права высказывать свои мнения никто не оспаривает. Говоря о том, что мы заинтересованы в хороших отношениях между Москвой и Западом, я имел в виду наше геостратегическое положение. Оно и определяет такое наше мышление. А всякое напряжение по линии НАТО—Россия привело бы к тому, что вызванные им искры в первую очередь могли бы упасть на территорию Польши. Поощрение хороших отношений между Североатлантическим пактом и Россией было, есть и будет для нас выгодно. Мы убеждали в этом Запад в 90-е годы. Мы должны были уничтожить это вредное, антироссийское клеймо, которым нас отметили. Это нам удалось, и мы считаем это нашим вкладом в стратегическую философию НАТО. Между тем россияне в тот же период не спешили улучшать отношения, так как стремились — как выяснилось, безуспешно — приостановить расширение НА-ТО, дезорганизовать его работу.
 - Значит, если до недавнего времени мы в наших двусторонних отношениях не могли выйти из тупика, то в основном из-за непримиримости и бесспорно дурных намерений наших бывших «друзей»?
- Несмотря на все старания, мы не могли добиться встречи наших министров обороны. Нет и нет. Возможно, генералы в Москве ждали политического перелома. Но он был невозможен, пока у власти стоял Борис Ельцин. Он был сторонником доктрины спора (своеобразного «кулачного боя») России с Западом. В рамках этой доктрины к таким странам, как Польша, следовало относиться как к объектам, а не

субъектам. Это по сути дела была смягченная разновидность старой доктрины Брежнева. И только когда у руля стал Владимир Путин, отношение Москвы к бывшим вассалам стало более рациональным. Польша теперь — преддверие НАТО, и поэтому развитие сотрудничества с ней — можно сказать, естественный рефлекс. Путин принял это к сведению.

- Однако пока что не видно особых признаков сотрудничества. В торговле преобладает импорт сырья нефти и газа. Наш экспорт, возможно, постепенно растет, но сальдо торгового обмена из-за создаваемых россиянами препятствий (повышения цен и пошлин) все еще сильно отрицательное. И, тем не менее, в каких-то областях вы видите продвижение вперед. В каких же?
- Их достаточно много. В области обороны я бы начал перечень с борьбы с терроризмом. Обе страны члены антитеррористической коалиции. Мы вместе проводим миссии на Балканах. Думаю, можно подумать о создании совместных группировок войск. Далее — военная техника. В Польше находится довольно много боевой техники, произведенной в СССР. Это, в частности, МИГи, очень хорошие самолеты, которые мы еще долго будем эксплуатировать. Поддержание их технического состояния дает россиянам возможность заработать. При этом ясно, что речь идет не об искусственном продлении жизнеспособности старья, ибо известно, что мы делаем ставку на современность. Целесообразны были бы и совместные учения, и сотрудничество воинских частей. Польша особенно заинтересована в пограничном сотрудничестве на стыкес Калининградской областью. Хороший пример тут могли бы дать воинские части обеих стран, проводящие совместные учения. По образцу существующих батальонов: польско-украинского и польско-литовского — мы могли бы создать такой же польско-российский батальон для использования в миротворческих миссиях.
 - А можно ли представить себе присоединение россиян к щецинскому корпусу, который в настоящее время состоит из польских, немецких и датских военнослужащих?
- От этого региональная безопасность могла бы только выиграть. А идеально было бы, если бы в корпус удалось привлечь еще литовские, латвийские и эстонские силы. Этот перечень двусторонних мероприятий можно дополнить совместными спасательными мерами на Балтийском море, обменом визитами, делегациями, созданием тонкой, многообразной инфраструктуры сотрудничества. В далеком будущем я вижу возможность совместных учений, а затем даже совместного командования.

- Верите ли вы в осуществимость этих намерений, которые еще недавно представлялись несбыточной мечтой?
- Я не вижу препятствий. Более того, считаю, что уже теперь можно наладить обмен курсантами военных училищ. В нашей Академии национальной обороны учатся, в частности, чехи, словаки и немцы. Почему бы не учиться и россиянам? Это всего лишь вопрос доброй воли и отказа от предубеждений и обид. Я имею тут в виду как курсантов, так и аспирантов. В обмен поляки ездили бы учиться в Россию. Это распространенная форма обмена, и она почти ничего не стоит. Мы открыты ко всему.
 - Не слишком ли это смелые идеи? Ведь Польша член НАТО.
- Это отнюдь не препятствие. Мы современны, у нас нет никаких тормозящих предубеждений. Нет и политических ограничений. Наоборот, мы заинтересованы в укреплении взаимопонимания между поляками и россиянами. Не следует забывать, что мы уже теперь отправляем наших офицеров учиться в Россию. Только за их учебу нам приходится платить, причем немало. Россияне одобряют наших людей. Благодаря этому польские офицерские кадры набираются нового опыта, обогащаются знаниями. Это бесценный капитал.
 - Мы мечтаем о профессиональной армии, в которой служили бы выпускники российских военных училищ?
- А что в этом плохого? Российские училища пользуются хорошей репутацией. Кроме того, современный офицер должен знать о мире как можно больше. При этом, однако, вы затронули очень болезненный вопрос. В Польше до сих пор нет перспективной идеи профессиональной армии. Я этим озабочен. Нам надо как можно быстрее ясно сказать, что мы стремимся перейти к модели профессиональной армии, скажем, в течение ближайшего десятилетия. Такое решение правительства неизбежно. Я говорю это со всей ответственностью: чем раньше, тем лучше для Польши. Профессиональную армию не построить за год, два или три, на это потребуется не меньше 5-6 лет.
 - Какими аргументами против профессионализации Войска Польского оперируют критики этой идеи?
- Совершенно устаревшими. Они обращают внимание главным образом на социальную сторону вопроса воинской повинности: армия-де—это школа воспитания, лекарство от безработицы. Если это так, то я спрашиваю, почему бюджет должен так много платить за «армейские» виды социальной помощи? Я утверждаю, что намного дешевле держать этих людей на пособии по безработице. Безработицей должны заниматься специализированные гражданские институты, а не армия.

- Есть ли стратегические аргументы, обосновывающие стремление к сохранению крупной по численности армии, набираемой по призыву?
- Нет. Мышление категориями крупных по численности вооруженных сил устарело и с современной точки зрения вредно, ибо маловероятно, что начнется «великая война». А если и начнется, то не забудем, что это будет война всего НАТО с агрессором, который на нас напал, война в защиту Польши, то есть в обороне нерушимости территории НАТО. Несмотря на трудности, с которыми борется теперь НАТО, в такую войну должны быть вовлечены все его члены. Давайте представим себе даже самый пессимистический вариант: НАТО распадается. Даже в таких условиях массовая армия не гарантирует успеха. Для успеха борьбы с решительно преобладающим противником куда большую роль, чем регулярные военные действия, играет подготовка всего общества к организованному массовому сопротивлению в рамках подпольного государства. А для этого, вопреки тому, что кажется, не нужна призывная армия. Успешней и экономней этого можно достичь, организуя оборонительную подготовку. При случае заметим, что, как ни странно, Россия, например, намного смелее думает о создании добровольческой армии. Принимая этот очевидный вызов, Москва ушла куда дальше вперед, чем Польша. Президент Путин и российский Генеральный штаб публично представляли соответствующие идеи в этой области.
 - Подпольное государство во времена II Мировой войны действовало в Польше внушительно и с размахом. Но разве имеют смысл такие структуры при наличии сверхсовременных средств контроля и видов вооружения, которые агрессор и оккупант может применить в любое время?
- Лишь бы не пришлось проверять целесообразность таких решений. Я, однако, считаю, что сегодня задача оборонительная подготовка общества, чтобы оно могло противостоять возможным угрозам. Люди должны знать, что их может ожидать, должны понимать, к чему может привести биотеррористическая или кибертеррористическая угроза. В эту работу следует вовлечь органы местного самоуправления, администрацию и общественные организации. Школы, заводы, предприятия и другие объекты должны быть подготовлены к военной угрозе. Нужно, чтобы в критическом положении можно было быстро задействовать военные структуры подпольного государства и гражданскую оборону.
 - Генерал Филатов, и не он один в российском истеблишменте, исповедует принцип, согласно которому Россия обладает пра-

вом применить и применит ядерное оружие, если возникнет такая необходимость. Это коренное изменение по сравнению с заявлениями бывшего СССР о том, что он никогда не применит этого оружия первым.

- Это более правильный, здоровый и менее лицемерный подход к этому вопросу. Что стого, что Брежнев утверждал, будто его страна не станет использовать ядерный потенциал, если в это никто не верил? Такого рода заявления воспринимались как наглое лицемерие кремлевских вождей. Прежняя позиция Москвы была просто пропагандистской. У России есть теперь право делать заявления, подобные заявлению генерала Филатова. Ни одна ядерная держава не поколеблется применить ядерное оружие, если ее жизненно важные интересы окажутся под угрозой. Россияне дали это ясно понять. То, что они предлагают, можно назвать расширенным принципом устрашения. Не забудьте, что с юга Россия может подвергаться разным неприятностям и атакам.
 - В связи с вышесказанным мне бы хотелось спросить, какова общая эффективность первого ядерного удара. Что он обеспечивает? Позволяет ли парализовать, обезвредить противника?
- Эффективность такого удара в конфронтации ядерных держав — нулевая, я бы даже сказал, отрицательная. Мы знаем, что он влечет за собой ответный удар, а это уже провоцирует самоубийство. Ядерное оружие все еще сдерживает от удара, как и во времена «холодной войны». Совсем иначе это выглядит в случае возможных «негосударственных» владельцев оружия массового уничтожения (например, террористических организаций) и безответственных режимов, которые могут им завладеть. Их не запугать угрозой ответного удара, ибо они (как террористы) либо не имеют «адреса», по которому можно направить эту угрозу, либо (как безответственные режимы) готовы превратить свой народ в «массового самоубийцу», атакующего противника самоуничтожением. Поэтому ключевой вопрос современности — нераспространение ядерного оружия. Нельзя разрешить, чтобы это смертельное оружье попадало в руки террористических групп и безответственных властителей, которые не признают принципов международного сосуществования, лидеров «государств-изгоев». Лучше не допустить, чтобы они заполучили это оружие, чтобы запугивать или шантажировать других. Предотвратить в таких случаях и легче, и дешевле.

— А можно ли с помощью ракет решить конфликт в свою пользу?

— Нет, одни ракеты не побеждают. Без человека все еще трудно обойтись. Технология сильно помогает, но кроме нее нужен живой человек — квалифицированный, на высоком уровне. Для победы нам нужны тренированные военнослужащие, опытные дипломаты, проницательные экономисты и эффективные разведывательные службы — образованные и всесторонне обученные. Офицеры этих служб должны и хорошо стрелять, и профессионально собирать информацию, обрабатывать ее, анализировать. Преимущество сейчас зависит от системы с дистанционным управлением, точного оружия. Чтобы их обслуживать, вовсе нет необходимости воевать на поле боя. Достаточно сидеть гденибудь в бункере на территории США. Поэтому я и говорю: поражающая сила ни к чему не пригодна, если с ней не сопряжен знающий свое дело человек.

> Беседу вел **Генрик Сухар,** публицист еженедельников «Впрост» и «Польска збройна»

Станислав Козей — профессор и отставной генерал. Много лет был директором департамента системы обороны в президентском Бюро национальной безопасности и в министерстве национальной обороны. Ведущий автор принятой оборонной стратегии Польши и системы национального стратегического планирования. Был представителем Польши в комиссии по наблюдению в Корее (Панмынчэкон), заместителем начальника миссии ОБСЕ в Грузии, представителем Польши в комитете НАТО по вопросам ядерной политики.

В настоящее время — независимый стратегический эксперт по вопросам международной и национальной безопасности в частном Высшем училище бизнеса и администрации в Варшаве, а также в Академии национальной обороны. Автор более 500 трудов в области безопасности, обороны и военного искусства.

Виталий Портников

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПУБЛИЦИСТА

На протяжении последних трех лет я публикую свои дневниковые записи на страницах киевской газеты «Дзеркало тижня» («Зеркало недели»). Идея обратиться к этому жанру сформировалась у меня летом 2000 г., когда на берегу Охридского озера я старался одолеть дневники Витольда Гомбровича. И с грустью думал о том, что в украинской или российской публицистике дневниковый жанр, позволяющий посмотреть на мир сквозь призму собственного взгляда и вместе с тем осмыслить его универсально, отнодь не так культивирован, как в польской. Нет, и у нас есть свои дневники, но это скорее дневники узких специалистов, чем дневники Гомбровича или Герлинга-Грудзинского...

Моя попытка возвратить дневниковому жанру целостность восприятия мира — это всего лишь мой эксперимент. Для читателя, интересующегося Польшей, могут быть любопытны страницы, Польше посвященные или связанные с Польшей и польским пространством. Сразу оговорюсь, что это, наверное, не та Польша, к которой привык читатель. Мое восприятие Польши — очень еврейское в силу происхождения и глубинного ощущения долгой связи моего народа и этой страны. Мое восприятие Польши — очень украинское в силу моего рождения и понимания долгой связи моей страны и этой цивилизации. Мое восприятие Польши — и русское: я живу в Москве последние 15 лет, и было бы нелепо считать, что российско-польские взаимосвязи могли пройти мимо меня. И мое восприятие Польши — еще и польское: никогда я не ощущал себя иностранцем в стране, в которой мне не нужны были переводчики и экскурсоводы, а нужны были добрые друзья, любимые города и хорошие книги — и все это у меня есть в моей Польше.

2000 год Сентябрь. ГЕДРОЙЦ

Я слишком долго размышлял над первой записью — возможно, потому что в дневнике вообще не бывает первых записей, каких-либо предисловий, вступлений... Если бы я был писателем, то начал бы с обычного своего дня, стремясь перенести на бумагу какие-то будничные соображения и эмоции... Но я не писатель, а публицистические дневники должны жить по своим собственным законам.

Идея первой записи появилась как-то сама собой, когда в «Газете выборчей» я прочел о смерти Ежи Гедройца, редактора парижской «Культуры». Фамилия эта не очень известна в Украине, хотя странно: Гедройц издал произведения писателей нашего «расстрелянного Возрождения» еще тогда, когда их фамилии произносили разве что шепотом... С другой стороны — ничего странного...

Гедройц прожил мафусаилов век — 94 года — и в последние дни жизни еще работал над последним номером своего журнала и общался с читателями в Интернете. Честно говоря, я как-то не осознавал, что этот человек остается нашим современником: фамилию Гедройца встречал на страницах мемуаров и дневников польских писателей послевоенных лет, уже тогда он выглядел пожилым и мудрым человеком, и, возможно, именно поэтому я не понимал, что редактор «Культуры» все еще продолжает колдовать над своим изданием в пригороде Парижа...

Писатели, которыми сегодня гордится Польша, называли его великим, не опасаясь, что это повлияет на их репутацию. Возможно, именно потому, что Гедройц был прежде всего режиссером польской литературы: он не боялся советовать амбиционным коллегам, выстраивать их планы, влиять на их мысли. Так из «шинели» парижского журнала вышла почти вся литература, приблизившая Польшу к Европе, самим полякам доказавшая, что Польша не должна быть хуторянской, второсортной, униженной... Именно в «Культуре» печатались «Дневники» Гомбровича, лучшие стихи Милоша, изысканные

мысли Герлинга-Грудзинского... А сам Гедройц? Он не боялся создавать свою Польшу не кисточкой, а скальпелем, публиковать мнения, видимо, обидные для «патриотов»... И с той же Украиной: можно себе представить, как относилась польская эмиграция к украинцам после II ировой войны, после потери Львова, партизанского движения ОУН... И как относилась украинская эмиграция к полякам после операции «Висла». А Гедройц предлагал говорить не об этом, а о том, как будут складываться отношения независимой Польши с независимой Украиной в будущем. Неплохая тема для 40-50-х годов, правда? И каким нацеленным в будущее нужно было быть, чтобы начать создавать — хотя бы теми же публикациями писателей «расстрелянного Возрождения» — европейский образ Украины тогда, когда украинская эмиграция оказалась явно неспособной на непровинциальность!

У нас таких режиссеров нет... Мы всё должны своими силами. Наши редакторы — скорее добрые друзья, чем мудрые режиссеры. Так уж вышло, но можем ли мы оставаться в вечном плену наших цивилизационных недоработок? Чем еще мне всегда нравилось мировоззрение Гедройца — умением даже там, во Франции, жить памятью даже не о Польше, а об утраченном пространстве Речи Посполитой. Польши. Украины. Белоруссии. Литвы. Мне всегда было подсознательно очень близко такое мировоззрение — пускай это окажется не украинским, а еврейским, не буду спорить, и все же в детстве, когда я открывал для себя Прибалтику, Эстония казалась интересной и чужой, Латвия — привлекательной и понятной, а Литва — почти родной. Я чувствовал себя в Вильнюсе, как в Киеве: со временем так я буду чувствовать себя в польских городах. Уверен, что культурное пространство Речи Посполитой сохранилось, и точно знаю — ну, это уже просто мой жизненный опыт, — что Москва — не столица Украины...

Не собираюсь здесь заниматься какими-то политическими теориями. Просто по сравнению с россиянами, которые под непровинциальностью понимают прежде всего имперскость, могущество, право сильного, все комплексы большой и бедной нации, — мы всегда будем провинциалами. Западнее, немножко западнее от нас все же ждут иного — не могущества, а желания жить по-человечески. Поверхностный анализ показывает, что жить по-человечески все же легче, чем довольствоваться необъятной территорией и историей, переполненной победами, просто невозможными на территории меньшего масштаба... Пусть сегодня у нас нереформированное общество, несамодостаточная экономика, народ, сам себя еще не осознавший, — всё так. Однако даже в минуты сильнейшей депрессии я остаюсь оптимистом. Потому что не хочется быть поверхностным и всегда хочется быть капельку Гедройцем. Журналистика побуждает к поверхностности. Политическая журналистика — к абсолютной поверхностности. Все эти мелкие интриги мелких людей, которые даже в учебники истории не попадут, эти парламентские потасовки, эти графоманские речи, этот телевизор... Телевизор! Вот еще почему следует благодарить Бога за жизнь в Москве: здесь мне хотя бы недоступны все эти каналы, я могу не нервничать... А впрочем, почему я все время должен убеждать читателя, что меня тяготит именно это, что я постоянно нахожусь в плену очередных замыслов Путина с Березовским... в лучшем случае Чубайса... Сыграть такую роль в украинской журналистике? За что?

Стоп. Никаким новым Гедройцем становиться не собираюсь. Не потому что не хочу, а потому что не могу. Жутко не хватает ответственности. Всегда было любопытно наблюдать за режиссерами, но самому становиться режиссером... Тем более за окном у меня не Эйфелева башня, а сталинские небоскребы: по левую сторону — гостиница «Украина», в центре — министерство иностранных дел, по правую сторону, немного дальше, — университет. Вечером очень красиво... Но иначе. Просто я подумал: если бы у меня был «свой», то есть наш, «украинский» Гедройц, он мог бы написать мне приблизительно следующее: вы уже надоели мне своими статьями. Если у вас нет таланта к романам, попробуйте дневники. Возможно, это ваш жанр?

На самом деле все было иначе. Мне еще пришлось убеждать Юлию Мостовую, явно производя на нее впечатление человека с завышенной самооценкой. Ну и пусть: не в первый и не в последний раз... Потом я долго размышлял не столько над концепцией, сколько над первой записью... Затем началась нервотрепка с моим возвращением в телевизор, это всегда катастрофа, я до сих пор не знаю, кем должен там быть — массовиком-затейником или проповедником.

Потом умер Гедройц. Я читал польские газеты, сознавая, как много мы потеряли без собственных Гедройцев. Мне всегда невероятно обидно в такие дни: теперь, когда время нравственных авторитетов уже практически прошло, тяжко осознавать, что в эпоху нравственных авторитетов мы обошлись без них... Я решил написать об этом. В «Зеркале» мне предложили 30 сентября. Откровенно говоря, я обрадовался. Это еврейский Новый год, наверное, мой любимый праздник: как-то так сложилось, что по сравнению с «обычным» Новым годом, для меня всегда связанным с публичностью, путешествиями и приключениями, этот Новый год — только мой: я умею радоваться ему в одиночестве. Это действительно время исполнения заветного... С Новым годом!

Октябрь. ПОЗНАНЬ

Во время выходных в Познани прочел отрывок из новой книги Станислава Лема. Это, в общем, необычный для Лема, но традиционный для польской публицистики жанр бесед с журналистом. Лем в этой книге рассказывает о своей жизни, о своих взглядах. Отрывок, на который я случайно натолкнулся в «Тыгоднике повшехном», — о зарубежных путешествиях Лема. И, естественно, вырисовывается образ этакого свободного интеллектуала, вынужденного жить в тоталитарном обществе...

Мой польский приятель утверждает, что еще несколько лет назад он читал другое интервью Лема, в котором писатель был вовсе не таким демократичным, остро критиковал «Солидарность»... Я даже не уверен, что это так: несколько лет назад сама попытка объективно оценить «Солидарность» могла показаться острой критикой. Я просто еще раз убедился, что в польском обществе сложились определенные правила даже не игры, нет, — а поведения. Что общество делится не на выигравших и проигравших, а на тех, кто уже тогда все понимал, и на тех, кто в тех или иных обстоятельствах ошибался.

В подобной ситуации и Лем может быть либералом, и Квасневский. И в обществе нет опасных иллюзий, что сегодня можно идти в одну сторону, а завтра — в противоположную. Просто люди договорились друг с другом, что добро, а что зло. В этой ситуации Лем, говорящий, что ему отвратительны защитники «народной Польши», но еще более отвратительны те, кто Освенцим называет «жидовской выдумкой», а польские проблемы объясняет тем, что «все жиды» — от Квасневского до епископов, кажется искренним человеком. А, скажем, Путин, которому нравится гимн Советского Союза, но который не желает переговоров с Масхадовым, потому-де, что Масхадов — антисемит, — неискренним. Потому что одновременно так не бывает.

Я здесь упомянул о Путине вовсе не потому, что всегда о нем думаю, а потому что ход его мыслей — это прекрасная иллюстрация того, как мыслит человек в обществе, которое не договорилось о понимании добра и зла. Именно теперь, когда я в Польше, празднуется юбилей «Демократической России». То есть празднуется — это громко сказано. Я просто увидел сообщение о торжествах среди прочих новостей из Москвы... Однако решил тоже подать голос, хотя бы написать рубрику для «Ведомостей». Рубрика вышла неожиданно очень злой. Я не планировал писать такую злую, хотел быть просто саркастичным. А написал так, скорее всего, потому что это просто мои собственные неоправдавшиеся надежды... Многое могу вспомнить за эти десять лет. Но самое главное впечатление — как порядочные люди или становились в российском обществе маргиналами — если сохраняли порядочность и оставались в политике; или переставали быть порядочными — если пытались остаться в политике и не быть маргиналами. Или просто уходили из политики преподавать в западных колледжах советологию...

У первой категории была одна-единственная возможность избежать маргинальности — умереть. Академика Сахарова травили почти до последнего вздоха, но уже на следующий день после его смерти рванулись на похороны, отталкивая друг друга локтями... А Галина Старовойтова? Те, кто не обращал внимания на содержание ее публичных выступлений при жизни, слетелись в Петербург поиграть в шестидесятников на ее могиле. А теперь Сергей Ковалев. К счастью, еще живой. Однако я уже несколько раз во время его выступлений ловил себя на мысли, что нужно не так, что нужно мягче, а он выступает как-то жестко и в то же время беспомощно...

Наверное, действительно нельзя быть полностью свободным от общественных настроений, живя в определенном обществе. Адам Михник сказал мне, когда я с ним разговаривал на прошлой неделе в Варшаве, что для него Ковалев остается крупнейшим нравственным авторитетом. И что он таким

станет для россиян, если они поймут происходящее в Чечне. Я понимаю, что это так. Что Михник совершенно прав, что так всегда было. И Сахаров имел бы жесткий и в то же время беспомощный вид, если бы его выступления об Афганистане можно было услышать на какой-нибудь конференции, скажем, в 1981 году... И я именно так и считал бы, что с этой аудиторией нужно мягче, нужно ей объяснять, чтобы она поняла...

Понимаю — но как-то не верю.

Опасаюсь, что все проблемы — и наши, и российские — состоят именно в том, что мы не договорились относительно добра и зла. Это соотношение нужно не просто понять и выучить, в него нужно поверить. И тогда уже невозможно будет от него отказаться, в зависимости от политической конъюнктуры...

Ноябрь. ВОЯЧЕК

Посмотрел фильм Леха Маевского «Воячек», посвященный культовому польскому поэту 70-х. Кассета лежала у меня давно, все откладывал и откладывал этот просмотр. И смотрел как сериал — в три приема: сразу как-то было очень тяжело. Не потому, что фильм плохой, а потому что реальность слишком знакома. Я не очень рассмотрел в этой ленте самого Рафала Воячека, однако что в ней удалось - так это социализм. Возможно, благодаря тому, что фильм черно-белый, возможно, потому что действие разворачивается лишь на нескольких объектах, как в телеспектакле: ресторан, вокзал, больница, квартира... Жизнь очень ограниченна, безнадежна, беспросветна. События повторяются изо дня в день... Скучно. Конечно, Воячек умирает — а что еще делать талантливому человеку? Конечно, мудрый человек и в этой ситуации найдет себе занятие — будет созерцать бессобытийность, читать книги, слушать «Свободную Европу»... Молодому человеку все-таки тяжело — ему хочется дожить до мудрости в праздничном расположении духа...Существует три понимания того, как жить, если довелось родиться в социалистической стране. Первое - воспринимать ее реальность как единственную и наилучшую, самоотверженно делать карьеру, быть лучшим учеником дракона... поверить в то, что это наилучшая реальность, навсегда. Я встречал таких людей во многих странах, однако более всего поразили они меня в Берлине: мы прогуливались мимо ярких витрин Кудама, по главной западноберлинской улице, и они уверяли меня, как было хорошо в ГДР. Хотя до того, что осталось от ГДР, было несколько минут на метро, я имел возможность сам все проверить... Возможно, им и было хорошо...

Второе понимание, которое я увидел сегодня в «Воячеке»: когда реальность воспринимается как безысходность, сам ты становишься живым протестом, стремясь ее изменить... Конечно, она остается такой же. Ты умираешь — или физически, как Воячек, или морально, как многие из его ровесников, избравших комсомольские карьеры...Однако на самом деле в социалистическом обществе большинство людей выживает не в этих двух реальностях, а в третьей, выдуманной. Когда-то, еще в начале перестройки, об этой реальности рассказал Сергей Юрский в своей ленте «Чернов. Chernov». Главный герой фильма просто не живет в социализме. А живет — цитирую здесь свою рецензию в «Независимой газете» за январь 1991 г. — «в скоростных железнодорожных составах Париж—Барселона, в уютных маленьких городках, где кофе со свежими булочками, — веселый сладкий праздник уютного ресторанчика далеко от столиц... Человек, оказывается, может жить только нормальной жизнью. Если лишить его этой жизни — он немедленно двинется в Зазеркалье, тем более что пример этого естественного существования все-таки сохраняется в далеких скоростных пуленепробиваемых поездах — и вокруг них... Нет, Чернов не мечтает об Испании, красивой женщине, мудрых и талантливых спутниках по странствованию. Он просто живет там. А существует здесь. Впрочем, именно это уже и не важно. Боюсь, что вообще все мы — за незначительным исключением горстки по-настоящему состоявшихся, обретших себя людей — живем там. А здесь существуем, что механически освобождает нас от любых обязательств перед страной и обществом, в которых мы не живем. Поэтому мы и можем — как Чернов — отречься от друга, отойти в сторону, отступить... Там — не в мечтах, а в реальной жизни — мы смелые, красивые, богатые, в белых костюмах. Здесь — в ирреальности, где мы по каким-то причинам находимся, — мы робкие, напуганные, лживые, в порванных джинсах. Мечта и реальность просто поменялись в нашей жизни местами. Так и должно быть — человеческий

мозг просто был обязан защитить личность в этом тотальном кошмаре. Страшнее всего, что каждый одинок в этом коллективном обмане. Каждый почему-то уверен, что он, и только он, живет так, сам в своих Каннах...»

С тех пор, как я написал этот текст, прошло уже почти десять лет. И сегодня мне кажется, что общество, появившееся в результате бесшабашного нежелания жить в выдуманном мире, оказалось для большинства более жестоким, чем социализм. Оно не оставляет возможности мечтать. Ты воспринимаещь реальность или как замечательную — что нетрудно при условии успешной карьеры, путешествий на Запад, обедов в дорогих ресторанах и нарядов от Версаче для жены, или как безнадежную — что нетрудно, если ты живешь обычной жизнью, без нарядов и путешествий. Защититься иллюзией между тем и другим почти невозможно, ибо та, иная жизнь, яркая и привлекательная, — не за железной решеткой, не за морями-океанами. Почти рядом. На соседней улице. Экспресс Париж—Барселона? Хоть и завтра, покупай тур. Белый костюм? Новая коллекция на соседней улице. Ужин при свечах с удивительной женщиной? В соседнем ресторане! Можно ли мечтать о недоступной будничности? На Западе по крайней мере большинство людей имеют представление, как достичь хотя бы части этой недоступной будничности... У вас не очень большая зарплата, вы не покупаете в центре, ну что ж — в выходные поедете с женой в супермаркет в пригород. Вы работаете, поэтому у вас нет времени на зависть и недовольство по поводу того, что у соседа на шесть комнат больше и бассейн глубже. Все это конкуренция среди среднего класса, а не конкуренция богатых с нищими, как у нас. Социализм, как известно, умер — просто потому, что даже для того, чтобы люди жили в атмосфере иллюзий, их нужно чем-то кормить... Вожди того общества считали своих запуганных подданных спокойным и безопасным быдлом — и просчитались. Именно поэтому меня удивляет, откуда такое нереалистическое ощущение безопасности у нынешних вождей? Можно сколько угодно успокаивать себя, что здесь, дескать, такое спокойное население, ничего не произойдет, нужно его дограбить — и тогда уже начнем строить демократическое рыночное общество... Однако прощать могут лишь люди с иллюзорным мышлением: потому-то бывшие члены политбюро и становились в новых условиях в лучшем случае президентами, в худшем — руководителями парламентских комитетов... За эти десять лет у нас сформировалось общество сугубо реалистичное: будьте реалистами, голосуйте за Кучму! Такое общество в самом деле может проголосовать как следует — один раз, второй, третий. Однако оно ничего не простит своим поводырям, если они хотя бы на миг выпустят веревку...

Декабрь. МИНСК

Конечно, банальная мысль: прелести города определяются прежде всего, тем откуда ты в него приезжаешь. Несколько лет назад, едва лишь в Минске закончился очередной саммит СНГ, я переехал в Вильнюс. И словно очутился в другом мире... Впрочем, Вильнюс я просто люблю — и был бы счастлив приезжать в этот город откуда бы то ни было. А теперь я считал дни, а затем часы до Варшавы. И она оправдала все мои надежды — я снова оказался в другом мире... А я, следует сказать, из тех гостей Варшавы, которые по прибытии в польскую столицу прежде всего изучают железнодорожное расписание, чтобы поскорее оказаться в Кракове...

Однако на этот раз все было иначе. Естественно, за несколько дней мой минский опыт забудется, и я снова буду захвачен варшавскими расстояниями, сталинским пейзажем Дома культуры и науки за окном гостиницы, снова буду изучать расписание, чтобы куда-нибудь переехать сразу же, как только покончу с делами... Но в первый день я прогуливался по варшавским улицам и словно возвращался к жизни. Эта смена настроений была такой стремительной и такой очевидной, что стоило задуматься: что же такое в минской атмосфере вынуждает меня впадать в депрессию и ждать отъезда? Бедность? Но и Киев — небогатый город, однако оттуда никогда не хочется спешить. Политический режим? Российская власть тоже не выглядит чрезмерно демократической, но это не мешает мне жить в Москве. И потом, прошу прощения, я жил в Белграде при Милошевиче, который может еще поучить Лукашенко манипулировать своим населением: «бацька» сделал из белорусов нищих, а Слобо из сербов — мертвецов. «Почувствуйте разницу!» Но мне все равно нравилось в Белграде. Меня тошнило от власти, вранья в газетах, огорчал постепенный упадок прекрасного балканского города, однако жизнь в Белграде — особое состояние души, которое не хочется прерывать.

Поэтому дело прежде всего в этом душевном состоянии: в Минске на него влияет толпа. Обычная уличная толпа — очень советская. Невероятно советская. Настолько советская, словно ничего и не изменилось. Такой «советской» толпы никогда не было в Белграде. И уже нет в Москве. И почти нет в Киеве — это определяется не количеством денег, а, видимо, пониманием того, что за тебя эти деньги никто не заработает. В Белоруссии подобного понимания почти нет. Белорусы, как и украинцы, работают в соседних странах, пытаются нелегально зарабатывать на Западе, но, Боже мой, как же их это раздражает! Большинство населения здесь все равно полагается на государство: президент может вызывать неудовлетворение только потому, что не повышает зарплату и повышает цены на топливо, а не потому, что не проводит реформы. Государство продолжает заботиться о тебе, следить за тобой — этакий Старший Брат из Оруэлла... Я собирался купить билет из Минска до Варшавы в московском офисе компании «Белавиа». Мне ответили, что такой билет приобрести нельзя: он должен быть в оба конца. «Мы должны знать, когда вы возвращаетесь»! Разговор со мной продолжили только после того, как я объяснил, что я не гражданин Беларуси... Как и в советские времена: иностранцам — можно, своим — дудки... Уже в Минске я разговаривал с парнем, служащим в белорусской армии после окончания математического факультета университета. Служит рядовым, так как на военную кафедру берут не всех. Но все равно радуется, поскольку круглый год может бесплатно ездить в родной Борисов на электричке... После учебы хотел остаться в Минске, но нет прописки — и его распределили в Жлобин, на металлургический комбинат. Это тоже неплохо, ведь комбинат работает, продает металл (видимо, белорусские металлурги действуют по совершенно иным правилам, чем украинские или российские, но это уже совсем другая история). «Неплохие стартовые условия?» — спросил меня парень. А что — обычные, «нашенские», определяемые не способностями человека, а наличием или отсутствием военной кафедры, прописки, назначением на место работы. Именно благодаря подобным «стартовым условиям» советское общество маргинализировалось, деградировало, плелось в хвосте в конкуренции новейших технологий и в конце концов исчезло. Сохранить его удалось в одной отдельно взятой республикеда и то на чужие, российские деньги. Режиму Лукашенко удалось построить мемориал Советского Союза. Естественно, это не настоящий Советский Союз, а скорее карикатурный. Вы можете приобрести в киоске оппозиционную прессу. Вы можете слушать радио «Свобода» без всякого там глушения — тем более что бюро «Свободы» находится в пяти часах пешком от президентской резиденции, в офисном доме «Макдональда». (Теперь представим себе «Свободу» и «Макдональд» в настоящем Советском Союзе.) Вы можете свободно смотреть российские телеканалы, которые все же не могут откровенно лгать: разогнанную демонстрацию они назовут разогнанной демонстрацией, даже если белорусское телевидение просто промолчит. Но все это разнообразие возможностей удручает еще больше: если они обо всем могут узнать, то как могут продолжать бездарно губить свою жизнь и жизнь своей прекрасной, невероятно уютной страны? Все от солдата из Борисова до президента из Могилева! Почему они превратились в музейные экспонаты, живое напоминание о том, «как было»?

В музее заброшенного прошлого всегда тяжело дышать. Именно поэтому так радуешься настоящей, логичной жизни, улыбающимся лицам, предновогодней атмосфере в магазинах... Я окончательно восстановился, когда в варшавском универмаге «Центрум» продавщица предложила мне в дополнение к моим покупкам приобрести что-нибудь еще, чтобы получить в подарок маленького новогоднего медвежонка. Плюшевый медвежонок приветливо улыбался с рекламы: «Обними меня и отнеси домой». Я, естественно, согласился и отнес его в гостиницу. Теперь он там спит...

2001 год Январь. МЮНХЕН

31 декабря 1991-го, за несколько часов до Нового года, я сошел с поезда на мюнхенском вокзале. Это было мое первое пребывание на Западе, в этот день я впервые путешествовал самостоятельно, без коллег и переводчиков. 1 января 1992-го я гулял по почти пустым — праздники! — коридорам радио «Свобода», ожидая своего выхода в эфир...

Сегодня, спустя девять лет, я снова тут. Прогуливаюсь по полупустым — праздники! — коридорам комплекса, переданного ныне Мюнхенскому университету, пытаюсь вспомнить, где что было... Это более чем странное посещение административного здания: радио «Свобода» не ликвидировано, оно

просто переехало в другой город и сейчас изумляет туристов из бывшего СССР циклопическими масштабами своего пражского офиса в бывшей резиденции Федерального собрания Чехословакии... Я никогда долго не работал в Мюнхене, поэтому не могу сказать, что меня привела сюда ностальгия. Тогда что же? Кроме юношеских воспоминаний, в этих стенах неплохо думается о временах, считавшихся тогда последними годами в истории радио «Свобода». Тогда, в 1991-1992 гг., казалось, что цель, с которой создавалась радиостанция — построение на «одной шестой» общества свободных людей, — уже достигнута или вот-вот будет достигнута... Можно закрываться.

Что же произошло на самом деле? Некоторые редакции, как, скажем, польская или венгерская службы радио «Свободная Европа», соседки «Свободы», действительно прекратили свое существование. Однако остались важной частью истории стран, для которых они работали. Поляки осознавали, что «Свободная Европа» — это их радио. А коммунистическая «Трибуна люду» — чужая газета. И для огромной части польского общества это очевидно. Мы же до сих пор считаем, что радио «Свобода» — по ту сторону баррикад. Мы и сами хотели бы быть по ту, попытались уже на них вскарабкаться, но путь оказался труден, а обратно уже тоже было нельзя. Вот мы и остались сидеть на заборе со странным выражением лица... Радио тоже оказалось в непредвиденной ситуации. С одной стороны, гражданское общество, к которому оно призывало, у нас так и не возникло. Но и режима, с которым радиостанция боролась во времена Хрущева, Брежнева или Андропова, больше не существует. Эту проблему мюнхенской радиостанции пришлось решать уже пражской, строить отношения с обществом и властями буквально с нуля. Впрочем, загадочное исчезновение в Чечне корреспондента российской службы Андрея Бабицкого убедило, что отношение к радио со стороны властей не очень изменилось с советских времен: просто в данное время они вынуждены терпеть его существование...

Так что для меня мюнхенский комплекс радио «Свобода» — это памятник утраченным надеждам... Оказалось, что нам не очень-то нужна была вся эта правда, что для нас Запад — это не «человек имеет право», а «человек имеет авто»... Голос мюнхенской радиостанции так и остался гласом вопиющего в пустыне. Ее ветераны едва ли будут героями в обществе, в котором государственниками становятся офицеры госбезопасности и службу тоталитарному режиму объясняют патриотизмом, а не обычным отсутствием порядочности и желанием быть лучшим учеником дракона. «Свобода» никогда не была просто интеллигентной службой новостей, как Би-Би-Си или «Радио Швеции», она была прежде всего фронтовой радиостанцией. Войну с несвободой в масштабе страны она выиграла, но выиграть войну против рабства в душе отдельного человека оказалось почти невозможно...

Январь. ХЕРЛИНГ-ГРУДЗИНСКИЙ

В одной из последних книг польского писателя Густава Херлинга-Грудзинского, умершего в прошлом году, я обнаружил неожиданное для себя наблюдение. Херлинг-Грудзинский, почти четыре десятилетия проживший в эмиграции в Неаполе, жалуется на одиночество в этом большом городе. И не потому, что в Неаполе не хватало интеллектуалов, а потому что люди, способные составить компанию польскому писателю, не хотели его знать. Неаполь был... коммунистическим городом, а Херлинг-Грудзинский — писателем, эмигрировавшим из коммунистической страны. И потому вплоть до 1989 г. он был чужим для неаполитанского «высшего света» — он был чужим для них, они были чужими для него...

Конечно, для человека, посещавшего «коммунистические» города Италии, в этом нет ничего странного. Я никогда не был в Неаполе, однако жил, скажем, в Болонье... Это не бедный юг, а богатый север страны — и все же меня не переставали удивлять приметы вроде подзабытого «советского» стиля поведения — на улицах, в гостинице, даже в современной архитектуре. Оказалось, что и на Западе можно выстроить свой центр неполноценности: его миазмы отравляли воздух старинной Болоньи, не позволяли почувствовать себя туристом из восточной страны на богатом Западе — как в соседней Флоренции или Ферраре... Что-то в этом городе ощущалось родноепреродное. Коммунисты всегда строят что-то похожее — в Советском Союзе или в отдельном итальянском городе... Так вот неаполитанскую жизнь Херлинга-Грудзинского я себе хорошо представил. Удивил меня в его воспоминаниях скорее сам парадокс существования. Человек, чтобы

не жить в обществе ежедневного унижения, покидает родину. И в результате оказывается в свободной стране, но в городе, где это общество ежедневного унижения прославляется и считается идеалом мыслящего существа. Несколько часов на поезде — и ты уже совсем в других мирах, совсем в других городах. Однако здесь, в твоем новом родном городе, нет соответствующего круга общения, нет людей, которые бы тебя понимали... Герлингу пришлось так жить вплоть до 1989 г.: крах коммунизма сделал его популярным человеком, неаполитанская знать удивлялась, как она до сих пор не знала такого интересного собеседника...

А как это происходит в наших палестинах?

Я хорошо помню, как на меня с моими прогнозами, что Советскому Союзу осталось несколько лет, а украинская независимость — не диссидентская мечта, а почти реальность, смотрели коллеги, озабоченные собственными карьерными успехами. Считали, что в Москве можно позволить себе такие странные взгляды — перестройка все-таки! Героями борьбы за независимость все как один стали в ночь с 24 на 25 августа 1991 года. Нашли где-то желто-голубые значки, которые еще весной наталкивались на пренебрежительно-осуждающие взгляды «интеллигентных» киевлян, начали уверять, что всегда были неутомимыми борцами за свободу «неньки» — где бы ни работали: в ЦК, КГБ, совете министров или на Гостелерадио. Конечно, в этом государстве мгновенных патриотов я снова сразу же выделился: мы здесь строим изо всех сил, а он там сидит, с нами строить не хочет. Да, правильно, как не хотел с вами строить до августа 1991 г., так не хочу и после него. Вы же строите, те же мои сердечные друзья, бывшие патриоты одной шестой, настоящие патриоты «неньки». Я вам не верю. Вы одну свою страну предали? Это же для меня она была империей, для вас — государством, предоставляющим так много возможностей... А сейчас это, новое, дает возможности? Вы и его способны предать при первом же случае.

Сейчас вот новое дело — скандал с пленками. Я еще в 1994 г. написал и сказал, где мог, что у Леонида Даниловича Кучмы есть одна проблема — он не способен исполнять обязанности президента Украины. Меня годами убеждали, что я его недооценил. Что он в действительности сильный политик: может, в экономике и не разбирается, тем не менее власть удержал, государство стабилизировал, элиту укротил. Я свою позицию все эти годы не менял, а чего ее было менять на фоне упадка страны, деградации ее экономики, криминализации руководящего класса? Теперь вот все раз — и прозрели. Записи президентских разговоров нам продемонстрировали, какой это человек неинтеллигентный, а мы и не знали — или знали, но не могли доказать. И всей элитой пошли в поход за справедливость. И конечно, мне остается только «пасти задніх» — ибо там такие генералы и солдаты в этой армии правды, такие натуры, такие репутации, что небольшое количество тех, кто искренне желает изменений, теряется в океане амбиций людей, уверенных: нужно использовать ситуацию наилучшим для себя образом.

Как-нибудь здесь перезимую. Рядовой, необученный. Нет, лучше вы к нам. Ибо знаю, какой будет ваша революция. Иногда важно не только то, кто идет в отставку, а и то, кто отсылает. Мы, кажется, уже вошли в африканский или латиноамериканский круг переворотов, когда от изменения хозяина президентского дворца меняются только счета его свиты, однако не благосостояние подданных. Ау! Для того чтобы Украина очистилась, придется привлекать к ответственности не только ее нынешних властителей, но и их преемников.

Февраль. ПИМЕН ПАНЧЕНКО

На нынешней неделе я попробовал писать комментарии для белорусской службы радио «Свобода». Было очень тяжело: хотя я прочитал много белорусских книжек, самому читать тексты для радиоэфира оказалось труднейшей задачей! Тем не менее я навсегда избавился от советской иллюзии о том, что белорусский язык настолько похож на русский или украинский, что его якобы и не существует. Когда начинаешь говорить на белорусском, сразу же ощущаешь всю его своеобразность, насыщенность и непринужденную мягкость, которую в украинском заменяет такая же естественная музыкальность... Просто это очень разные музыкальные инструменты. Как можно было этого не замечать?

Тем не менее, я не хотел бы углубляться в филологические штудии. Мне было важно самому себе объяснить, почему возникло это желание — хотя бы иногда говорить с белорусами на их

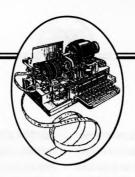
родном языке? Когда в начале учебы в Москве я раз и навсегда решил остаться в украинской журналистике, это не было проблемой выбора, ибо это была моя журналистика. Белорусская — журналистика другой страны. Однако я всегда ощущал невыразимую боль умирающих, наказанных неизвестно за какие грехи языка и культуры... В школьные годы я ездил за белорусскими книжками на станцию Поречье неподалеку от литовского Друскининкая — потом на ее печальном фоне будут снимать один из первых фильмов перестройки «Меня зовут Арлекино». В книжном магазине Поречья книжки накапливались, словно в библиотеке: некому было их покупать, они уже и не ожидали читателя, а просто тихо умирали. Я запомнил на всю жизнь то непередаваемое детское впечатление: покорное умирание прекрасных книжек в станционном книжном магазине...

Возможно, я хотел сделать это лишь ради одного человека — белорусского поэта Пимена Панченко. В одном из своих предсмертных стихотворений — я переписал его приблизительно 13 лет назад из минской газеты «Літаратура і мастацтва» — Панченко простился не с читателем, а с родным языком. Это стихотворение заканчивается так — полагаю, перевод здесь не нужен:

Родны Янка Купала,
Вы пісалі:
«Я веру: настане...»
Дарагі мой Иван Дамінікавіч,
Не, не настане!
Гэта ўжо не світанне,
Гэта наша настала змярканне,
Гэта з мовой маёй,
Гэта з песняй маёй
Развітанне

Почему-то эти строки я тоже запомнил. Представлял такую картину: старик поэт, почти классик, время подводить итоги, а главный из них — скоро просто не будет читателей, история не оставляет ему шанса иметь собеседника... Генетически я происхожу из такой же умершей культуры — культуры идиш. Однако читатель идиша не просто ассимилировался — главным местом его «ассимиляции» стали Освенцим и Бабий Яр... А белорусы — живут, живут в этой атмосфере «развітання», прощания со своей культурой. И даже сегодня непонятно, есть ли сила, способная изменить эту ситуацию... Один из зарубежных критиков моих дневников упрекнул меня в ненависти к белорусскому народу, который прикипел сердцем к своему президенту... Что ж, я должен быть последовательным, хотя бы ради памяти Пимена Панченко и таких, как он, — белорусских интеллигентов, все-таки надеявшихся, что их язык и культура будут спасены. И именно поэтому буду пытаться говорить по-белорусски...

Соседи всегда будут для нас примером того, что мы остановились буквально в шаге от той ужасной пропасти, после падения в которую будет уже поздно спасать культуру от окончательного уничтожения. Наши «маленькие» украиноязычные западные области — это средняя европейская страна. Наш центр, тоже понемногу возвращающийся к украинскому, — это уже страна большая. Припоминаю, как блуждал улицами Гродно, возможно, самого романтичного из белорусских городов, в надежде услышать хотя бы чуть-чуть белорусского. И услышал! Двое интеллигентных молодых людей (один из них оказался как раз преподавателем белорусского) живо общались между собой на языке, который я до того видел лишь в книгах... Шел 1980 год... С того времени ситуация, конечно, изменилась. Однако до сих пор люди, разговаривающие по-белорусски, выглядят эдакой суеверной сектой на собственной родине... Это и впрямь страшно... Никакой болтовней об общей судьбе, союзном государстве и братьях-славянах не оправдать это национальное самоуничтожение... Народ, который избавляется от самого себя, никогда не будет счастливым народом.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: «Я верю, что такова воля Божия: Богу угодно, чтобы мы вошли в общую Европу. Было бы плохо, если бы этого не произошло». («Жечпосполита», 18 февр.)
- Согласно опросу ЦИМО, 69% поляков, намеревающихся участвовать в референдуме, поддержат вступление Польши в Евросоюз. Против высказываются 20% опрошенных. Явка на референдум, по данным опроса, должна составить 78%. («Газета выборча», 7 марта)
- В документе, направленном польским властям Европейской комиссией, перечислены сферы, в которых переход к нормам Евросоюза происходит с опозданием. Подобные документы получили и другие страны-кандидаты за исключением Словении, однако в документе, направленном Польше, описано больше всего задержек. Выполнение обязательств, принятых на переговорах о вступлении в ЕС, будет проверяться каждые три месяца вплоть до окончательной оценки 5 ноября. («Жечпосполита», 7 марта)
- «В европейской семье не будет разделения на мам, пап и детей, которые еще не доросли до партнерства», предупредил в Брюсселе лидеров «15-ти» министр иностранных дел Польши Влодзимеж Цимошевич. Днем раньше президент Франции Жак Ширак заявил, что Польше и другим странам-кандидатам следовало бы держать язык за зубами вместо того, чтобы поддерживать стратегию США в Ираке. По мнению Ширака, такое поведение было «инфантильным». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 19 февр.)
- Европейский комиссар по внешним сношениям Крис Паттен: «Евросоюз — это не Варшавский договор. У стран есть свое мнение, и они должны его выражать». («Газета выборча», 19 февр.)
- «С точки зрения польской геополитики, перспектива того, что Америка бросит Европу, подрывает наше чувство безопасности. А Германия, отдаляющаяся от всей остальной Европы и ведущая собственную, независимую политику, это уже совсем мрачный сценарий. До сих пор Берлин гордился европеизацией своей внешней по-

- литики. Возвращение [Германии] к собственной политике, ее новый национализм и сепаратное сближение с Россией возрождает все польские страхи родом из Рапалло». (Марек Островский и Адам Шосткевич, «Политика», 22 февр.)
- Строительство шести стратегических радаров дальнего радиуса действия, способных обнаруживать баллистические ракеты и следить за их передвижением, начнет в Польше НАТО. На эту цель Североатлантический союз выделил 210 млн. долларов. Это крупнейшая инвестиция НАТО в Польше. («Жечпосполита», 3 марта)
- По словам президента Александра Квасневского, Польша закупит 1,1 млн. прививок от оспы, вирус которой может находиться в арсеналах Ирака и террористов. («Газета выборча», 20 февр.) ю В настоящее время в Польше пребывает 2400 иракцев. Более 1100 из них закончили польские вузы. В 70-80-е гг. в разведцентрах ПНР прошли подготовку почти 120 иракцев. Их учили, в частности, организации диверсионных операций. В 90-е полтора десятка из них, пользуясь поддельными паспортами, приезжали в Польшу под видом сотрудников торговых фирм. (Виолетта Красновская, «Впрост», 23 февр.)
- По данным опроса ЦИОМа, 62% поляков высказываются против поддержки американской военной операции в Ираке. 29% придерживаются противоположного мнения. («Жечпосполита», 13 февр.)
- «Политика расширенного Европейского союза: отношения с новыми соседями» так называлась конференция, организованная польским МИДом и Фондом Стефана Батория. Открывая конференцию, президент Александр Квасневский предостерег: «Расширение [ЕС] не должно привести к созданию на континенте нового занавеса, даже если он будет бархатным». Среди нескольких сот участников двухдневной конференции были гости из стран-членов Евросоюза и государств Восточной Европы: Белоруссии, Молдавии, России и Украины, а также ведущие польские политики. («Жечпосполита», 21 февр.)

- В неофициальном документе о восточной политике Евросоюза польский МИД назвал отмену виз одним из основных условий установления близкого сотрудничества со странами бывшего СССР. («Жечпосполита», 26 февр.)
- В течение года граждане России пересекают польскую границу около миллиона раз. Большинство из них приезжает в Польшу многократно. («Газета выборча», 6 марта)
- Россия предупредила, что «ввести в действие новое двустороннее соглашение [о порядке пересечения границы] до 1 июля вряд ли представляется возможным». Это означает, что в дальнейшем в отношениях между двумя странами «будут применяться национальные законы, регламентирующие порядок передвижения иностранных граждан». Пожелавший остаться неизвестным российский дипломат сказал: «У меня складывается впечатление, что Москве не понравилось предложение Варшавы: принимая т.н. украинский вариант, мы не вводили бы виз для поляков, а Польша выдавала бы их россиянам бесплатно. То, что Польша осмелилась предложить нечто подобное, могло кое-кого сильно задеть». Российский дипломат пояснил также, что предупреждение о применении «национальных законов» следует рассматривать как предостережение: с 1 июля получение российской визы может стать для поляка трудным, длительным и дорогостоящим процессом. (Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 7 марта)
- О. Бронислав Чаплицкий стал четвертым за год польским священнослужителем, выдворенным за пределы России. О. Бронислав служил на территории бывшего СССР уже 12 лет: был преподавателем Санкт-Петербургской духовной семинарии, написал книгу «Мартирология Католической Церкви в СССР», в которой можно найти около 2 тыс. имен католических священников и мирян, репрессированных за веру, занимался подготовкой беатификационного процесса мучеников, погибших от рук большевиков. Шесть лет он проработал на Кавказе: в Чечне, Дагестане и Осетии. В Грозном о. Бронислав основал приход, объединявший главным образом русских. («Жечпосполита», 24 февраля, «Газета выборча», 1-2 марта)
- Депутат Януш Левандовский, бывший министр по делам преобразования форм собственности: «Есть все основания пересмотреть наше отношение к российскому капиталу. Пора избав-

- ляться от исторических предубеждений конечно, сохраняя при этом необходимую осторожность (...) Мы привыкли видеть в нашем восточном соседе угрозу. Польша, поддерживаемая НАТО и участвующая в процессе европейской интеграции, может позволить себе больший прагматизм (...) Россияне знают о наших предубеждениях. Знают они и о том, что нам известны их прежние хищнические методы в Центральной и Восточной Европе. Нам известны случаи злоупотреблений силовыми методами российских концернов в Румынии (Плоешти), Болгарии (Бургас), Литве (Мажейкяй) и Латвии (Вентспилс). Повторение подобных методов в Польше лишит российский капитал перспектив в нашей стране. Мы не обречены на Россию. В долгосрочной перспективе россияне — одна из наших возможностей, если только они будут придерживаться принципов равноправного партнерства». («Газета выборча», 24 февр.)
- Вице-премьеры России и Польши Виктор Христенко и Марек Поль подписали дополнительный протокол к заключенному 10 лет назад соглашению о поставках в Польшу российского газа. Основные положения протокола касаются сокращения импорта российского газа на треть по сравнению с прежними договоренностями. Поскольку до сих пор построена (причем не до конца) лишь одна из двух нитей ямальского газопровода, а решения о продолжении инвестиций все еще нет, Польша будет дополнительно получать газ из трех других пунктов на границе. По мнению вице-премьера Поля, реализация контракта с Норвегией, обеспечивающего диверсификацию снабжения [Польши] газом, будет зависеть от спроса. («Жечпосполита», 13 февр.)
- «12 февраля вице-премьер Марек Поль подписал [польско-российское] соглашение о поставках газа (...) Соглашение это санкционирует невыполнение россиянами их прежних обязательств по строительству второй нити ямальского газопровода. Кроме того, вице-премьер Поль согласился уже с будущего года снизить оплату за транзит российского газа в Германию до уровня 1 доллара, т.е. до ставки, которая в два-три раза ниже
 средней по Западной Европе и в полтора раза ниже транзитной оплаты на Украине. Можем ли мы
 после столь выгодного для России решения
 газовой проблемы рассчитывать на ускоренное развитие наших экономических контактов?

Пока ничто об этом не свидетельствует (...) Польско-российские экономические отношения начинают напоминать русскую матрешку: снимешь одну проблему — появляется следующая». (Анджей Кублик, «Газета выборча», 22-23 февр.)

- жайшее время наш экспорт в Россию возрастет. Торговый обмен, составляющий 5 млрд. долл. в год (с перевесом импортируемого Польшей сырья), — это приблизительно столько, сколько логически вытекает из объема рынков. В Польше может появиться немного российских инвестиций, но к ним следует относиться крайне осторожно - особенно в энергетическом секторе (...) Газовый договор с Россией действительно уменьшил обязательную закупку газа на 35%, но в то же время продлил срок контракта и на долгие годы блокировал подлинную диверсификацию источников газа. Взамен мы получили туманные обещания строительства второй и расширения первой нити ямальского газопровода». (Ежи Марек Новаковский, «Впрост», 2 марта)
- За последние годы польский экспорт в Россию увеличился на 20%. Однако в торговом обмене между двумя странами продолжает сохраняться трехмиллиардный дефицит. Российский экспорт в Польшу — это прежде всего сырье: нефть и природный газ. В 2000 г. их стоимость составляла 89% всего польского импорта из России, продолжающей оставаться для Польши главным поставщиком этого сырья. («Жечпосполита», 21 февр.)
- Начиная с 1989 г. все польские правительства требовали от России компенсаций за сталинские репрессии. Перелом наступил лишь после заявления Владимира Путина, сделанного во время визита в Варшаву. Российский президент признал, что в принципе притязания поляков справедливы. Действующий в России закон о жертвах репрессий предусматривает компенсацию в размере 2 долл. 38 центов (менее 10 злотых) за месяц пребывания в лагере. Максимальный размер компенсации не может превышать возмещения за 100 месяцев заключения, т.е. составляет менее 1000 злотых. Авиабилет в Магадан стоит 700 долларов почти в три раза больше, чем размер максимальной компенсации. («Газета выборча», 21 февр.)
- Посетивший Варшаву премьер-министр России Михаил Касьянов сообщил, что поляки жертвы сталинских репрессий смогут получать

компенсации на тех же основаниях, что и россияне, — около 10 злотых за месяц пребывания в лагере. («Тыгодник повшехный», 2 марта)

- Президент Литвы Роландас Паксас заявил, что возвращение земли литовским полякам будет завершено до 2004 года. Литовский президент назвал Польшу стратегическим партнером Литвы. («Жечпосполита», 8-9 марта)
- 20 лидеров белорусских неправительственных организаций примут участие в «Польско-белорусской академии новой Европы». Лекции и дискуссии будут посвящены проблемам самоуправления, гуманитарной помощи и экологии. По мнению Яна Анджея Домбровского, председателя Коллегии Восточной Европы, которая организовала эту встречу во Вроцлаве, «белорусы чувствуют себя одинокими. Отъезд миссии ОБСЕ и посольств европейских государств еще более обострил изоляцию. Мы хотим противодействовать этому, создавая сеть контактов на уровне неправительственных организаций». («Жечпосполита», 17 февр.)
- Первый секретарь посольства Польши в Белоруссии был избит белорусским милиционером. («Жечпосполита», 3 марта)
- По данным последней всеобщей переписи населения на Украине, в течение десяти лет число поляков в этой стране уменьшилось на 70 тыс. человек. Куда они подевались? (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 18 февр.)
- По данным украинского Госкомстата, в 2001 г. на Украине жило 147,9 тыс. поляков, что означает уменьшение численности польского населения на 34,2% по сравнению с 1989-м. («Пшеглёнд православный», февр.)
- «Преступлениям против человечества не может быть оправдания. Но даже самая горькая правда, касающаяся прошлого, не должна повредить прекрасным отношениям Польши и Украиньр», сказал президент Леонид Кучма во время встречи с президентом Александром Квасневским, имея в виду 60-ю годовщину массовых убийств на Волыни. В 1943 г. украинские националисты убили несколько десятков тысяч поляков, живших на Волыни. В свете необходимости введения Польшей виз в связи с европейской интеграцией президенты Польши и Украины заявили, что польские визы будут выдаваться гражданам Украины бесплатно, а поляки смогут въезжать на Украину без виз. («Жечпосполита», 3 марта)

- Председатель украинского парламента Владимир Литвин: «Мы не будем просить у поляков прощения за резню на Волыни, так как в те времена еще не было украинского государства». («Жечпосполита», 3 марта)
- Министр иностранных дел Украины Анатолий Зленко: «60-я годовщина трагических событий на Волыни станет одним из главных моментов польско-украинских контактов в 2003 году. (...) Мы планируем строительство памятника польской и украинской мартирологии наподобие испанской Долины павших». («Впрост», 9 марта)
- «Можно практически не сомневаться в том, что наш сосед и стратегический партнер, которого Польша защищает в европейских структурах, впишет в официальную историческую традицию своего государства крайне националистическую кровавую организацию [УПА Украинскую повстанческую армию]. Может ли такой «стратегический партнер» быть для Польши безопасным? (...) В будущем отсутствие правды о человеконенавистническом и террористическом характере ОУН-УПА может представлять угрозу для Польши и причинить вред самой Украине». (Эва Семашко, «Жечпосполита», 22-23 февр.)
- Проф. Иренеуш Кшеминский, социолог: «Из исследований мы знаем, что среди поляков все еще распространены антисемитские настроения. В начале 90-х неприязнь к другим народам стала ослабевать, однако к концу прошлого десятилетия она вновь усилилась. В нашем обществе все время наблюдается неприязнь к чернокожим (...) Мы представляем собой как бы незаконченное, незавершенное общество. Наши учреждения работают плохо и скорее паразитируют на гражданах, нежели служат им. К сожалению, государство (...) не занимается разумной регуляцией общественных отношений, не укрепляет положительных сторон общественной жизни, не помогает человеку ковать его судьбу». («Жечпосполита», 14 февр.)
- «В американских штатах Канзас и Миссури 10 марта объявлено днем Ирены Сендлер. В Польше ее фамилии не встретишь в учебниках истории. Оскар Шиндлер спас 1100 евреев, Ирена Сендлер 2500 еврейских детей (...) Общество детей Катастрофы решило выдвинуть Ирену Сендлер в кандидаты на получение Нобелевской премии мира (...) В Варшаве действует Общество детей Катастрофы, объединяющее боле 800 человек. Руководит

- им Эльжбета Фицовская, одна из спасенных Иреной Сендлер (...) «Легче говорить о Януше Корчаке, чем об Ирене Сендлер, ибо она заставляет нас осознавать, чего мы не сделали, хотя могли бы сделать», говорит политолог из Стокгольмского университета Лешек Кантор». (Александра Завлоцкая, «Впрост», 16 февр.)
- «Мы можем и должны помогать чеченским беженцам. Для них Польша всего лишь остановка по пути на Запад, однако в действительности большинство из них останется здесь, так как Запад не хочет их принимать. У нас до сих пор нет никакой программы помощи этим людям кроме предоставления им статуса беженцев, да и то не всегда. После теракта в Театральном центре на Дубровке наше правительство отказало группе беженцев в праве на въезд в Польшу. Целых две недели эти люди кочевали на вокзале в Бресте». (Ежи Рогозинский, «Нове ксёнжки», март)
- С начала этого года польские врачи создают родильные отделения в больницах на афгано-пакистанской границе. В Кандагаре строится польская больница. («Жечпосполита», 4 марта)
- По данным третьего ежегодного отчета о положении в приютах для бездомных животных, смертность собак в результате стрессов, болезней и драк в переполненных клетках снизилась с 7 до 6%; с 24 до 18% уменьшилась доля собак, усыпленных, чтобы освободить место для следующих. С кошками дело обстоит хуже более 50% из них не в состоянии выжить в приютах, в т.ч. 19% умирают от стрессов и болезней. У кошек в два раза меньше шансов найти себе хозяина. На своей совместной пресс-конференции организации по охране животных призвали исключить из закона об охране животных положение, разрешающее охотникам отстрел кошек и собак. («Газета выборча», 11 февр.)
- Свящ. Адам Шульц, пресс-секретарь Епископата Польши: «В Польше действует около 150 всепольских и больше тысячи местных церковных обществ и фондов, занимающихся помощью нуждающимся. В их работе принимают участие почти 2,5 млн. человек. Наибольшее влияние на общественную деятельность Церкви оказывают молодые священники (после 1989 г. в Польше было рукоположено 10 тыс. человек), которые много путешествовали, видели, как организованы приходы за границей, брали пример с протестантских приходов». («Впрост», 2 марта)

- По данным Главного статистического управления (ГСУ), в январе безработица возросла с 18,1 до 18,7%. Работы не было у 3,3 млн. человек. В течение месяца в Польше появилось 104 тыс. новых безработных. («Жечпосполита», 22-23 февр.)
- № Из выступления Анджея Леппера на демонстрации, на несколько часов парализовавшей движение в Варшаве: «Нас много. Если каждый из нас проголосует за «Самооборону», власть будет наша. Мы будем протестовать и блокировать дороги до тех пор, пока не возьмем бразды правления в свои руки». («Жечпосполита», 5 марта)
- **№** «Не платить налоги государству или не выплачивать жалованья рабочим? Перед лицом этой дилеммы оказались более полутора тысяч польских предприятий. Почти тысяча из них, обеспечивающая занятость в общей сложности 120 тыс. человек, месяцами не платят рабочим. Более четырехсот предприятий не платят ни рабочим, ни государству. Большинство из них на нарушение закона толкает само государство. Платя рабочему среднюю зарплату, работодатель должен дополнительно отдавать государству эквивалент почти 90% этой суммы. Выплачивая жалование в размере двух средних зарплат, он должен еще столько же платить государству (...) Анализы Лаборатории социальных исследований показывают, что в 2002 г. каждый семнадцатый польский трудящийся (всего свыше 700 тыс. человек) не получал зарплату вовремя». (Янина Бликовская и Виолетта Красновская, «Впрост», 16 февр.)
- № Проф. Вацлав Вильчинский: «Государственный сектор разрушает экономику. Его доля в нашем экспорте составляет 10%, в ВВП 25%, а в имуществе 50%. Эти показатели говорят сами за себя». («Впрост», 16 февр.)
- Согласно докладу Европейской комиссии о рынке труда, только 53,8% поляков производственного возраста имеют работу. В деревне все еще работают 19,2% людей производственного возраста (в странах ЕС 4,2%). В промышленности, несмотря на огромный прогресс, наблюдающийся в последние годы, производительность труда рабочего до сих пор составляет лишь 45% от производительности труда в Евросоюзе. («Жечпосполита», 21 февр.)
- «Из-за сохранения постоянных дотаций на производство зерна (...) в прошлом году у нас было 4 млн. тонн его излишков (...) Зерна у нас слишком

- много, но несмотря на это стоит оно дорого, а крестьяне зарабатывают слишком мало. Зерна слишком много, значит, слишком много и свиней, а поскольку их выращивание обходится слишком дорого, производители слишком мало зарабатывают. Следовательно, дотации из налоговых поступлений на производство зерна привели нас к необходимости давать дотации (из тех же налоговых поступлений) на закупку свинины». (Михал Зелинский, «Впрост», 23 февр.)
- «На протяжении последних 12 лет все сменяющие друг друга правительства тратят больше, чем зарабатывают. В 1997 г. расходы превысили доходы на 5,9 млрд. злотых, в 2002-м уже на 39,8 миллиарда. Иными словами, дефицит возрос почти в семь раз, в то время как бюджетные доходы только на 20%. Вдобавок растет процент т.н. твердых, т.е. гарантированных законами расходов. В 1999 г. они составляли 58,2% бюджета, теперь 67,8%». (Ян Пинский и Михал Зелинский, «Впрост», 23 февр.)
- «В Польше служебная машина и шофер есть у каждого бургомистра поветового города. По польским дорогам ездит почти 50 тыс. служебных машин, принадлежащих министерствам, ведомствам, учреждениям и государственным фирмам. Это рекорд Европы в беззаботной растрате государственных денег (...) Ежегодно налогоплательщик платит за комфорт передвижения чиновников 4 млрд. зл. (...) В Великобритании машина и шофер для служебного пользования полагаются лишь сорока лицам». (Анджей Кропивницкий, «Впрост», 23 февр.)
- **В** начале января 67% поляков не верили в раскрытие дела о взятке в 17,5 млн. долларов, которую Лев Рывин потребовал у Адама Михника за изменения в законе о телевидении и радиовещании]. Спустя месяц эта цифра снизилась до 54%. Допрос первого свидетеля следственной комиссией Сейма смотрели полтора миллиона телезрителей, т.е. в два раза больше, чем обычно в это время. По мнению режиссера Януша Маевского, работа комиссии — столь же захватывающее зрелище, как футбольные матчи. «Это чтото вроде reality show», — утверждает Маевский. Депутат Людвик Дорн считает, что у комиссии есть уникальный шанс: она может установить позитивные стандарты общественной жизни. Кроме желания раскрыть аферу, членов комиссии объединяет (может быть, даже прежде всего) еще

одно — телекамеры и редкий шанс сделать головокружительную политическую карьеру. (Михал Катновский и Амелия Лукасяк, «Ньюсуик-Польша», 23 февр.)

- Мирослава Мароды, социолог: «Заседания комиссии стали событием значительно более крупным, чем можно было предположить (...) Теперь дело уже не спрячешь под сукно (...) Эта комиссия наконец-то напомнила нам о забытом понятии общего блага: оно не используется впрямую, но проступает в вопросах членов комиссии, которые забывают, что представляют конкурирующие партии, интересы которых они могли бы отстаивать, и начинают просто-напросто выяснять правду». («Жечпосполита», 18 февр.)
- Премьер-министр Лешек Миллер обратился в Агентство внутренней безопасности с просьбой проверить, не ссылается ли на него (как это сделал Лев Рывин) его единокровный брат Славомир и не привело ли это к коррупции государственных чиновников. («Тыгодник повшехный», 16 февр.)
- Газета «Трибуна» (бывшая «Трибуна люду»), связанная с правящим «Союзом демократических левых сил» (СДЛС), отказалась напечатать на своих страницах письмо бывшего первого секретаря ПОРП и премьер-министра Мечислава Раковского. В письме, в частности, говорится: «Не знаю, чем закончится вся эта чрезвычайно гнусная афера [Рывина], однако считаю необходимым напомнить, что разразилась она в период правления левых (...) В связи с этим мне кажется, что руководство партии должно созвать Всепольский совет СДЛС и выложить на нем обстоятельства, касающиеся всех аспектов этого дела, в которое так или иначе замешаны политики СДЛС». («Газета выборча», 17 февр.)
- Президент Александр Квасневский и премьер-министр Лешек Миллер заявили о намерении взаимодействовать друг с другом. («Жечпосполита», 26 февр.)
- Из сообщения Польского агентства печати (ПАП) о встрече фракции СДЛС с министрами (правительства и канцелярии президента) в президентском дворце: «Если кто-нибудь из дворцовых [президентских] или правительственных кругов сделает что-либо направленное против друзей с противоположной стороны, он будет устранен». («Тыгодник повшехный», 9 марта)

- Проф. Эдмунд Внук-Липинский, социолог: «Ситуация в Польше напоминает то, что творилось и до сих пор творится в южной Италии и что американские социологи назвали «аморальной семейственностью»: в интересах своей группы люди готовы прибегнуть к любым средствам, лишь бы добиться цели, пусть даже самой низкой». О. Мацей Земба, доминиканец: «Невозможно поступать морально, когда интересы собственной группы важнее общего блага». («Впрост», 16 февр.)
- **№** Согласно опросу ЦИМО, число негативных оценок правительства возросло с 60 до 70%. Число негативных оценок премьера возросло на 11% (до 56%), а президента на 5%. («Газета выборча», 26 февр.)
- Премьер-министр Лешек Миллер: «Отказавшись поддержать правительственные законопроекты, [крестьянская партия] ПСЛ поставила себя вне коалиции (...) Я, как премьер, не одобряю этого и более не могу с этим мириться (..) «Союз демократических левых сил» останется в коалиции с «Унией труда»». («Газета выборча», 3 марта)
- Новым министром сельского хозяйства назначен Адам Танский, а министром охраны окружающей среды Чеслав Слезяк. Таковы первые последствия распада коалиции СДЛС и ПСЛ. «Имея возможность выбора из нескольких лидеров крестьянских (или по крайней мере называющих себя крестьянскими) группировок, премьер выбрал пользующегося всеобщим уважением беспартийного профессионала (...) поскольку Танский, редкий в Польше специалист по финансированию сельскохозяйственного производства, может оказаться незаменимым в процессе вступления в Евросоюз». (Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 4 марта)
- **№** Согласно опросу ЦИОМа, 90% поляков утверждают, что для польской политики характерно комплектование кадров родственниками, друзьями и знакомыми. 85% считают, что чиновники берут взятки за рассмотрение дел, т.е. за исполнение своих прямых обязанностей. За последние два года число людей, разделяющих это мнение, увеличилось на 12%. («Газета выборча», 21 февр.)
- Проф. Яцек Курчевский, социолог, бывший вице-маршал Сейма: «По уровню коррупции Польша стоит на 44-м месте в мире. Занимающие

10-е место британцы свысока глядят на американцев, которые занимают лишь 16-е место». («Газета выборча», 8-9 марта)

- Юлия Питера, председатель польского отделения организации «Тransparency International», выступающей за искоренение коррупции: «Ни одна из крупных афер, связанных с обогащением за счет государственного бюджета, не закончилась вынесением приговора. Дела либо прекращались, либо не доходили до прокуратуры (...) Политики и партии относятся к государству как к своей добыче». Гражина Копинская из программы Фонда Стефана Батория «Против коррупции» считает, что подобные ситуации деморализуют общество: «Люди не верят в эффективность государства, не верят в справедливость. Они видят, что все можно купить или устроить». («Ньюсуик-Польша», 2 марта)
- «Парламент, суды и прокуратуру обвиняют в коррупции, слишком тесных связях с бизнесом и даже с преступными группировками. Учреждения, которые по определению должны быть независимыми, такие, как Всепольский совет по делам телевидения и радиовещания или Высшая контрольная палата, подвергаются давлению со стороны бизнеса и политики, а качество польского законодательства оставляет желать лучшего. В такие времена репутацию непредвзятого арбитра снискал Конституционный суд. «Он стал на страже правового государства», — говорит сотрудник Института политических наук ПАН Збигнев Сковронский (...) Суд следит за тем, чтобы Польша не сбилась с курса, намеченного в 1989 году. (...) У половины судей Конституционного суда за плечами политическая карьера, однако после вступления в должность они позабыли о своих партиях. Об этом свидетельствует тот факт, что 80% решений было принято единогласно (...) С октября 1999 г. решения [Конституционного суда] окончательны (...) Действия суда оценивает положительно половина общества. Это много, если учесть (...) что 60% граждан оценивают работу судов отрицательно. Лишь 17% поляков выставляют положительную оценку Сейму». (Агнешка Рыбак, «Ньюсуик-Польша», 16 февр.)

- В рейтинге популярности политиков, составленном институтом исследований общественного мнения и рынка «Пентор», первую позицию продолжает удерживать Александр Квасневский с 76-процентной поддержкой. На втором месте Лех Качинский (президент, т.е. мэр, Варшавы, бывший министр юстиции) 59%, на третьем Марек Боровский (маршал Сейма) 54%. («Впрост», 2 марта)
- Проф. Ежи Едлицкий, историк: «(«Уния свободы»] была не без греха, но по сравнению с другими она считалась партией честных людей. Однако ей это отнюдь не помогло: общество (...) отправило ее на свалку истории не потому, что в ней были испорченные или коррумпированные люди. Наоборот, если «Уния свободы» чемто и раздражала избирателей, то в значительной мере именно своей честностью. В Чехии в аналогичной ситуации оказался Вацлав Гавел: я читал, что половина общества не любила своего президента, хотя он мог служить примером благородства и мудрости (...) Я не совсем понимаю этот механизм, но, скорее всего, он заключается в следующем: люди покроя Гавела или Мазовецкого раздражают плебс именно тем, что они руководствуются принципами, что они неподкупны, не участвуют в закулисной возне, не ищут признания и т.д. Они лучше, чем окружающие, и этого им не могут простить (...) [Однако] реакция на аферу Рывина внушает оптимизм. Оказалось, что, кто бы ни скрывался за Рывиным, политический организм III Речи Посполитой начал защищаться от опасных токсинов. Включилась наконец защитная реакция, и это бесспорная заслуга Адама Михника». («Тыгодник повшехный», 2 марта)
- В варшавском Дворце культуры и науки открылась выставка «Призрак коммунизма». Ее организатор — основанный в 1999 г. фонд «Соц-Ланд». Выставка стала предвестником мультимедиа-экспозиции в Музее коммунизма, созданном усилиями «СоцЛанда» в здании металлургического комбината в краковском районе Нова Гута (см. статью Натальи Горбаневской на стр. 56). («Жечпосполита», 3 марта)

Кшиштоф Гжегжулка

ГАРАЖ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ ИДЕИ

Виталинские считают, что ежегодно они будут зарабатывать не меньше миллиона долларов. За счет чего? За счет идеи — самого дефицитного товара на польском рынке фотооборудования. Устройства для воспроизведения цифровых фотоснимков — изобретение братьев Яцека и Мацея Виталинских, владельцев фирмы «ЛабНетПлюс» из г. Тыхы, — заказала недавно американская фирма «Креонайт», один из крупнейших в мире поставщиков профессионального фотооборудования (20% рынка, оборот 1,5 млрд. долл.). Американская фирма собирается производить их подсобственной маркой. Виталинские изготовили образец устройства, а затем передали его производство немецкой фирме «Зитте» и китайской «София». А себе оставили производство этих устройств для реализации в Польше: один прибор стоит около 300 тыс. эл., что в три раза дешевле, чем аналогичное лазерное устройство, которое используют фотолаборатории.

- Мы хотели воспроизводить цифровые фотоснимки, но денег на лазерное устройство у нас не было, так что мы решили изготовить собственный прибор, подешевле, — говорит Яцек Виталинский.

Почти 99% фирм в Польше составляют малые и средние предприятия. На них приходится половина ВВП в стране. Главным образом благодаря лучшим из них с 1999 г. возрастает объем нашего экспорта, который за последний год вырос на 7%.

ОПЕРЕДИТЬ КОНКУРЕНТОВ

Кшиштоф Века и Вальдемар Ленчицкий, совладельцы фирмы «Динапласт» из Ольштына, сумели так усовершенствовать технологию производства пластиковой тары, что начали делать практически самые легкие пластиковые бутылки в мире. Полуторалитровая бутылка обычно весит 36 граммов, а их продукт — лишь 26. При массовом производстве эти 10 гозначают сотни тысяч долларов экономии для кармана произволителя.

 В Гонконге мы подсматривали за работой фирм, расположенных в гаражах, в которых они создавали современные машины для производства бутылок, — говорит Кшиштоф Века.

Теперь они завоевывают самые трудные рынки стран Евросою-

Малые польские фирмы соперничают с лучшими фирмами в мире

за. Например, строят производственную линию на заводе минеральных вод под Брюсселем, выполняют заказы, поступающие из Франции. Их установки по розливу напитков выигрывают тендеры в разных точках земного шара — они работают уже в Гватемале, Замбии, Эквадоре, Венесуэле, Ливане, Иране и Армении. За последние восемь лет деятельности объем продаж в их фирме вырос на 200%. Века и Ленчицкий начинали с машин, способных производить 500 бутылок в час, теперь они собирают линии, позволяющие выдать 7 тыс. бутылок в час. По всему миру они продали уже триста единиц такого оборудования; каждая линия стоит от нескольких десятков тысяч до полумиллиона евро.

ОБОГРЕТЬ СКАНДИНАВИЮ

- Я уже давно в ЕС, заверяет Леслав Пекло, владелец краковской фирмы «Эльпэ», производящей электрообогреватели и осветительную арматуру. Начинал он пять лет тому назад вместе с тремя сотрудниками. Теперь заказы на его обогреватели растут в таком темпе, что пришлось увеличить количество сотрудников до 140 человек. Сегодня 85% произведенных в Кракове обогревателей (стоимостью около 10 млн. зл.) он продает в Норвегии, Швеции и Финляндии, а осветительную арматуру отправляет, в частности, в Саудовскую Аравию.
- Я пробился на скандинавский рынок в то время, как его покидали многие поставщики из стран ЕС, разочарованные из-за экономического спада, — признаётся Леслав Пекло. Он рискнул, и это себя оправдало.

ОКАЗАТЬСЯ В САМОМ С ЕРДЦЕ БИЗНЕСА

Отраслевой американский журнал «Healthcare Product Comparison System» упоминает фирму «Эмтель» Вальдемара Сливы из г. Забже как единственного в Центральной и Восточной Европе солидного производителя систем мониторинга работы сердца. В течение десяти лет фирма приобрела несколько сот клиентов в Польше и за ее пределами. Слива не пропускает ни одного более или менее важного медицинского мероприятия. Ежегодно на ярмарке в Дюссельдорфе его кардиомониторы и дефибрилляторы устанавливаются рядом с аппаратурой фирм «Филипс» и «Паккард», вызывая все больший интерес среди клиентов. На мировых рынках за такой аппарат надо заплатить 3-4 тыс. евро. Такой же аппарат фирмы «Эмтель», по качеству не уступающий самой лучшей аппаратуре, стоит менее 2,5 тысяч. Вальдемар Слива продал их уже полторы тысячи; его аппараты пользуются успехом в Турции, Египте и Нигерии.

— Не следует ждать, пока кто-нибудь покажет тебе путь к успеху, — говорит В.Слива.

ЗАРАБОТАТЬ НА МОЛНИИ

Можно ли заработать на обыкновенных, казалось бы, заземлителях и громоотводах? Можно, при условии, что они очень современны и при этом дешевы.

— Имы такую технологию освоили, — говорит Роберт Мартиняк, владелец фирмы «Гальмар» из Познани. Начинал он с заказов на металлические дужки для модных в то время очков. Теперь он единственный в Центральной Европе производитель современных громоотводов и заземлителей. 80% изделий фирмы «Гальмар» идет на экспорт в десятки стран. Когда первый клиент из США спросил Мартиняка, может ли он выполнить заземлитель по американским стандартам, тот согласился без колебаний, хотя о стандартах не имел ни малейшего понятия. Он прочитал горы публикаций, обратился за советом к ученым и... обощел в тендере десятерых конкурентов. В поисках новых потребителей Мартиняк исколесил почти весь мир. Познанская фирма уже обозначила свое присутствие в Китае, Австралии и Тунисе. Недавно фирма «Гальмар» выиграла тендер на поставку заземлителей и громоотводов в Объединенные Арабские Эмираты (в Дубаи у Мартиняка уже 70% рынка, правда, под английской маркой). Когда он начинал в 1997 г., доход от экспорта составил 800 тыс. долларов. В 2002 г. он продал изделий на 4,5 миллиона.

КОВАТЬ СВОЕ СЧАСТЬЕ В АМЕРИКЕ

93% изделий своей фирмы Веслав Шайда, владелец фирмы «Гидромеханика», реализует на предъявляющих самые высокие требования рынках стран Евросоюза и Америки. Ежегодно прибыль с продаж на этих рынках возрастает на 20%. Шайда начинал с подъемников для сельхозмашин. Сегодня его фирма в маленьком Осташеве, в 30 км от Гданьска, отправляет ежегодно три миллиона тормозных дисков. Их производят по заказу итальянской фирмы «Бради» и немецкого «Циммермана». «АББ Альстом Пауэр» заказывает у Шайды лопатки для энергетических турбин, а шведские гиганты «Монарк», «Рассон» и БТ закупают гидравлические элементы для электрокаров. Шайда гордится своим сотрудничеством с фирмой «Лейдиш» из США — крупнейшей в мире кузницей цветных металлов, которая заказывает в Осташеве хромотитановые и титаноникелевые поковки к частям авиадвигателей. В 2001 г. объем продаж фирмы, в которой работают 49 человек, составил почти 16 млн. зл. В 2002 г. доходы фирмы «Гидромеханика» удвоились. Для Шайды образец предпринимательства — США, страна малых фирм, где 54% работодателей имеют фирмы, в которых занято менее пяти человек.

МАРКИРОВАТЬ СОБСТВЕННЫМ ФИРМЕННЫМ ЗНАКОМ

Окончив Варшавский политехнический институт, Лех Боруцзанялся лазерной техникой.

— В мире всего две фирмы (и наша — одна из них), которые могут изготовить оборудование для нанесения кодов на бутылки и сигаретные пачки с помощью самых скоростных производственных линий, — заверяет Боруц, ныне генеральный директор фирмы «Солярис лазер» в Варшаве. Фирма реализовала по всему миру свыше 550 лазерных приборов (один стоит около 20 тыс. долларов). Среди постоянных клиентов фирмы «Солярис лазер»— немецкие пивоваренные заводы, известные французские косметические фирмы, производители автозапчастей, а также фирмы «Филипс», «Сименс», «Бош» и «Моторола», которая заказывает оборудование для маркировки полупроводниковых схем.

ПРОЛОЖИТЬ СЕБЕ ПУТЬ К УСПЕХУ

— Новинка, новинка и еще разновинка, которая окажется с оргризомдля конкурентов, — говорято своемустехе Збигнев Голембёвский и Богдан Залеский, совладельцы фирмы «Промотех» в Белостоке.

Сюрпризомдляконкурентовсталото, что онисконструировалиисключительно эргономичные иточные сверлильные станки длямон тажа стальных конструкций. С их помощью собирали мост через Миссисили и огромный производственный цех БМВ под Дюссельдорфом. Главный заказчик этих станков фирма «Бош». За пять лет доходы «Промотеха» возросли в два раза— с 10 до 20 млн. зл., а эксторт на самые требовательные рынки мира превыкил 90% всего объема производства.

ЕСЛИСОТРУДНИЧАТЬ—ТАК С САМЫМИ ПЕРЕДОВЫМИ

— Чтобы нам с нашими вакуумными печами для тепловой обработки металловзавоеватьмир, мырешилиналадитьсогрудничествосимеющимсолидную репутацию американским партнером «Секо Уорвию», который вотужесто лет известен как производитель печей для обработки металлов, — говорит Анджей Завистовский из Свебодзина, совладелецфирмы «Секо Уорвию».

Взамен за половину акций заокеанский партнер предложил четверть миллиона долларов и «ноу-хау». Начиналось все с 15 сотрудников и ежегодного дохода в 60 тыс. зл. Теперь объемпродажизделий фирмы из Свебодзина достигает 65 млн. зл. Дветрети из двухсот сотрудников, работающих в фирме, — конструкторы, занятые совершенствованием технологии и изобретением новой продукции.

— Мы сумели пройти сквозь сито самых требовательных рынков только потому, что с технологической точки зрения наши печи не уступают любым конкурентам вмире, — говорит Анджей Завистовский. Американский партнер продает их в сорок стран. Технология фирмы из Свебодзина применяется, в частности, при пайке алюминиевых радиаторов к «фольксватенам» и лопаток турбин вавиадвигателях фирмы «Ролю-Ройс».

ПЕРЕРАБОТАТЬ ОТХОДЫ В ЗЛОТЫЕ

Адам Задрожный из Ополя много лет работал в государственной фирме. Работа пересталаего удовлетворять, и он решил начать собственное дело. Теперь Адам Задрожный — совладелец технологической фирмы «ВТиТ».

 Покругившись несколько лет, я понял: чтобы зарабатывать на самом делемного, мне надо выходить на мировой рынок, — говорит он.

Сначала Адам нашел канадского партнера схорошей репутацией. Канадцев заинтересовали польские технологи и переработки отходов. Позднее «ВТиТ» продала их в Австралию, Израиль, Истанию и Россию. Истользу я полуфабрикаты, «ВТиТ», «Хенкель» и «Проктер энд Гэмбл» производят стиральные порошки. В текущем годуфирма реализует контракты на 100 млн. эл. Мы привели примеры деятельности десяти из 1,7 млн. малых и средних предприятий, зарегистрированных в ІІІ Речи Постюлитой. Менее половины из них, жалуясь на всевозможные несчастья (от высоких требований фискальной системы до диктатуры бюрократов), проявляют анемию в жономической деятельности. Они боятся выходить за пределы польского рынка, жалуются на то, что элотый слишком сильный, что отсутствует поддержка экспорта. А можно ли иначе? Можно.

— Вовееммире, гдеотмечается значительный ростэкспорта, предпринимателина 90% обязаны этим только себе, — делаетвывод Адам Задрожный. Почему бы приведенным выше примерам не оказаться заразительным?

Януш Левандовский ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

В долларовом выражении объем польского экспорта в 2002 году возрос на 9% и под хор нареканий на курс валюты продолжает расти несмотря на то, что ситуация на мировых рынках хуже прежней. Наряду с фирмами с участием иностранного капитала в это наступление все смелее идут новые частные фирмы. Совсем недавно они вышли со своими предложениями на широкие просторы международной конкуренции, а сегодня успешно соперничают с мощными капиталами и маркетингом Запада и с ценовым демпингом Востока. Не располагая экспортными хитами, поляки находят свои ниши на рынке. Польская предприимчивость опережает формальное членство Польши в Евросоюзе. Она уже там! И в этом нет никакой заслуги правительственных учреждений и программ, ибо система поддержки экспорта у нас пока еще находится в пеленках, а «дадим зеленую улицу предприимчивым» — всего лишь расхожий лозунг. Успех определяют предприимчивость, находчивость и хорошая организация. Таланты такого рода пока еще не находят признания в обществе, хотя сильно влияют на создание новых рабочих мест. Частное предпринимательство, которое коренным образом изменило экономическую систему III Речи Посполитой, представляло собой вначале народное ополчение. Теперь настало время испытаний. Одни не выдержат, другие закалятся в горниле испытаний, приобретут мировое качество.

Януш Левандовский — депутат Сейма от «Гражданской платформы», был министром имущественных преобразований в 1991 и в 1992-1993 гг.

Ежи Едлицкий

О ЯКУБЕ КАРПИНСКОМ

Якуб Карпинский родился в 1940 г. в Варшаве. В 1958-1964 гг. изучал философию и социологию в Варшавском университете, затем до 1968 г. был ассистентом на философском факультете. Уже во второй половине 60-х принимал участие в формировавшихся тогда оппозиционных группах. Во время студенческих выступлений в марте 1968 г. был автором многих принятых тогда воззваний и программных заявлений.

Был арестован, на следствии отказался давать показания. Осенью 1968 г., выйдя из тюрьмы, начал сотрудничество с парижской «Культурой» — как автор аналитических статей и составитель документации о мартовских событиях. Вновь арестован в 1969 году. На «процессе альпинистов¹» (его, в частности, обвиняли в контрабанде через Татры эмигрантских изданий) был приговорен к четырем годам тюрьмы. Условно-досрочно освобожден в 1971-м.

Работал в редакции «The Polish Sociological Bulletin», одновременно печатаясь в «Культуре» (под псевдонимом) и принимая участие в оппозиционной интеллектуальной эсизни. Как социолог занимался тогда изучением механизмов пропаганды и анализом коллективных протестов.

22 марта 2003 г. после тяжелой болезни в Варшаве скончался известный ученый и правозащитник Якуб Карпинский.

В 1975 г. был одним из авторов письма в Сейм с протестом против запланированных руководством ПОРП поправок к конституции. В 1976 г. подписал письмо в поддержку бастующих радомсктх рабочих. С 1977 г. входил в редакцию неподцензурного журнала «Глос».

В 1978 г. выехал за границу. Преподавал в США и Франции. В 1982 г. был соучредителем Института за демократию в Восточной Европе (IDEE). Вернувшись в Польшу, стал в 1992 г. директором Политического института и научным сотрудником Института социологии при Варшавском университете. Член ПЕН-клуба и Ассоциации польских писателей.

Публикуемая нами речь историка Ежи Едлицкого была произнесена на церемонии вручения Якубу Карпинскому премии им. Яна Стиелецкого, присужденной ему Польским ПЕН-клубом в январе 2003 года.

Первым текстом Якуба Карпинского, который я прочел, было выступление подсудимого на «процессе альпинистов» в феврале 1970 года. Эта речь ходила в слепых машинописных копиях на папиросной бумаге. Теперь ее можно вспомнить, читая избранные статьи Карпинского, изданные под заглавием «Независимость изнутри» (Лондон, «Однова», 1987), где она прячется под неприметным названием «Перед судом». Содержание этой речи можно тесно связать с идеями, провозглашенными в хартии Международного ПЕН-клуба.

В 1970 г. эта речь производила большое впечатление. Политзаключенный, обвиняемый в том, что он вступил в соглашение с представителями иностранной организации с целью действовать в ущерб польскому государству, не противопоставил прокурорской риторике риторику обвинений против репрессивного строя, что в свое время случалось на политических процессах, хотя в коммунистическую эпоху довольно редко. Этот узник ответил на обвинительное заключение убийственно холодной логикой завзятого правоведа и изощренной иронией, позднее ставшей ведущим элементом его стиля:

¹ По-польски альпинист — «татерник», так как альпинизмом занимаются только в Татрах. — Пер.

«В рассматриваемом деле речь идет о многочисленных книгах и нескольких статьях. Однако в свете силы польского государства прокурорский тезис (...) ложен. Поэтому я вынужден констатировать, что, провозглашая этот тезис, прокуратура занялась бы распространением ложных сведений, способных подорвать ее авторитет. Это не значит, будто я утверждаю, что прокуратура совершает здесь преступление, подпадающее под ст. 23 малого УК [«малый УК» включал статьи политического характера]. От такого обвинения я готов защищать прокуратуру. (...)

На следствии я не давал показаний, хотя меня к этому склоняли. Попросту мне не представили убедительных аргументов. Я отнюдь не считаю, что следствие или судебный процесс должны дать обвиняемому удобный случай информировать органы госбезопасности — прямо или косвенно — о каких-то фактах, касающихся его самого или его близких... Я не испытываю потребности искать исповедальню, а уж в особенности не поместил бы в ней сотрудника МВД [госбезопасность в ПНР входила в систему МВД]. (...) Подробнее доказывать свою невиновность я не собираюсь. Мне вполне достаточно того, что прокурор не доказал мою вину».

Тюремно-судебная проза Якуба Карпинского, как и его упорное молчание, наступившее после этой речи, производили тогда такое впечатление, потому что были свидетельством полнейшей независимости изнутри, ума, иммунизированного против всех влияний и фразеологии того идеологического жаргона, одним из первых исследователей которого предстояло вскоре стать Карпинскому. Эта проза обнаруживала также характерные черты стиля, по которым ее автора узнаёшь с первого предложения: сжатость, точность и ирония.

Этот холодный, экономный и ясный язык несомненно имеет что-то общее с позицией рационалиста, «позднего внука» львовско-варшавской философской школы, ученика Казимежа Айдукевича и Марии и Станислава Оссовских, который упорно придерживается мнения, что суждения и убеждения следует принимать лишь тогда, когда их удается хорошо высказать и хотя бы гипотетически обосновать. Этот постулат, на вид минималистский, в минувшем веке не раз оказывался дерзким и безмерно усложняющим жизнь. Якуб со стоическим спокойствием принимал эти усложнения, благодаря чему стал, например, автором, вероятно, единственного в мире учебника методологии общественных наук, написанного в конторе обувной фабрики при тюрьме. На фабрике ему предоставили — если можно так сказать — должность «канцеляриста», на которой он оставался, пока (как он рассказывал годы спустя) «любовь к чтению и писание на рабочем месте учебника, непосредственно не связанного с обувной промышленностью», не привели к его переводу в другую смену, где ему пришлось работать помощником красильщика обуви.

Любовь к работе в две смены осталась у него с тех пор навсегда. В первую смену, где ему как-то никогда не удавалось надолго согреть себе место, Карпинский был социологом, социопсихологом, методологом и университетским преподавателем, рассматривающим тонкие вопросы правильного обоснования суждений и убеждений. В этой роли он занимался также классификацией типов научных споров, проблемами причинности в общественных процессах и чертами, которые должны характеризовать научного работника. В этом последнем пункте он следовал профессору Станиславу Оссовскому, популяризируя его dictum о том, что «научный работник — это такой человек, к профессиональным обязанностям которого относится отсутствие повиновения в мышлении... С этой точки зрения, нельзя повиноваться ни синоду, ни комитету, ни министру, ни императору, ни Господу Богу». Можно, пожалуй, сказать, что систематическое стремление избежать повиновения в мысли и связанный с этим гносеологический индивидуализм стали жизненным девизом Якуба, показывающим, как недалеко по сути дела от эпистемологии до этики.

В другую, кочевую смену Карпинский писал о Польской Народной Республике. Видно, он счел, что это задача более срочная, чем решение проблем причинности в социологических исследованиях. Он стал летописцем ПНР и верным аналитиком ее политических и языковых нравов. Кто из нас в 70-80-е годы не читал книг «Марека Тарневского»: «Эволюция или революция», «Речь к народу», «Короткое замыкание», «Глоток свободы», «Горит комитет», «Политический словарь», «Портреты лет»? Много их было, выходивших в подполье и в эмигрантских издательствах Парижа и Лондона. Сегодня, когда даже авторы дипломных работ обязаны листать архивы партийных комитетов и служб специальной озабоченности, эти скромные книжечки утратили часть своего значения, но тогда? Тогда они просвещали и несмотря ни на что укрепляли уверенность, что такая абсурдная и изолгавшаяся система не может быть вечной и что противопоставить ей нужно и можно не столько даже безумство храбрых, сколько капельку разума, капельку смеха, щепотку свободы и независимость изнутри.

Пока что, однако, когда мы встречались по всяким Парижам и Лондонам — Якуб повсюду был у себя дома и повсюду временно и нигде не распаковывал свои «картонки», — пока что у меня слегка сжималось сердце при мысли о том, что такой блистательный ум растрачивается на разные словари и хроники, вместо того чтобы писать труды, которые его переживут. Был ли я прав — кто знает? Не всегда оказывается прочным то, что было предпринято sub specie aeternitas. И наоборот: вещи на случай бывают прочнее диссертаций и драм.

Не скрою, что я не всегда увлекался публицистикой Якуба, печатавшийся в разных правых журнальчиках, особенно в переломный период — в 1988-1992 гг. Наши пути тогда расходились. Я был горячим сторонником стратегии «круглого стола», доверял людям, которые взяли на себя ответственность за поворот стрелки, и входил в число тех, кто не хотел брать реванша за годы унижений, считая, что этого не удастся сделать справедливо. Якуб же в десятках статей оценивал весь этот поворот как какую-то игру мнимостей или подозрительный раздел ответственности между бандитами и их бывшими жертвами, а то и раздел добычи или привилегий, во всяком случае — смазывание границы между порядочностью и узурпацией.

Сегодня, когда эмоции остыли, перечитывая его статьи тех лет, я вижу это иначе. В его сочинениях я вижу проект польских правых, какими они могли бы быть, но каких не было и до сих пор нет: европейских, неконфессиональных, антинационалистических, не окаменелых в своих предрассудках и комплексах. Таких правых, о которых левым следует молиться. Возможно, взаимно.

Продолжением исторических трудов Карпинского стала «Третья независимость», история польских 1989-2000 гг., изданная в 2001 году. Это добросовестная, довольно строгая подборка сведений о событиях этих 12 лет с особым учетом персоналий и избирательной статистики, время от времени перемежаемая личными комментариями автора, в которых выражается одобрение или неодобрение чьим-нибудь начинаниям. Чаще всего эти комментарии метят в противников судебной люстрации и декоммунизации. И, шире, во всяческие попытки смазать политическую и нравственную ответственность за помощь в коммунистическом надзоре за обществом. В этих вопросах, как мы знаем, допустимы разные мнения, но здесь не место об этом спорить.

Я же среди сочинений Якуба выше всего ставлю «Низинный альпинизм». Под этим забавным названием скрывается книга, которую я рекомендовал бы как обязательное школьное чтение всем, кто по милости возраста опоздал в «Народную Польшу». Это Bildungsroman поколения — быть может, лишь определенной части «мартовского» поколения, — увлекательные записки об интеллектуальном возрастании мальчика из варшавской интеллигентской семьи, история его врастания в мир. Точнее говоря, в два мира: в дружественный мир мыслей, книг, картин и недружественный мир жизни. Это сдержанная по части признаний автобиография «человека со свойствами», которому будет суждена жизнь в две смены.

«Профессор-марксист Адам Шафф, — вспоминает Карпинский, — преподавал обязательное на первом курсе введение в философию, точнее теорию познания, а главным образом то, что называлось теорией истины. Но вне зависимости от конкретного вопроса философия была у этого преподавателя борьбой материализма с идеализмом, основанной на том, что философы с незапамятных времен повторяли два суждения: одно говорило, что мир есть, другое — что его нет. Мнения по этому вопросу делили философов на два враждебных лагеря... «Идеалистам» предлагали биться головой об стену — сразу убедятся, что материя есть и оказывает сопротивление».

Якуб Карпинский прошел этот тест истины. Он многократно в своей жизни бился головой об стену, убеждался, что материя есть и оказывает сопротивление. А материя убеждалась, что есть такие головы, которые оказывают сопротивление. В конце концов стена сдалась, голова уцелела. За это мы сегодня венчаем его лаврами.

Это лавры премии имени Яна Стшелецкого, учрежденной и вверенной Польскому ПЕН-клубу друзьями автора «Опытов свидетельства», убитого в 1988 г., уже почти пятнадцать лет назад². Нынешний заслуженный лауреат этой премии и тот, чьим именем она названа, хотя их разделяло целое поколение, оба принадлежали к школе учеников, друзей и сотрудников Станислава Оссовского. Они различались формой своих общественных идеалов, образом мыслей и действий. Куда важнее, на мой взгляд, то, что у них обоих общего: верность фундаментальным принципам гуманистической этики, умение выслушивать все мнения, взвешенность аргументов и все более исчезающая сегодня элегантность стиля публичной полемики. Ян Стшелецкий с усердием присоединился бы к изъявлениям признания и благодарности, которые мы от его имени приносим сегодня его младшему коллеге, мужественно занимающемуся низинным альпинизмом — без страховки.

²О Яне Стшелецком — см. «Новая Польша», 2001, №5.

Анджей Добош

ОН ВИДЕЛ МНОГОЕ

Чтение последней книги Якуба Карпинского «Польша после испытаний» (Издательство Университета Марии Кюри-Склодовской, Люблин, 2003, 257 страниц большого формата) оказывает такое же действие, как прогулка по саду, лучшее лекарство от омерзения и ужаса, который вызывают очередные разоблачения в деле Рывина. И именно во время общения с этими ясными суждениями, безошибочными умозаключениями, безупречными польскими формулировками пришло известие о смерти автора, утром 22 марта.

Я достал с полки все его предыдущие книги. Некоторые их них, как, например, «Диаграмма лихорадки. Польша при коммунистической власти», были в разных изданиях: как в недавнем полном издании Университета Марии Кюри-Склодовской, так и в тонких томиках, издававшихся Ежи Гедройцем. С того момента, как я раскрыл «Низинный альпинизм» издания 1988 года, я уже не мог оторваться от этой книги. Уже на странице 14 (текст начинается с девятой) я почувствовал необходимость прочесть жене вслух замечания о школе Рейтана середины 50-х годов: «учителя были высокообразованными и компетентными, впрочем, тогда все взрослые были довоенными».

Жена тем временем нашла на интернетовском портале «Газеты выборчей» обсуждение «Диаграммы лихорадки», производившее впечатление делового: «Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что остается вне сферы интересов автора. Он пишет, прежде всего, историю учреждений, осуществляющих власть, а следовательно, историю элиты — оппозиционной и партийной. Совсем немного узнаем мы из нее о повседневной жизни в Польской Народной Республике, или — как называет ее Карпинский — об «этнографии коммунизма», а значит, о ритуалах и традициях, свойственных только этой эпохе, например, о символике партийных собраний и принципах поведения во время выстаивания в очередях в магазины».

Боже мой! Якуб Карпинский писал тексты разной степени общности: теоретические исследования по методологии общественных наук — в возрасте 24 лет он вел семинары со студентами II курса факультета социологии Варшавского университета, а в 27 лет начал читать лекции, — анализы деятельности учреждений, а также конкретных конфликтов, в каждом случае сохраняя соответствующий строгий подход. Зато именно автобиографический «Низинный альпинизм» является безусловно самой лучшей книгой о повседневной, интеллектуальной и бытовой, жизни в ПНР в период между 1950 и 1978 годом, когда автор выехал на Запад, где провел почти 30 лет.

Правда, в 1952 году из-за слишком детского внешнего вида его не впустили на выставку «Это Америка» в варшавском Арсенале, но уже в 55-м он осматривал в том же Арсенале шумную выставку молодых живописцев. Он многое видел. Учеником XI класса он дважды побывал в Театре на Тарчинской. Похоже, он запомнил все. «В залах «Захенты» были выставлены головы важных персон и представлены фигуры рабочих и революционеров с поднятой рукой, указывающей путь, зафиксированные во время публичных выступлений. В камне ваяли редко, время торопило. Темы были новые, а в камне ваять долго. Несмотря на тогдашнее официальное уважение к искусству, еще реже для создания скульптур предназначался металл, необходимый для нужд промышленности и армии. Материалом, который чаще всего передавал прогрессивное содержание, был гипс».

Столь же превосходно описал он университет, заниматься в котором начал в 1957 году, лекции философа Айдукевича, Татаркевича, обоих Оссовских, но также и обязательный на первом году обучения курс Адама Шаффа.

Станислав Оссовский записал в «Дневнике» 18 сентября 1962 года: «Сегодня закончился студенческий симпозиум, продолжавшийся 5 дней. Эти дни оказались более интересными, чем можно было ожидать, судя по программе, которая концентрировалась вокруг польской социологии. В то же время доклады и дискуссии вышли за пределы сферы отчетов о польской социологии, а в докладах Карпинского и Загурского, особенно Карпинского, было много самостоятельных идей в интерпретации различных течений и тенденций».

Работая в университете, Якуб Карпинский возглавлял летние полевые исследования студенческих групп. В 1967 году в уездном городе потребовалось подготовить монографию учреждений, в том числе комендатуры Гражданской милиции. Анкета содержала вопросы, касающиеся персонала и числа партийных. В комендатуре сказали, что количественный состав персонала является секретом, но студент не дрогнул и продолжал задавать вопросы; оказалось, что секретом не было число партийных и беспартийных. Беспартийной была уборщица.

«Школа (в том числе высшая) не всегда является подходящим местом — пишет Я.К. — чтобы увидеть разнохарактерность людей». Значительно более интересным местом показалась ему тюрьма, в которой он провел два года, четыре месяца и три недели. Социологический анализ исправительного учреждения в Стшельцах-Опольских он соединил с экономическим анализом функционирования социалистического хозяйства на примере предприятия по производству кожаных изделий там же, где он, как заключенный, имеющий образование, должен был фиксировать производственные результаты, а именно, число валенок, сшитых в течение каждых двух часов.

Прежде чем Карпинский оказался в тюрьме, состоялся процесс. «В ходе судебного разбирательства мой адвокат говорил о различии между чуждым и враждебным. Эмиграция, по его мнению, бывает враждебной ПНР, но она нам не чужда, следовательно положение, которое говорит об организации чуждой, не относится к Литературному институту, издающему ежемесячник «Культура». Мы дополняли друг друга, мой защитник говорил о политике, я немного о праве. Это был результат заранее заключенного соглашения; адвокат Щука спросил, готовы ли мы идти до конца. Я ответил утвердительно, и позднее его тоже наказали — отобрали разрешение на владение оружием (он был охотником) — видимо, предполагали, что он готов затаиться с двустволкой».

В течение нескольких часов чтения «Низинного альпинизма» мне случалось на долгие минуты забывать о скорби и утрате.

Впервые я подчинился потребности процитировать Я.К. в 1971 году: «Я вспоминаю суждение Якуба, молодого ученого, которого мне так хотелось бы увидеть вновь*: если во время спора возникает желание прийти к верному воззрению, самому либо вместе с противником, полезно занять такие позиции, которые можно было бы выразить в виде высказываний».

Разумеется, высказыванием для него не были произвольно разбросанные слова между точками. Память об этом заставляет с глубочайшим беспокойством думать о нынешнем обмене словами и мнениями. Нам будет очень недоставать его. Однако те, кто соприкоснулся с ним как с учителем, возможно, сумеют последовать его примеру.

TYCODNIK POWSZECHNY

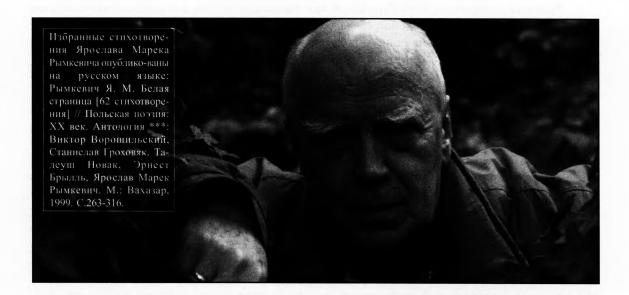
^{*} Якуб Карпинский находился тогда в тюрьме.

Ярослав Марек Рымкевич

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГРУЗИНСКИЕ ПОЭТЫ

Расстреляны убиты Табидзе Мицишвили Залиты кровью лица и редкий зуб не выбит Они упали в бездну — их за ноги втащили Никто из них на белый свет не выйдет

Табидзе Мицишвили о вас тут все забыли О если б по-грузински расплакались берёзы Дымок из бездны — всё что мы сквозь время различили Нагие трупы в лагере на плацу морозном

Их выбитые зубы разодранное тело О если бы пространства друг с другом говорили О если бы да кабы — иное было б дело Табидзе Мицишвили — их всех туда свалили

Табидзе Мицишвили какое помраченье Под лампочкой в подвале кончается дорога С залитых кровью досок какие встанут тени Здесь бездна — но ведь не было и здесь иного Бога

декабрь 2000

Грузинские поэты Тициан Табидзе и Николай Мициивили были убиты во время большой чистки 1937 года, в том же году покончил с собой их друг, поэт Паоло Яшвили.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ ПРИХОДИТ В САД

Приходит Мандельштам в мой сад где нежится природа А у него нет ни судьбы ни дома ни народа

Нет имени — он прямо из Воронежа сбежал Всё меньше человека в нём всё больше в нём ежа

Рубаха рваная — под ней бесплотный мужичок Пророс из глуби бытия как яблоня-дичок

С моими кошками знаком с выонками и росой Среди скворцов синиц ворон гуляет он босой

Знакомы с ним ежи кроты безвестные созданья Прикованные к тайне великого молчанья

Надежды нет — напрасно он в саду её искал И нет поэзии — уже и посох отзвучал

Но я приветствую тебя воронежского брата Кроты синицы и ежи здесь были до Сократа

Приходит Осип неживой как всё что было живо Нагнувшись он срывает свой последний лист крапивы

март 2001

СТРАНИЦА

Вы тогда меня прочтёте Когда веки мне прикроют И вслепую и наощупь Я в минувшее зароюсь

Вы мои прочтёте локти Череп рёбра селезёнку Текст моей ушедшей жизни Весь расплылся весь исчёркан

И поставит Бог на полку Две ключицы два колена Только белая страница Та которая нетленна

Только чистая страница Та что вырвана из книги Кто прочесть её решится Вот уж верно удивится

октябрь 1992

КОСМИЧЕСКИЙ ВАЛЬС ИОГАННА БРАМСА

Как вы находите Брамса — спрошу я у кошки Мурки Она мне ответит — смычки снуют очень даже юрко

Особенно если в концерте и Кремер и Кароян Весьма недурён квинтет — вы правы мой милый пан

Однако откуда вопрос той подзабытой мымры (Мурка язык у тебя всё-таки слишком длинный)

Кларнеты о кларнеты — вы свежеоперённые Реальность опрокинула последние заслоны

Реальность опрокинула канон реальной формы И тема проступает в тумане иллюзорном

И голый Брамс танцует вальс на межпланетной сцене — Такое кошке Мурке является виденье

Меланхоличный Мюльхельд заиграл piu tranquillo¹ Это беда поэтов — путают сказку с былью

Пищит кларнет одинокий в космическом водовороте Где-то сияют планеты — чья-то пята на взлёте

Брамсу сюртук и носки подносят коты-повесы Так кончается стих Мурки-поэтессы

февраль 2002

Примечания

подзабытая мымра — знаменитая некогда французская романистка Франсуаза Саган, автор многих книг, изданных миллионными тиражами, в том числе нашумевшего романа «Aimez-vous Brahms»².

Ричард Мюльфельд — кларнетист, с которым Брамс дружил в последние годы жизни; считается, что именно благодаря Мюльфельду созданы поздние произведения Брамса: квинтет си-минор, оп. 115; трио для кларнетов ля-минор, оп. 114 и две сонаты для скрипки и кларнета, оп. 120.

piu tranquillo — из последней части (Andante con moto³) второй сонаты из on. 120. кошка Мурка — реальный персонаж.

¹ более спокойно (ит.)

 $^{^{2}}$ «Любите ли вы Брамса?»(ϕp .)

³Умеренно подвижно (ит.)

САД В МИЛЯНУВЕКЕ— АПРЕЛЬСКИЙ СТИШОК ДЛЯ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Существует ли мир — мне всё равно — увы Слишком трудный вопрос для бедной моей головы

Гуссерль — где он ни есть — всё это мигом поймёт Его и мыслить и жить оттаявший дёрн зовёт

Его и апрельский дождь зовёт и мокрый кизил Мечутся тени там где мир на закате был

Белки его зовут резвясь в кривом сосняке Ах если б он этот мир мог удержать в руке

Зовут его — Гуссерля — две чудные горлицы-птицы Серенькие подзаборные из мира иного девицы

Зовут его мыслить и жить тянут в порочный круг Во гробе то ли одна пола — то ли весь сюртук

То ли какая-то мысль — брошенная со звоном Заходится смехом дёрн могильный вечнозелёный

Кости — уже их нет — когда-то томились в тюрьме Теперь здесь клубится тьма мыслящая во тьме

апрель-май 2000

маленький осенний пейзаж

Если ты смотришь на двор — вид пред тобой тот же самый

Дерьмовозка с дерьмом над выгребною ямой

Дикий хмельной виноград рдеет багряной тенью У забора мочится пьянь по имени пан Геня

Кошки спят на террасе и видят кошачьи сны У нас своя мелкая пропасть — под забором возле сосны

Последний жёлтый листок с кривой берёзы слетает Кто и кому рассказал этот мир — так никто и не знает

октябрь 2001

САД В МИЛЯНУВЕКЕ— ПОЭЗИЯ БЕРЁЗ И КОШЕК

Мои стихи писали кошки — Куплеты оды тарантеллы Пошире были их окошки А мне и так хватало дела

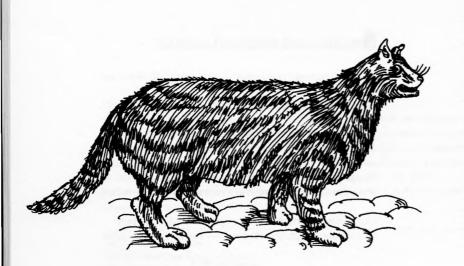
Они писали что хотели Я умирал — но очень скромно Берёзы вербы им шумели Теперь они бегут из дома

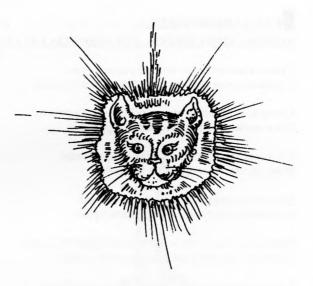
Дом опустел в подвале пусто Зияют чёрные пустоты Задрапированный искусно По лестнице крадётся кто-то

Рассказ мой кончен — ну и всё тут А кошки пляшут перед домом Чарльстоны танго и фокстроты А я — я умер очень скромно

Мои стихи немного значат Но что имеет тут значенье По мне берёзы кошки плачут А в доме поселились тени

май 2002

ПОЗАДИ ПОЛВЕКА

Пересылки лагеря бараки снег Не остановить смертельный бег

Боги белые там за полярным кругом На снегу нагие наши трупы

Птицы чёрные в пустыне ледяной Над античной мёрзлой белизной

Проволокой скручены этапы Сердце на снегу горит как лампа

Позади полвека лёд не тает И никто про наши муки не узнает

Все прошло но этому нет срока Кровь Собачий лай Конвой Дорога

Из-под снега тенью Аполлона Торс без сердца Мимо эшелоны

По тайге — и торс бескровный бледный След таежный заметает снегом

Нашу жизнь как лагерь под Нарымом Время затянуло белым дымом

поябрь 1994

ЗИМНЯЯ СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ АНЕ И ЯСЮ ПОМЕРНЫМ В НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ (КОГДА БЫЛО 20° НИЖЕ НУЛЯ)

Белок-то нынче нету потому как зима С декабря по февраль она тут правит сама

Белки обледенели на переломанных ветках В чёрном Кремле Дед Мороз держит их ой как крепко

Старый советский Дед Мороз пускается в пляс На Красной площади лютая стужа с ним обнялась

Это Зима царица всех русских людей Люди растут на снегу как берёзки — что ночь что день

Зима в серебристых одеждах в валенках Красный Дед А вокруг огромная стая пляшущих лебедей

Ставят приговорённых прямо к кремлёвской стенке Зимушка-мать в кокошнике да Дед Мороз пьяный в стельку

Всюду мечутся лебеди — из «Озера» — в их круженье Будто витает Чайковского больное воображение

Здравствуй Мороз-Кощеюшка страшный ты наш Дедок Что же ты наших белочек запер-то под замок

Ан Мороз ухмыляется хватает за ворот Дед Ну-кась их на Лубяночку да допросить как след

Снова летают лебеди белые лики стынут Снова несут на крыльях Петра Ильича и Зиму

Голые трупы брошены в кузов блестят стволы Перьев надрали у лебедя — время черней смолы

Площадь красна от крови — смола от крови черна Москва полярным сиянием крыльев озарена

Залпы последней чистки ещё не утихли — «Стой!» — Звенит милицейский посвист на мостах над рекой

Вечно Красная площадь и чёрный Кремль — там сама В белый колокол бьёт царица Москвы Зима

В глазницах её брильянты — что-то вроде зрачков А лебеди это мёртвые солдаты её полков

Уже экскурсии школьников мёрзнут перед Мавзолеем А я всё ору: Советы! верните нам белок! скорее!

23-25 декабря 2002

УРНА НА СТАНЦИИ ПРИГОРОДНОЙ ЭЛЕКТРИЧКИ В МИЛЯНУВЕКЕ ПОД ВАРШАВОЙ

Урна с мусором а в ней — по воле Бога! — Что за плач! какие стоны и тревога!

Сколько сущностей! бумага! пластик! жесть! Тьма кромешная во тьме зловонной есть

Там дерьмо собачье стёкла и молчанье Мусор мусор — тоже Божие дыханье

Божья милость Божья сила Божья воля Отчего-то всё тут близко мне до боли

Сколько сора — как в мозгах у нигилиста (Бог являлся и ему но как-то мглисто)

Всё же супер-крепки супер-тайны Божьи Супер-смерть меня средь мусора уложит

Погребёт — но мусор сути не изменит Я уйду туда — в страну извечной тени

Где над свалкой бледный свет струится низко Где ничто — туда где Бог от мира близко

Где ничто — небытие — улёт улётный (Ничего другого в голову нейдёт мне)

Где улёт — где супер-благо супер-счастье Бог простит что я пишу всё это наспех

Бог — он супер — я иду ему навстречу Бренной жизнью тайне Бога не перечу

март 1999

СТИХИ НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТ ПО СЛУЧАЮ 38-Й ГОДОВЩИНЫ ДОГОВОРА О ВЗАИМОПОМОЩИ И ДРУЖБЕ

По вагонам — как скот — насильно Исполать тебе мать Россия

Твоим детям мы — братья поляки И для нас вот эти бараки

Там над Обью над Енисеем Лютый ветер наш прах развеет

Все там будем конец приходит Глупым польским снам о свободе

Счастлив тот кто найдёт покой В мёрзлом грунте под красной звездой

Ох наплачутся те кто выжил Коль свинец им очей не выел

А сердца не выжгло ураном Кто нас ждал — забудут устанут

Эти нары да этот барак Вот твоя отчизна поляк

апрель 1983

я хотел чтобы это было

Я хотел чтобы это было но было бы как из камня Чтоб у этого не было имени но имя где-то мелькало

И могло это быть не моё или моё не знаю Потому что где я стою там и есть она — ось земная

Я хотел бы чтоб было для мёртвых и для живых одинаково Как песня мёртвого горла голосом хрипловатым

И было бы это всё ничьё а может и чьё-то Пусть кто-то для мира умер но под землёй живёт он

Там где меня положат — и будет она ось земная Песня одна у мёртвых и ни к чему слова ей

Пусть кто-то для мира умер — он из-под дёрна свищет А все живые как урны для праха на том кладбище

Я хотел чтобы это было словно камень надгробный А без этого лечь в могилу — как-то и неудобно

март 1982

ЗИМНИЕ ПОХОРОНЫ НА КЛАДБИЩЕ В БОЛИМОВЕ

За гробом её шагали невидимые коты Приходские и уличные драные хвосты

Снежок порошил на могилы вяло без суеты Шествовали незримые мёртвые коты

Шли Блохастый Желток и бешеный Янычар Свисала с его хребта дырявая епанча

Кот храмовой экономки а рядом кот поэта Аромат источали невидимые котлеты

Кот в сапогах кот Фрайер вышагивал в жёлтой шляпе Облезлый и Полухвостый Безухий и Криволапик

Несли кто кастрюлю с кашей кто стирку да прочую малость Кто умирает не знает — что от него осталось

Едва живой кот Нацист и резвый кот гончара Кто умирает не знает — чем же он был вчера

Кто умирает не знает — он ли угоден Богу Кот Сукин Сын нагадил у моего порога

Кот В Мешке Убиенный котяра Иди Ты На Следом несли незримые папские ордена

Брёл старый кот Элиота эдак его и растак А сзади — всем же охота — плелась половина кота

Белый кот Полудурок кореш нашей Мурыли... Тут у нас всякий не прочь чтоб так его схоронили

март 2002

письмо на тот свет

Я письмо на тот свет — это так ну а коли так Хотелось бы мне узнать кто меня туда посылает Меня и другие письма — берёзку хромого кота Лягушку что рядом со мной в том же саду проживает

Все мы письма на тот свет — только станет ли кто читать Где-то в какой-то жизни там где иной простор Ведь берёзка и там привыкла зимой умирать Те же лягушки здесь смотрят на нас в упор

ноябрь 2001

Стихи из сборника "Zachód słońca w Milanówku" (Sic! 2000)

Лешек Шаруга

«ЧЁРНЫЙ ПРИЗРАК БЫТИЯ»

«Чёрный призрак бытия», «сладкий писк бытия», «О бытие! что за скверное путало!», «пена бытия», «чернота бытия», «Существование страшная злая сила», «сущности слепы», «существованье — дикие корни»... Несомненно, понятие бытия — и его синонимы — одно из ключевых понятий лирики Ярослава Марека Рымкевича. В 37 стихотворениях, составивших новую книгу поэта, само понятие бытия (наряду с его отрицанием — небытием) встречается по крайней мере раз 25. Это побуждает к философской интерпретации — тем более что в книге упоминаются имена философов: Паскаля, Гуссерля, Хайдегтера.

Философская трактовка вдвойне уместна, поскольку книгу открывает стихотворение «Что осталось от Паскаля»: «Что от Паскаля осталось? Музыка неземная/Черви в могильной гнили пищат едва заиграет (...) // Черви в прахе Паскаля возносят гимн небесам / Он и не спросит что там — он это знает сам» (пер. А.Базилевского). Если вспомнить слова Паскаля о том, что он не знает, «кто его бросил в мир, что такое мир и он сам», возникает контекст, важный для понимания того, в чем признаётся поэт в первых строках стихотворения «Сад в Милянувеке — апрельский стишок Эдмунду Гуссерлю»: «Существует ли мир — мне всё равно — увы /Слишком трудный вопрос для бедной моей головы// Гуссерль — где он ни есть — всё это мигом поймет». Но, узнаём мы, читая дальше, в могиле от философа даже костей не осталось: «Теперь здесь клубится тьма мыслящая во тьме».

Не проста поэтическая логика Рымкевича. Она опирается на языковую виртуозность, но в то же время и на сложную игру понятий, которые не определены, не разъяснены, а напротив — затемнены. Здесь трудно быть уверенным, что такие категории, как «бытие» и «существование», тождественны друг другу. Не вполне ясно, как существование относится к небытию, а небытие к несуществованию. Можно лишь предположить, что если «сущности слепы», если «земля слепа и всякая жизнь слепа», то мы вправе считать, что жизнь и существование есть одно и то же. Но кажется обоснованным подозрение, что жизнь в этой поэзии — скорее несуществование, чем существование. Или, возможно, существование — то же, что небытие. Возможно, это та же «тьма мыслящая во тьме», обнаруженная в могиле Гуссерля? Вероятно, да, но уверенности быть не может, подобно тому, как не дает уверенности «пари Паскаля», это специфическое доказательство не столько бытия Божия, сколько того, что вера в Бога имеет смысл. Впрочем, как мы узнаём: «Бог объясняет нам свое небытие».

Похоже, что Бог — на стороне тъмы: он появляется ночью. Но вновь громоздятся сложности, накладываются одно на другое неясные сравнения: «Космос как Вивальди и нет во вселенной Бога (...)/ Космос как Вивальди маэстро рыжеголовый/ Бог Который кудато канул и прячется снова // Вивальди как Бог Который привиделся сам себе». А в довершение всего мы узнаем, что «Старец слепой в саду со лба отирает пот/ Его огонь и земля и Бог незрячий зовет». И снова есть повод задуматься над конструкцией мира в поэзии Рымкевича. Ведь если «сущности слепы», если Бог слеп и «всякая жизнь слепа», то их стихия — тьма.

Следует заметить, что эта поэзия развивается под аккомпанемент музыки. В новом сборнике ей сопутствуют произведения композиторов, упоминаемых в стихах: Шуберта, Брамса, Дворжака, Шнитке, Малера, Вивальди, Шостаковича, Прокофьева. «Музыка голос смерти — она зовет нас с собой / Если ты пишешь музыку сделай ее неживой». Однако смерть можно приручить: «Смерть есть сказание», — поэт дважды повторяет это. Он говорит: «Моя песнь возникает из смерти и плача». Музыка существует во времени.

Но мы узнаём также и то, что вне времени существуют «некие иные времена». Возможно, «иные времена» бывают нам даны во сне? Мы ведь уже знаем, что возможен «Бог Который привиделся сам себе». И вот еще в одном стихотворении читаем: «Бог закрывает око другое открывает/Он видит нас во сне а может умирает (...)// Смотрят на нас широко открытые очи Бога/Войди в этот сон — во сне будет тебе дорога». Сон и сказание — два пространства, хранящие смысл бытия.

Не случайно и то, что это «зимний сон», ибо, как сказано в стихотворении «Зима в Милянувеке»: «Зима — галера Диониса / И хайдегтеровский просвет / Зима — босая Ариадна / Зима как бог — то есть то нет». Зимний пейзаж — что кажется парадоксом — вводит нас в пространство средиземноморских мифов. Но тут же всё проясняется: «Писал сии стихи коллега / Ученый кот под потолком». Об этом коте известно, что он «читает «Sein und Zeib» с конца». Потому-то в мифическое пространство и введен Хайдегтер, ученик Гуссерля —

¹«Бытие и время» (нем.) — *Пер*.

того, о ком мы знаем: его суть — «тьма мыслящая во тьме». В этом мире читают «Sein und Zeit» с конца, то есть ход времени изменен так, что смерть становится сказанием или сном. Жизнь превращается в сон — что не удивительно у поклонника Кальдерона. Сон тут—завеса, разделяющая и объединяющая этот мир и мир иной. Такое предположение подтверждено стихотворением «Косой дождик в середине июня»: «Дырищу в заборе вижу/По центру мира хоть низко/А в ней ктото буро-рыжий/А ну-ка иди ко мне киска».

Надо сказать, коты у Рымкевича — существа, достойные особого исследования. В данном случае мы имеем дело с котом, к которому тот, кто нам это рассказывает, обращается с такими словами: «Поди-ка бурый ты людского рода». Так что тут кот необычный, да и нет в этой поэзии обычных котов. Кот — пришелец, который пересекает грань бытия. Возможно, это тот «старый кот Элиота», что участвует в процессии «Зимних похорон на кладбище в Болимове»: «Брел старый кот Элиота эдак его и растак / А сзади — всем же охота — плелась половина кота». Эта «половина кота» презанятно рифмуется с «полувидимым» Богом. Должно быть, оттого что «есть доля хаоса в существованье».

Этот прекрасно сконструированный поэтический мир, этот великолепный подарок, полученный нами, — всего лишь шутка. Шутка серьезная, философская. Сад в Милянувеке под Варшавой, описанный в последних книгах Рымкевича, должен быть включен в замечательную коллекцию поэтических садов. Не хотелось бы, чтоб его причислили к садам романтическим или классическим: это сад, который ускользает от классификаций и разделений. Существенно одно: это мир в миниатюре, и поэт предлагает определенным образом его упорядочить.

Его сад не свободен от тревоги и знаков-предостережений: в этом мире появляются убитые грузинские поэты Тициан Табидзе и Николай Мицишвили, сюда является и идет по саду Осип Мандельштам: «Надежды нет — напрасно он в саду ее искал / И нет поэзии — уже и посох отзвучал // Но я приветствую тебя воронежского брата / Кроты синицы и ежи здесь были до Сократа // Приходит Осип неживой как всё что было живо / Нагнувшись он срывает свой последний лист крапивы».

Эти смерти трудно вписать в поэтику сказания. Но можно — ведь бывают и жестокие сказки. **Ярослав Марек Рымкевич** (р. 1935) — чрезвычайно яркая индивидуальность, писатель, независимый от сиюминутной моды на литературном рынке. Творчество его многолико.

Он — поэт. Первую книгу, «Конвенции», издал в 1957 году. Затем были в частности: «Метафизика» (1963), «А что же дрозд?» (1973), «Улица Мандельштама» (1983), «Неясный знак, забытая легенда» (1999). Театры охотно ставили его «серьезные комедии» и трагифарсы: «Король Мясопуст» (1970), «Уланы» (1975) и др. Рымкевич переводил английскую, русскую и старинную испанскую поэзию, драмы Кальдерона, Лорки, Элиота. Некоторые из этих текстов он определил как «имитации» и создал собственную теорию поэтического перевода.

Кроме того Рымкевич — один из выдающихся польских эссеистов. В 1968 г. вышли его «Разные мысли о садах»; в 70-е он начал писать монографические эссе: о Фредро, о великом князе Константине, Словацком, Мицкевиче. Анализ текстов сочетается в них с биографическими мотивами, нередко такими, которых прежде не касались историки литературы. В 2001 г. Рымкевич издал книгу «Лесьмян. Энциклопедия»; жизнь и творчество Болеслава Лесьмяна всесторонне описаны здесь в статьях-эссе, расположенных в алфавитном порядке (некоторые мы представим в одном из ближайших номеров «Новой Польши»).

Как историк литературы Рымкевич работает в Институте литературных исследований Польской Академии наук — почти сорок лет, с перерывом в 80-е, когда он был изгнан с работы за неблагонадежность. Тогда он печатался в польском сам- и тамиздате. Получил мировую известность и широко комментировался его роман-эссе на актуальные темы «Польские беседы летом 1983 года».

Долгое время Рымкевич объявлял себя сторонником неоклассицизма, обращенного к традиции — не только поэтической формой, но и метафизической, экзистенциальной проблематикой, которую забросила современная литература.

Публикуем несколько стихотворений из его последнего сборника — «Закат солица в Милянувеке». Упомянем и о том, что в издательстве «Аркана» недавно вышла книга, подводящая итог встречам польского поэта с лирикой Осипа Мандельштама, — «Тридцать три стихотворения» в переводе и с обширными комментариями Рымкевича.

ВЕРТИНСКИЙ НЕ ДЛЯ ПОШЛЯКОВ

Беседа с Оленой Леоненко

6 декабря прошлого года в студии им. Агнешки Осецкой в здании Польского радио в Варшаве состоялась премьера музыкального спектакля «Лиловый негр», посвященного Александру Вертинскому. Инициатива создания этого спектакля принадлежит Олене Леоненко, она же — главная исполнительница песен в сопровождении Рафала Кульчицкого (фортепиано), Марка Валявендера (гитара), Пшемысла-

ва Ксёнжека (аккордеон), Анджея Фортуны (контрабас). Сценарий, основанный на биографии Вертинского, написал Януш Гловацкий.

Актриса, певица и композитор Олена Леоненко с 1990 г. живет и работает в Польше. Родилась в Киеве и там же начала работать в театре. Одно время даже работала в труппе разъезд-

ного цирка. Затем, уже самостоятельно, начала путешествовать по западу Европейской части СССР, изучая местный музыкальный и театральный фольклор. После приезда в Польшу сотрудничала с театром «Венгайты», вела занятия в театральных мастерских. С 1993 г. начала выступать с сольными концертами, исполняя народные песни (украинские, еврейские, русские), с 1996 г. — романсы, а с 1998-го — песни Александра Вертинского. Олена сотрудничает со многими известными польскими театральными режиссерами. Она — автор музыки или музыкального оформления их постановок.

— Если бы десять лет назад кто-нибудь сказал тебе, что ты будешь петь русские романсы и песни Вертинского, то...

— Я бы не поверила. Десять лет назад интересовала меня совсем другая музыка, совсем другая тематика. В это время занималась язычеством давних словян. В первую очередь — украинский фольклор, но меня привлекала,

например, и древняя греческая музыка. Одним словом — возвращение к истокам, к архетипам, а в художественном плане - необычные методы вокального звукоизвлечения. Темы песен, которые всем были близки и понятны, несмотря на языковой барьер. Я пела песни, уходящие корнями

Олена Леоненко и Януш Гловацкий

в древность, и они научили меня вновь восхищаться жизнью, дали силы, чтобы жить! В них была сила и суровая красота.

Русским романсом я заинтересовалась благодаря работе в польском театре. Я работала тогда с Кристианом Люпой — он попросил меня подготовить четыре песни к спектаклю «Платонов» по Чехову, который он режисировал в театральной академии. Это были романсы и народные песни, которые я знала с детства. Заметила, что студенты в дивный способ реагируют на эти песни, как у них в глазах появляются слезы. Эти песни затрагивали самые глубины

эмоциональной сферы, оживляли чувства — и в студентах, и во мне самой.

— Но ведь романс — это искусственный жанр, некая условность...

— Конечно, но ведь для того, чтобы артист мог почувствовать себя свободным, как раз и должна существовать некая условность. Когда я увидела реакцию публики на русский романс, поняла, что в Польше существует эмоциональная потребность, некая ниша, которую может заполнить именно этот репертуар. И еще меня удивило и заставило задуматься, что Люпа так серьезно воспринял песни, к которым я относи-

лась довольно легковесно. Начала понимать, что эти песни - одно из проявлений великой культуры. Я пошла глубже и приняла решение составить из таких песен целую концертную программу. Но это требовало совершенно иной вокальной техники, и я два года проработала вместе с моей профессор, Катажиной Захватович-Ясенской над новым звуком, который бы мягко и сочно входил в душу человека. И еще надо было научиться не идти на поводу у сантиментов, а рассказывать текст, события, образы... Такие, которые находят отзвук в личном опыте зрителей-слушателей. Например, романс «Я ехала домой...» меня лично возвращает к воспоминаниям о том, как я возвращалась на поезде домой, когда была без памяти влюблена... И в то же время он должен пробуждать аналогичные переживания у всех зрителей. Тогда романс становится как бы их личным воспоминанием о том мгновении, ко-

гда им казалось, что мир прекрасен и открыт, что жизнь в нем бьет через край, что они бессмертны — потому что любят.

— Это означает, что ты, в отличие от некоторых других исполнителей романсов, поешь «без дистанции», не обозначаешь «отчуждения» в своем отношении к данному романсу.

— Я знаю многих таких исполнителей. Они просто больны этим «отчуждением», не представляют себе, что романс можно петь без иронического, рубашного «подмигивания» зрителю. В то же время в Польше существует подлинный культ русской литературы XIX и начала XX века: культ Гоголя, Достоевского, Чехова. Однако написанные ими шедевры люди воспринимают без знания исторического контекста, культурного фона, которым и были, в частности, романсы. К сожалению, получил распространение стереотип исполнительницы романсов, связанный с синдромом алкогольной

расслабленности, псевдобогемы. Некоторые поют романсы, чтобы продемонстрировать свои вокальные возможности или показать, что они умнее этих романсов. Тогда исчезают чувства, исчезает красота слов, авторами которых были знаменитые поэты и писатели — Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Тургенев.

— Так что от романса тебя вела прямая дорога к песням Вертинского?

— Прямой ее не назовешь. Вертинский со своей романтической иронией был для меня вызовом. Как раз Вертинский требует умения пользоваться кавычками, которых я до того времени не применяла — ни в народной песне, ни в романсах. Тут я использовала свой актерский опыт. Постепенно доходила до тематической сути его песен, подбирала к ним определенное звучание голоса. Все это пропустила через себя, переболела, отвергнула — и тогда нашла форму. Петь романсы для

меня как женщины было чем-то совершенно естественным. Теперь занялась песнями которые лучше всех пел сам Вертинский. Песнями мужчины — к тому же такого, который относится к себе слишком всерьез, и сдругой стороны смеется над этим. В его песнях есть всепоглощающая жажда любви и в то же время — ощущение тщетности надежд. Поэтому он иронизирует: по поводу себя самого, женщин, окружаю-

Жизнь Александра Вертинского, которого любила Марлен Дитрих, слушал по ночам Пилсудский, которым восхищались Рахманинов и Бинг Кросби и которого ни во что не ставил Сталин, — это готовый материал для фильма или драмы. Драмы, в которой просматривается вся история первой половины ХХ века. Вертинский любил женщин и ненавидел политику, но в те времена политикой было все даже женишны и сам Господь Бог.

Януш Гловацкий

щего мира. Вначале меня это раздражало, но в то же время мне очень хотелось его понять. Поэтому я читала все, что о нем было написано.

Песни Вертинского на первый взгляд нетрудны для исполнения но только на первый взгляд. Под слоем мелодраматических выразительных средств скрывается полная откровенность, даже эксгибиционизм. А рядом с ними крик: крик, в котором стирается мечта с отчаянием. И еще эта «дистанция» по отношению к себе, которую он приобрел лишь через какоето время, потому что у нас с этим есть определенные трудности. Мы ко всему относимся ужасно серьезно и все воспринимаем так, как будто оно касается лично нас.

— Как принимает публика этот репертуар в твоем исполнении?

— Этот сольный концерт — уже пятый вариант моего спектакля с песнями Вертинского. На всех концер-

тах был полный аншлаг. Люди приходят привлеченные его именем. Интересно, что в большинстве это молодежь. Оказывается, в Польше все это время живет миф Вертинского.

ФОТОГРАФИЯ ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Перед вами сохранившийся снимок начала 30-х годов. Как следует из подписи, он сделан «На память о Кринице», то есть о пребывании на горном курорте. Первая слева — это моя бабушка, Эльжбета Зайончковская, рядом с ней — наш родственник, военный, несомненно, очарованный другой дамой на снимке. Это как раз и есть знаменитая «пани Ирена», героиня одной из самых известных несен Александра Вертинского.

 $\Pi.M.$

Новый вариант значительно богаче в музыкальном отношении, чем предыдущий. В первом варианте аккомпанемент исполнялся только на фортепиано, а теперь есть еще гитара, аккордеон и контрабас. Необычайно важно и то, что настоящий сценарий написал Януш Гловацкий. Основные линии биографии Вертинского переплетаются в нем с анекдотами и песнями, которые благодаря этому становятся более понятными и не требуют перевода.

Но сильнее всего действуют на людей те произведения, в которых отражается лично пережитое зрителями. Во время последней премьеры Януш Гловацкий чрезвычайно глубоко, по его словам даже мучительно, пережил столь хорошо известную ему песню «Чужие города». То же самое я слышала еще от многих людей. Вертинского вообще любят те, кто везде чувствуют себя чужими. А

мне лично кажется, что их больше, чем так называемых обычных людей.

Беседу вел Петр Мицнер

Януш Андерман

Перевод Ксении Старосельской

СНИМКИ

Януш Андерман

на пороге славы

Из кучи фотографий я выудил поблекший от времени, когда-то голубой конверт; внутри были полуистлевшие газетные страницы, я не сразу сумел вспомнить, зачем их вырезал и хранил; газета «Слова народа» — орган воеводского комитета ПОРП в Кельце; пролетарии всех стран, соединяйтесь...

Часть страниц меня, видимо, побудило сохранить тщеславие: на снимках я обнаружил себя. На самом первом я нависаю над нашим крохотным директором школы, вручающим мне выстраданный аттестат зрелости; пролетело немного времени, и директор, по велению коварной судьбы, заперся на субботу и воскресенье у себя в кабинете, а в понедельник чуть свет повесился в школьной раздевалке; ученики, раздевавшиеся в полутьме, в первый момент его даже не заметили, думали, на вешалке болтается забытое кемто пальто...

Другая газетная полоса: на фото я сижу за монтажным столом и монтирую свой первый и последний художественный фильм. Фильм был снят на шестнадцатимиллиметровой пленке в любительском киноклубе «Гонг» в Кельце; мне восемнадцать лет, и я склеиваю маленькие картинки в душераздирающую жалобу на жестокость женщин.

Разворачиваю третью по счету, потертую на сгибах страницу — это первая полоса; в глаза сразу бросается фото необъятного «роллс-ройса», размалеванного узорами, которые могла подсказать художнику только полная пригоршня таблеток ЛСД. Подпись сообщает о четырех выродках, именуемых The Beatles; изуродованный автомобиль выразительно свидетельствует о потере ими человеческого облика.

Рядом еще один снимок: на площади толпа людей обступила грузовик, на котором стоит гроб; подпись под снимком гласит: «Последний путь Станислава Андермана».

Это похороны моего отца, сейчас с площади Защитников Сталинграда двинется траурная процессия; пятнышки человеческих лиц на фото разглядеть невозможно, но я вспоминаю, что многие из собравшихся в тот момент вздыхали с облегчением: еще чуть-чуть, и похороны не состоялись бы.

Церемония должна была начаться на площади, поэтому в городе было частично перекрыто движение, а прилегающие улицы оцеплены румяными милиционерами. Когда подъехал грузовик с гробом, милиционер с ремешком под подбородком, убийственной бритвой врезающимся в горло, даже слышать не хотел о том, чтобы пропустить машину; не положено, приказано транспорт не пропускать ввиду похо...

- Да ведь мы везем гроб с телом, на эти самые похороны...
 - Приказано транспорт не пропускать ввиду...
- Господи, да поймите же! волновался ктото из родственников.
- Вы мне тут религию не разводите, не положено ввиду...

Пришлось привести начальника, хотя и на него милиционер посматривал недоверчиво: его крестьянский ум не мог разобраться в противоречивых приказах...

Потом, уже на кладбище, моя сильно подточенная склерозом престарелая бабушка, ошеломленная пышностью церемонии, ломала от огорчения руки и беспрерывно спрашивала, почему не пришел Стах, такие похороны, вот бы он порадовался. Видно, что-то ему помешало, громогласно оправдывала она сына, не до похорон ему, столькими людьми управляет, столько народу у него в подчинении...

РЕЛИКВИИ

26 декабря 1648 года мой предок продиктовал завещание и, в частности, такие слова: «Из состояния моего отписываю 100 зл. алтарю Успения Божьей Матери усв. Мартина, дабы на проценты раз в месяц отслужена была обедня». В завещании этом он также отметил, что желает быть похороненным в костеле св. Мартина.

Стого дня, когда он продиктовал свою последнюю волю, прошло триста тридцать три года, и я сижу за столом в одном из монастырских помещений при этом костеле; случайно меня посадили рядом с примасом Глемпом.

В костеле св. Мартина с самого начала военного положения действовал комитет помощи интернированным; в первые дни особенно важно было установить фамилии заключенных — их были тысячи — и составить картотеку.

Основу этой картотеки мы закладывали втроем: режиссер Мацей Прус, Мацей Карпинский — несостоявшийся директор театра «Выбжеже»: свежее назначение вырвал у него из рук вихрь военного положения, — и я. У нас был свой стол, свои картонные коробки, карточки и авторучки; перед этим столом выстраивались длинные очереди заплаканных женщин, иногда случались неприятные инциденты — если за информацией одновременно являлись нынешние жены, бывшие жены и жены, предшествовавшие бывшим, гордящиеся теперь своими, когда-то презираемыми героями.

Такими вещами мы занимались впервые и к делу отнеслись со всей серьезностью: расспрашивали посетителей, записывали информацию в соответствующие разделы, придумывали новые рубрики, таблицы и графики. Спустя некоторое вре-

мя у нас накопилось достаточно данных, чтобы другие могли заняться сбором посылок для заключенных; с посылками к тюремным воротам отправлялись на машине Калина Ендрусик и Майя Коморовская¹. Обычно им удавалось проникнуть внутрь и передать посылки по назначению: при их виде начальники тюрем напрочь теряли голову.

Случалось, к нам поступала пугающая информация, и было решительно непонятно, что с ней делать и как отразить ее в картотеке.

Однажды пришло сообщение о том, что интернированных вывозят в Советский Союз. В городе считали, что это организованная ГБ фальшивка, цель которой — напугать бунтовщиков и скомпрометировать радио «Свободная Европа», если оно такое сообщение передаст, как это было с ложной информацией о смерти Тадеуша Мазовецкого. Мы же, архивисты, не сомневались, что на сей раз это не фальшивка: однажды у нас появился страшно взволнованный ксендз из Голдапа и срывающимся голосом сообщил: «Вывозят...» Голдап лежит на самой границе, через городок прошли колонны тюремных фургонов, откуда доносилось хоровое пение женщин, затихавшее на границе.

Ни ксендз, ни мы не знали, что в лесу между крайними домами и границей расположены военные полигоны и дома отдыха для офицеров; там и размещали привозимых в «воронках» женщин, однако прежде чем это выяснилось, мы явственно ощутили ледяное дыхание истории.

Как-то я опоздал на Пивную² и в темном монастырском коридоре столкнулся с Мацеем Прусом, бледным и растерянным; у нас забрали картотеку, прошептал он, нет у нас больше картотеки... «ГБ вломилось?» — помертвев, спросил я; нет, наше детище забрал костел и отдал своим людям; ксендзы не хотят, чтобы этим занимались посторонние, не хотят конфликтовать с властями... но ведь эти, новые, понятия не имеют о картотеках... А красивая монахиня, которая в ту минуту пропорхнула мимо на своих черных крыльях, глянула с удивлением — на этот раз Прус не бросился целовать ее тонкую руку — и впервые удалилась, не залившись румянцем.

Знаменитые польские актрисы. — Пер.

 $^{^2}$ Костел св. Мартина находится в Варшаве на Пивной улице. — *Пер*.

Через триста тридцать три года после того, как мой предок продиктовал свое завещание, в монастыре нам устроили обед с примасом Глемпом; случайно меня посадили с ним рядом. Мама будет в восторге, подумал я, потому что вокруг стола вертелся молодой ксендз, то и дело щелкая фотоаппаратом; мама будет в восторге, когда я вручу ей фотографию с примасом — как-никак, реликвия...

— Я, некоторым образом, партийный примас, — объявил примас и засмеялся: рубиновая слезка борща даже капнула с ложки на скатерть. — Так уж получается. Когда был съезд партии и выбрали Ярузельского, Папа сказал: как же так, первый секретарь в Польше есть, а примаса нету. Не может такого быть, сказал. Отсюда и мое назначение...

Фотографии должны были быть проявлены вечером, но на следующий день я нигде не мог отыскать молодого ксендза. Когда я спросил о нем у Мацея Карпинского, тот посмотрел на меня с недоумением; ты что, не знаешь, сказал он, я думал, ты знаешь; не знаю, сказал я, о чем я должен знать?

— Да ведь он сегодня ночью скоропостижно скончался, — услышал я в ответ.

вирусы

Это был первый после 1989 года раскол: население яростно противилось созданию центров для оскверненных безжалостным вирусом наркоманов.

Я сфотографировал толпу, пикетирующую дом прокаженных; женщина на переднем плане, державшая высоко над головой фанерную лопату для разгребания снега с прицепленным лозунгом «Извращенцам не уйти от Божьей кары!», кричала мне тогда: не снимать, не снимать! — и дергала за объектив фотоаппарата; однако в следующую секунду ее внимание отвлекла остановившаяся у ворот машина.

Из машины вышел сидевший за рулем мужчина, за ним еще один, с камерой, которую он тут же поднес к глазам. Пикетчики разом уставились на приехавшего. Первым отважился заговорить пожилой мужчина; я вас, товарищ, помню по радио и телевизору, сладострастно прошептал он.

— Вы позвали на помощь, и вот я здесь. Призыв, так сказать, драматичный, прозвучал с вашей стороны...

- Помогите, товарищ! Сделайте что-нибудь! Если не поможете, нам тут всем крышка. Уж если вы сами не сочли за труд...
- А почему нас снимают? подозрительно спросил кто-то, указывая на оператора, и на всякий случай заслонил руками лицо, как будто заплакал.
- Придет время, и мы еще проявим о вас заботу. Так что не бойтесь страх плохой советчик. Как говорится.
- Всех нас зараза унесет, дорогой товарищ, захныкала женщина с лопатой и, перевернув, оперлась на нее, как на швабру.
 - Сейчас что мы можем...
 - Да вы что-нибудь придумаете!
- Поставьте наверху наш больной вопрос, товарищ. Пускай там заступятся за нас по законному праву.
 - Мы не хотим помирать!
- А вот голосовать вы за нас, небось, не голосовали, верно? с горьким упреком усмехнулся мужчина.
- Ну, знаете, товарищ! возмутился пожилой и аж покраснел.
- Ну, ну... успокоил его бывший сановник, я только пошутил применительно к случаю.
- Хуже всего, тааищ, что церковники вмешались. И держат в своих руках.
- Иначе мы бы уже давно красного петуха пустили!
- Ты мне ксендза не трожь, женщина замахнулась «Божьей карой» на мужа, а тот так и присел с перепугу, пачкая полы пальто.
- Ну, ну, успокаивал сановник, надо разговаривать, надо находить общий язык.
 - Трудно жить с этой сволочью!
 - Хуже! Вообще жить не хочется! Дожили!
- А ребятня смотрит и сызмалу учится! Потом сами будут других заражать под старость!
- Посмотрим, посмотрим, проблему надо изучить досконально, ответил сановник и вместе с оператором отважно вступил на зараженную территорию; я украдкой последовал за ними.

Встав на фоне открытого окна, он инструктировал оператора: делай так, чтобы вышло, как будто я внутри...

- Так не получится, отвечал оператор. Хоть усрись...
- Ты мне не говори, что не получится, я знаю, что получится!

Оператор огляделся, высмотрел брошенную тачку и привез ее под окно; заскрипело ржавое колесо.

— Залазьте, — сказал он. — Чтоб сровняться. Сановник влез на шаткую тачку и неуверенно заглянул в темную дыру, испещренную белыми пятнами лиц.

— Приветствую вас, — произнес он. — Сердечно вас приветствую.

С минуту он вслушивался в тишину и поспешил притвориться, что ее не слышит.

— Нам, конечно, известно, что ваш центр стал объектом нападок со стороны непросвещенного местного населения. До нас дошли слухи, что нападки умножаются и даже усиливаются. К сожалению, население не понимает ваших проблем. Сказывается неосведомленность в медицинском плане. Мы вам поможем, насколько сумеем гарантировать помощь. Не бросим вас одних на произвол. Не бывать дикому Западу и общеизвестному закону джунглей. Вот.

Он ненадолго прервался, чтобы жадно глотнуть воздуху, потому что уже синел, задыхаясь, и тогда оператор навел на него объектив.

— Для начала я бы хотел внести реальный вклад. Я привез вам кое-что конкретное из лечебной практики, чтобы облегчить вашу, как говорится, безрадостную долю.

Он с треском раскрыл кодовые замки кейса и, поддерживая крышку подбородком, достал сверток.

- Это реабилитационные маски! удовлетворенно возгласил он и вынул из упаковки огромные очки из прозрачной полиэтиленовой пленки, внутри заполненные жидкостью. К очкам были приделаны тесемки, чтобы завязывать на затылке.
- Реабилитационная маска ликвидирует головную боль, зачитал он инструкцию, а также снимает похмелье, стресс, усталость глаз и напряжение черепно-лицевых мышц. Водяная маска действует болеутоляюще, а также оказывает успокаивающее действие. Применяется или в теплом виде, в таком случае ее следует опустить в кипяток, или в холодном, и в этом случае ее надо подержать в холодильнике.

Он приложил маску к лицу и на мгновение превратился в насекомое; еще она стимулирует кровообращение, вернулся он к инструкции. И вообще, если глаза опухшие. Прошу брать по очереди; и протянул связку масок, и помахал рукой, но за окном никто не прореагировал; ошарашен-

ный сановник положил маски на подоконник и энергично пожал плечами — можно было подумать, его сотрясают рыдания.

— Ждите нас в скором времени с очередным подарком. Мы с вами. Мракобесию мы говорим твердое нет! Ну ладно, — он повернулся к оператору.

А потом, уже у ворот, под плеск аплодисментов, объявил: вскоре все будут размещены на полигонах бывших советских войск, — и пошел к машине быстрым шагом, а пока оператор снимал воспылавших надеждой на победу людей, поднял крышку багажника и открыл пластмассовый туристический холодильник; оттуда вырвалось морозное облако, а он погрузил в него кисти обеих рук.

— Низкая температура убивает вирус, — объяснил он оператору, который тем временем приблизился и похлопал себя по щекам в знак высочайшего одобрения.

доносчики

Услыхав истерический вой сирены, я с облегчением подошел к окну; открывалось оно не так, как окна в поезде, наоборот, и я поднял вверх одну половинку. На другой стороне узкой улочки была гостиница — это перед ней остановилось множество машин лондонской пожарной службы, — после того как из них высыпали пожарные, огромные машины стали похожи на детские пластмассовые игрушки...

Напротив моего окна находился освещенный закуток со стойкой, где принимали гостей; я видел на стене распределительный щит с предохранителями и переключателями, выползавшую из-под него косичку дыма и индуса-портье; он был в шоке и медленно, тупо разматывал свою чалму. Тут в закуток ворвались пожарные, опрокинули не успевшего отскочить индуса, прошлись по нему и принялись самозабвенно рубить блестящими топориками щит с предохранителями — оттуда так и брызнул фонтанчик темно-голубых искр. Подоспел главный, схватил двоих своих людей за шиворот, рванул со страшной силой — они покатились к противоположной стене, резко дернул рубильник, и гостиница погрузилась в темноту; теперь лишь лучи света от прожекторов, вращающихся на кабинах боевых машин, нежно поглаживали черные окна.

Я с шумом опустил половинку окна и увидел на подоконнике фотоаппарат. Повернулся вместе

с ним, сверкнула вспышка, и камера запечатлела картину жуткого хаоса на столе и полу; вся комната завалена изрезанными газетами и страницами иллюстрированных еженедельников, а на груде бумаг сидит с ножницами в руке художник Гжегож Котерский; на снимке не видно, как дрожат у него руки после двух бессонных ночей. Котерский вырезает из английских газет и еженедельников буквы и частички букв, которые нужно в виде хвостиков приделать к английским буквам — текст доноса должен быть на польском языке; в объектив он смотрит с ненавистью, поскольку знает, что за фотоаппаратом прячется мой глаз.

У меня, как и у него, глаза красные, под глазами синяки — результат двух бессонных ночей — и в руке ножницы, которыми я вырезаю слоги и буквы, а также хвостики, чтобы донос мой был написан на чистом польском языке.

Котерский на фотографии не может скрыть неподдельной ненависти, ибо идея была моя, хотя поначалу очень ему понравилась. У нас было всего двое суток на подготовку к печати в издательстве «Пульс» «Доносов» Мрожека, и задача не составила бы труда, если бы я не сообразил, что настоящие доносы пишутся на машинке, от руки или выклеиваются из вырезанных из газет букв, и потому книжка Мрожека должна выйти в свет именно в таком виде.

Ну и мы начали вырезать из груды английских газет и журналов буквы, приделывать к ним хвостики, складывать слова и предложения; каждый клочочек бумаги следовало намазать клеем и налепить на макет; за день мы изготовили только три из пятнадцати доносов; когда поздним вечером я начал составлять фразу «Посему прошу службу безопасности взять нас под свое попечение и гарантировать нам безопасность», то до подписи «Гражданин» дело дошло только к полудню следующего дня. Я ножом соскребал с пальцев кусочки букв и снова брал ножницы, чтобы вырезать очередной подходящий слог, и мысленно восхищался ратями доносчиков, способных управляться со своей задачей в мгновение ока.

За следующую ночь я сумел наклеить три фразы: «В бюро доносов. Доношу, что мой сосед А. Неснос не доносит. Славомир Доносек», — а потом, похоже, заснул, ибо, подняв голову с мягкого макета, обнаружил, что щеки и лоб у меня изукрашены буквами и фразами, как будто я внезапно заболел оспой; повторить все заново я уже был не в состоянии, так что мы с Гжегожем поменялись: весь день я заканчивал начатый им донос. «За все это попрошу добавить долларов и виски. С империалистическим приветом Тадеуш Костюшко».

С доносами, которые надо было написать от руки и натюкать на раздолбанной машинке, мы справились быстро, поскольку тут никакой сноровки не требовалось. Когда мы закончили, пришел фотограф со снимком для обложки. Таким, как мне хотелось. Из разорванного конверта вылезал скорпион.

Раздобыть в Лондоне скорпиона поначалу казалось проще простого. Звонишь в зоологический музей и просишь, чтобы издательству разрешили сфотографировать мертвого скорпиона рядом с разорванным конвертом. Однако сотрудник музея потребовал письменное заявление. Ответ долго не приходил; после наших нетерпеливых звонков подозрительный чиновник попросил прислать еще одну бумагу с пояснением, что это за издательство и почему оно выпускает книги со скорпионами на обложке. Получив письмо, в котором объяснялось, что «Пульс» — эмигрантское издательство, выпускающее журнал и книги, которые в Польше не пропустила бы цензура, он после долгой проволочки прислал ответ. Музей не дает согласия на фотографирование экспоната «скорпион», писал он. Скорпион был бы использован в политических целях, а их учреждение, по природе своей аполитичное, ввязываться в международные конфликты не желает.

Скорпион был куплен в какой-то лавчонке в китайском квартале. Маленький продавец долго кланялся и с улыбкой доказывал, что куда лучше скорпиона было бы чучело обезьяны в полный рост.

Из сборника "Fotografie" [СНИМКИ] Wydawnictwo literackie, 2002

Лешек Шаруга

ЛЕТОПИСЕЦ

Януш Андерман (род. 1949) дебютировал в 1975 г. повестью «Игра в испорченный телефон», очень хорошо принятой как литературной критикой, так и читателями. Не меньшим успехом пользовалась его следующая книга «Игра на промедление». Происходящие в обоих произведениях события, главный участник которых — слоняющийся по Кракову аутсайдер, — великолепная иллюстрация быта и нравов коммунистической Польши. Наделенный абсолютным слухом рассказчик, фиксируя живую речь, будь то язык улицы, канцелярит или пьяное бормотание, блестяще передает атмосферу того времени.

Во второй половине 70-х Андерман вошел в состав редакции издававшегося нелегально ежеквартального литературного журнала «Пульс»; во время военного положения он был интернирован, провел несколько месяцев за решеткой, а затем уехал в Лондон, где работал, в частности, в эмигрантском издательстве «Пульс». Тогда же он напечатал сборник рассказов «Край света», где не только описана абсурдная действительность страны, управляемой генералами, но и в кривом зеркале показана среда оппозиционеров.

«Фотографии» (2002) — попытка обобщить разного рода опыт послевоенной Польши. Рассказчик случайно обнаруживает в подвале чемодан, «как оказалось, набитый фотографиями. Главным образом семейными, снимками нескольких поколений; многих из этих людей, навечно застрявших на бумаге, как мошки в желтом кусочке янтаря, я уже не могу узнать». Некоторые снимки сделаны самим автором, на иных он присутствует, то есть фотографировал кто-то другой. Таким образом, очевидно, что перед нами не полный комплект, а некая выборка; небезынтересны принципы выбора, его критерии. Тем более что налицо стремление уловить ритм перемен, происходивших в польской действительности вплоть до последних дней — как в самой Польше, так и в эмиграции, как в официальных, так и в оппозиционных кругах. Стилистика повествования указывает на один из важнейших критериев составления коллекции картин — принцип личного свидетельства. Кроме того, рассказчик старается отождествить себя с автором, чем подчеркивается сходство собранных в книге текстов с репортажем (которым, впрочем, Андерман раньше занимался).

Второй критерий — принцип непрерывности личного опыта, вписанного в контекст опыта социального и исторического. Здесь нет места интимности — даже в наиболее соответствующей этой формуле зарисовке под названием «Дедушка ксендз» история семьи рассказчика сплетена с его реальной судьбой: «Фамилия дедушки была Яжембский. Яжембские — это много поколений скрипачей-виртуозов и педагогов. Первый в династии, как гласит семейное предание, — Адам Яжембский, композитор и поэт, придворный капельмейстер короля Владислава IV. Эта должность указывает на некую связь между мной и Марианом Брандысом, в «Дневниках» которого я прочитал, что один из его предков был лекарем при дворе Владислава IV. Так что они должны были быть хорошо знакомы; сейчас я это запишу, обрадовался Мариан Брандыс, когда я позвонил ему и сообщил эту новость». Здесь трудно отделить вымысел от реальности: так или иначе, Мариан Брандыс, сам, впрочем, занимающийся литературным репортажем, — фигура вполне реальная.

Рассказы Андермана — отрывки, мгновенные крупные планы, анекдоты, отражение собственного опыта, причем особый упор делается на его общественную и политическую окраску. Следует также обратить внимание на их поколенческий аспект — не случайно автор отводит много места бывшему редакционному коллективу краковского «Студента» или писателям, примыкавшим к группе «Тераз» [«Сейчас] (в которую входили, в частности, Адам Загаевский и Юлиан Корнхаузер), — хотя, разумеется, не стоит рассматривать эту серию крупных планов как образ целого поколения. В результате складывается не лишенная иронического оттенка картина литературно-художественной жизни ПНР, в которую вкраплены трогательные описания среды, близкой к Комитету защиты рабочих, и судьбы тех, кто в 80-е оказался в эмиграции. Здесь много литературных «портретов» — как индивидуальных, так и коллективных; иногда автор не ограничивается рамками одного рассказа, а, как в случае с прекрасным писателем Иренеушем Иредынским, «разбрасывает» зарисовки по нескольким не связанным друг с другом текстам. В итоге мы получаем своеобразную мозаику — наблюдений? признаний? — в процессе чтения складывающуюся в панорамную картину, в которой — независимо от сопутствующих «комментариям к снимкам» ретроспекций или отступлений, опережающих развитие событий, — соблюден хронологический порядок.

Следуя за ходом событий, формирующих судьбу героя-рассказчика-автора «Фотографий», мы отдаем себе отчет в том, что описаны они постфактум и уже стали на свой лад «историческими». Рассказчику отлично известно, куда все эти события приведут в дальнейшем: возможно, поэтому, повествуя о себе и своем опыте, охватывающем без малого полвека нашей истории, он неизменно остается самим собой.

Анна Насиловская

ПОЛЬСКИЕ ПОЭТЕССЫ

Большая антология Наталья Астафьевой

Уж не был ли в самом деле XX век веком женщин? Когда просматриваешь антологию «Польские поэтессы», подготовленную Натальей Астафьевой, этот толстый том, дающий картину творчества польских поэтесс, — ответ выглядит очевидным. Если бы антология включала всю польскую поэзию, ее объем не слишком бы изменился.

Урсула Филипс в путеводителе «Польские писательницы» (Гданьск, «слово/образ/территория», 2002) отмечает несколько выдающих женских имен в старопольской литературе, однако всё это не поэтессы. В эпоху Просвещения следовало бы прибавить Эльжбету Дружбацкую, которую Вацлав Боровый в своем большом критическом труде «О польской поэзии XVIII века» признал выдающимся автором. Но польское общественное мнение он до конца не убедил, и Дружбацкую знают скорее историки литературы. Стоило бы учесть и Констанцию Бениславскую. Во времена романтизма женщинам посвящали литературные произведения, а сами они написали несколько важных романов, поднимавших женский вопрос. Не забудем о Диотиме [наст. имя Ядвига Лущевская, 1834-1908]: ее талант импровизации покорял современников, но ее искусство осталось мимолетным. Крупной фигурой в польской поэзии 2-й половины XIX века была Мария Конопницкая, и ее безусловно следовало бы представить как виднейшую личность той эпохи1. Однако в сравнении с XX веком — поразительно мало женских имен.

Женщины, пишущие стихи, по-настоящему вошли в литературу только вместе с «Молодой Польшей», хотя эта эпоха выглядит как особенно характеризующаяся женоненавистничеством. Возможно, столкновение откровенной в тот момент тяги к эмансипации с художественными мифами «Молодой Польши» спровоцировало поэтесс, создав поле любопытной напряженности. С тех пор присутствие женщин в поэзии, хоть и относительно недавнее, стало неопровержимым.

Таким образом, если кто-то усомнится, есть ли смысл издавать антологию одних только поэтесс, ему можно возразить, приведя два довода. Первый носит исторический характер: такое широкое участие женщин в поэзии вообще характерно для XX века. Второй связан с современными обстоятельствами — как в Польше, так и в России: женский вопрос, т.е. вопрос равенства женщин, их отличия от мужчин, их возможностей и участия в демократии, оказался одной из главных тем, всплывших после политического перелома. Тем самым антология вписывается в самоновейшие дискуссии и интеллектуальные моды, может стать предметом изысканных академических прочтений, привлекает и провоцирует. И вдобавок третий довод: таким образом задуманная антология целиком переведена и составлена Астафьевой, которая нашла в себе достаточно сил, чтобы «перевоплотиться» в 27 разных личностей.

¹ Если это не общее соображение, а упрек рецензента составителю антологии, то мы вынуждены его отвести. В своем предисловии к антологии Наталья Астафьева вполне достаточно представляет творчество и личность Марии Конопницкой, упоминая о том, что ее очень много переводили на русский, вплоть до изданного в 1959 г. четырехтомника стихов, прозы и переписки. В предисловии составитель представляет и польских поэтесс XVII-XVIII вв., включая упомянутых рецензентом, и несколько женских имен первой половины XIX-го, но антология (хотя этого и нет в заголовке) посвящена XX веку. — *Ped*.

В русскую поэзию женщины вошли тоже в XX веке. Анна Ахматова и Марина Цветаева сразу заняли в ней видное место. Позже наступили не такие счастливые времена, и польская поэзия тут может оказаться интересной как предмет сравнения с русской.

Картина, представленная в антологии Астафьевой, чрезвычайно разнообразна: здесь есть поэтессы, занимающие важное место своей глубиной и внутренним опытом (такие, как

Анна Каменская или Иоанна Полляк), но в то же время исключительно широко представлена Анна Свирщинская, поэтесса бунта против унижения и угнетения женщин. По другим причинам, которых не нужно объяснять, значительное место занимает Вислава Шимборская: 40 стихотворений разных периодов творчества создают ее литературный портрет. Нашлось место и для поэтесс, включение которых мотивировано историческими соображениями. Написанное во время войны ироническое стихотворение Зузанны Гинчанки [арестованной и расстрелянной гитлеровцами] «Non omnis moriam — вам все мои владенья...» читатели книги могут увидеть не только в переводе, но и в оригинале, как и одно из стихотворений Беаты Обертынской, относящееся к ее пребыванию в советских лагерях.

Открывают антологию стихи Казимиры Завистовской, а самые младшие в сборнике поэтессы — Агнешка Кутяк, Иоланта Стефко и Марта Подгурник. Таким образом, выбор был обоснован и желанием ввести читателя в новейшую польскую поэзию. Слабее всего представлено среднее поколение: нет ни Тересы Ференц, ни Адрианы Шиманской, ни Анны Янко. Астафьева стремилась дать богатые портреты, избегая помещать всего несколько стихотворений.

Обращают внимание биографические справки о каждой поэтессе — далекие от сухих энциклопедических штампов. Из них можно узнать о детстве и школьных годах, даже о детях поэтесс (у кого они есть). Биографические сведения, то скупые, то весьма подробные, делают портрет литературнокритическим, показывающим самое характерное. Например, поэзию Юлии Хартвиг Астафьева заключает в рамки «поэзии натуры» и «поэзии культуры». Милобендзкую она характеризует [словами Станислава Баранчака] как поэтессу «драматичной неграмматичности». А в портрете Агнешки Кутяк мы находим большую цитату из ее письма. Иногда заметки окрашивает сердечная, личная тональность, а иногда достаточно названий сборников стихов и горстки жизненных фактов.

Такого рода непоследовательность мне нравится, ибо она обогащает; введение однородности повело бы лишь к оскудению, ликвидации всего, что выходит за рамки схемы. Сама переводчица и составитель тоже представила себя биографической справкой, в которой оказались даже сведения о внуках. А почему бы этого не сделать? Из ложной скромности или потому что это неважно? Быть может, в женской антологии не нужно подстраиваться под официальные навыки, оставляющие от человека лишь его общественные функции.

Важно, что Наталья Астафьева, дочь Ежи Чешейко-Сохацкого, родившаяся в Варшаве и возраставшая в Москве, — сама поэтесса, и пишет не только по-русски, но и по-польски Даже чрезвычайное трудолюбие не гарантировало бы успеха в таком предприятии в отсутствие таланта и величайшей восприимчивости. Рифма и ирония, регулярные ритмы и языковые эксперименты, различия мастерства 27 поэтесс, способность все это передать — редко сходятся в одном и том же человеке.

Конструирование антологий — всегда приключение. В последнее время в Польше издавались сборники не столько канонические, монументальные, сколько основанные на личном выборе. Мне приходят на ум антология поэзии в журнале «Пшекруй» Петра Матывецкого и антология Кшиштофа Карасека, показавшая поэтов в их молодости. Антология Астафьевой — приключение такого же рода, однако ее достоинства делают книгу доброжелательным к читателю, от всего сердца составленным путеводителем по разнообразным перепутьям и испытаниям польской поэзии. А то, что это антология поэтесс, не делает эти испытания далекими от главного пути ее развития. В XX веке польские поэтессы завоевали себе одну из главных ролей на поэтической сцене.

Наталья Астафьева. Польские поэтессы. Антология. [Сост. и предисл. переводчика]. СПб, «Алетейя», 2002. 639 с., ил.

TYCODNIK POWSZECHNY

сая

Наталья Горбаневская

СТАЛИН, ПОЛЬША, «СТАЛИНИЗМ»

По страницам «Слова о Сталине» — специального приложения к газете «Жечпосполита»

Пять первых мартовских дней 2003 г. в варшавском Дворце культуры и науки, высотном здании в самом центре столицы, продолжался фестиваль «50 лет спустя», организованный центром исследований новейшей истории «Карта» в сотрудничестве с газетой «Жечпосполита», фондом «СоцЛанд» (и всяческими другими ассоциациями) и посвященный годовщине радостно-траурной даты. 50 лет назад могло казаться, что чисто траурной: так дружно оплакивал кончину Джугашвили весь мир, включая свободный. Ан нет — на тех, что прозрели «после доклада Хрущева», «после Венгрии», «после Чехословакии», и тогда, календарной весной, но холодной зимой 53-го года, приходились миллионы зэков, если не открыто (хотя и такое случалось) праздновавших кончину того, чьим «сердцем и именем» их послали в тайгу и тундру, то вздохнувших с нескрываемым облегчением: «Сдох...» Такие же вздохи облегчения и радости раздавались и на воле.

В одном из своих «Колымских рассказов» Варлам Шаламов написал, что Сталин поставил в Москве семь высотных зданий, как семь лагерных вышек. Восьмую вышку он щедро, от имени голодавшего в лагерях и на воле советского народа, «подарил» Варшаве. Поляки иногда гордятся тем, что у них, в единственной из «стран народной демократии», не был установлен памятник вождю всего человечества. Да вот же он, памятник, — Дворец культуры и науки имени Сталина, «подарок советского народа польскому», недреманное око коммунистического фюрера над польской землей.

«Тень Сталина над Варшавой» — так называлась фотография с тенью ДКиН (1989), встречавшая участников и посетителей фестиваля в вестибюле театра «Студио», где разворачивались основные события фестиваля: выступления историков, дискуссии, документальные фильмы, театральные спектакли (в том числе моноспектакль по «Реквиему» Ахматовой) и две крупные выставки. Первая — фотографии, сделанные Томашем Кизным на территории заброшенных лагерей (в том числе знаменитый цикл «Мертвая дорога») и разысканные им в архивах. Вторая — «СоцЛанд»: документальные свидетельства о жизни в странах реального социализма (не беру в кавычки намеренно, так как

он и был единственно реальным). Здесь самое яркое впечатление производили неустанно крутившиеся видеозаписи «кинохроники» (беру в кавычки намеренно) из Северной Кореи... В другом крыле варшавской высотки, в Кинотеке, крутили польские художественные кинофильмы, снятые в 80-90-е и посвященные временам и наследию сталинизма.

Тут мы, впрочем, подходим к спору о терминах, что я затронула, выступая в дискуссии, в которой вместе со мной участвовали украинец (Василь Овсиенко, по трем приговорам получивший 22 года и отсидевший «всего» 13), белорус, чеченец и польские историки. Я недаром (и намеренно) в заголовке этой статьи взяла это слово в кавычки. Поляки, говоря «сталинизм», чаще всего подразумевают определенный исторический период, так как у них «это» началось при Сталине — вторжением Красной армии в сражавшуюся с немецким агрессором Польшу (17 сентября 1939), массовыми арестами и высылками польского населения с земель Западной Украины и Западной Белоруссии, Катынью и, наконец, постепенным, но довольно быстрым (1944-1947) установлением режима, аналогичного советскому, — с благословения малодушных западных союзников. На мой взгляд, однако, заменять понятие коммунизма мутным термином «сталинизм» куда опаснее, чем употреблять (что тоже случается в Польше) слово «гитлеризм» вместо ясного «националсоциализм»: в конце концов, национал-социализм как государственный и общественный строй появился и скончался вместе с Гитлером, а коммунизм как торжествующая система власти и победоносная интернациональная идеология порожден не ничтожным тогда наркомнацем и не умер с ним... Да, конечно, сталинская эпоха продолжалась дольше, и он успел совершить куда больше преступлений против человечества, чем Ленин и Гитлер вместе взятые, но, говоря о «сталинизме», не надо забывать, что СССР прожил под Сталиным меньше 30 лет, а под коммунизмом — почти 75.

Впрочем, это понимаем не только мы. В передовой статье «Слова о Сталине», специального приложения к газете «Жечпосполита» (2003, 1 марта), подготовленного газетой совместно с «Картой», Мацей Росаляк, в частности, пишет:

«Нам хотелось бы, чтобы читатель помнил, что сталинизм не был искажением верного учения коммунизма и не кончился вместе с агонией самого Сталина. Учение с самого начала было преступным, а массовый геноцид, террор и разрушение нравственных принципов, ткани общества и экономики начал товарищ Владимир Ильич Ленин — первый советский вождь. Сталин оказался его самым понятливым и верным учеником, так что так называемый период культа личности — логическое продолжение большевистской револющии».

В общем, как говорилось в моем детстве, «Сталин -это Ленин сегодня» — и это был, наверное, единственный лозунг советской пропаганды, говоривший чистую правду.

Но все-таки вернемся в Польшу, которая благодаря победе над большевистскими полчищами, одержанной в 1920 г. на подступах к Варшаве, не пережила на своей шкуре ленинского периода коммунизма (и не стала плацдармом для триумфального шествия революции по всей Европе). Действительно ли «сталинизм», т.е. коммунизм при жизни Сталина, держался здесь на советских — а то еще для простоты скажут «на русских» — штыках? Материалы из «Слова о Сталине» показывают, что если он и был установлен на чужих штыках, то держался на своем, польскими руками проводимом терроре, на отечественной, польским «новоязом» проводившейся пропаганде, на сдаче и почти гибели крупного отряда польской творческой интеллигенции. (Почти — потому что здесь это продолжалось не так долго и вскоре же после смерти Сталина, зачастую даже не дожидаясь ХХ съезда КПСС, многие из этих сдавшихся интеллигентов успели опомниться и, как справедливо выражается Ежи Помяновский, «пять

лет грешили, а потом 45 лет отрабатывали».)

В статье «Портрет, вырезанный из газеты» Кшиштоф Маслонь собрал польские отклики на смерть «вождя и учитеЛеопольда Инфельда, «выдающегося физика, сотрудника самого Эйнштейна» (воспоминания, естественно, не о Сталине, а о том, какой энтузиазм царил на банкете Всемирного совета мира в последний, 1952 г., день рождения товарища Сталина) до репортажа из сельского клуба. Тут уже не всемирный, а польский «акцент»: старая бабка принесла в клуб, к портрету Сталина, букетик герани и «стала на колени в молитве».

Среди встречающихся в статье имен польских писателей, откликнувшихся на смерть Сталина, преобладают, конечно, верные лакеи режима, но есть и немало будущих оппозиционеров, тогда искренних, и не все они в 1953 г. были так молоды и наивны, как Тадеуш Конвицкий или (в будущем мой друг) Виктор Ворошильский — есть среди них и те, кто начинал свою деятельность до войны, — например, Антоний Слонимский и Ежи Анджеевский. Правда, у двух молодых тоже был свой опыт: подростками они пережили советизацию своих родных городов — Вильно и Гродно. Можно, конечно, предположить, что как для старших, так и для младших ужасы немецкой оккупации перекрыли прежний опыт и в Сталине они — скорее обманывая себя, чем обманутые — приветствовали не поработителя, а освободителя, а прозрели уже потом. (Кстати, свой юношеский период заблуждений Виктор Ворошильский потом честно описал в романе «Литература». Да и прозрел он раньше многих благодаря нескольким годам учебы и жизни в СССР — и многим в Польше помог прозреть.)

Однако есть в статье Кшиштофа Маслоня и один более печальный случай: «Мария Домбровская в дневнике, который она писала для себя, называет Сталина «человеком, из-за которого миллионы людей пролили океан своей крови и слез», но опубликованы иные ее слова: «Сотни миллионов простых людей обязаны Сталину тем, что он извлек их из исторического полусна и вывел к полноте человеческой жизни, сознательно строящей свою историю»». Тут уж о самообмане говорить не приходится.

Статья Лукаша Каминского, написанная по материалам ныне открытых архивов ПОРП и польской гос-

рассказывает об откликах рядовых поляков на смерть Сталина. После нее в десять раз возросло число арестованных за «враждебную пропаганду», тысячи людей были вызваны на «профилактические допросы», а рапорты с мест сообщали, что еще при появлении первых коммюнике о болезни Сталина (4 марта) часто говорилось: «Пора уж ему помереть».

А после официального коммюнике о смерти Сталина, по словам одного из рапортов, «отмечен ряд исключительно злостных враждебных высказываний, являющихся отражением озверения и хамства, не имеющих определенного направления, а только выражающих удовлетворение кончиной тов. Сталина». Но есть и высказывания, явно имеющие «определенное направление». Один солдат, как сообщает военная разведка, выбежал из комнаты и с восторгом крикнул: «Умер и не успел ввести у нас колхозы!» Не случайно автор статьи отмечает, что в деревне усилилось сопротивление коллективизации. (Коллективизацию начали проводить в Польше еще с 1949 г., но шла она туго, и так ее и не довели до конца: в 1956 г. Гомулка распустил колхозы.)

Солдат, если верить офицерам разведки, крикнул: «Умер», — но, по данным тайных рапортов, чаще всего поляки употребляли слово «сдох», реже — выражения типа «окочурился», «откинул копыта», и только на третьем месте — нейтральное «умер».

Радость траура нашла свое выражение в таких высказываниях, как «у нас праздник: Сталин умер», «такой праздник и каждый месяц не помешал бы» и т.п.

«Одной из самых распространенных реакций были индивидуальные и коллективные пьянки с радости. (...) По пьянке часто уничтожали портреты Сталина, выкрикивали «враждебные» высказывания, пели «куплеты антисталинского содержания»». В статье приводятся примеры распространившихся в то время сатирических, в основном не слишком приличных куплетов (их часто писали на стенах общественных уборных — или, как сообщали рапорты, «в замкнутом месте»).

Эти материалы, напечатанные под рубрикой «Смерть бессмертного», наименее известны русскому читателю и больше всего раскрывают избранную мною тему. В «Слове о Сталине», конечно, есть еще множество материалов: о репрессиях вообще и о репрессиях, которым подверглись поляки, о лагерях, о Беломорканале... Немало переводов с русского, в том числе отрывок из книги Василия Гроссмана «Все течет». «Смех сквозь слезь» — анекдоты и анекдотические истории, имевшие хождение во всем социалистическом лагере, прежде всего в Советском Союзе. Остроумно составлен «Алфавит сталинизма». Под названием «Абсурд в музей» печатается интервью с архи-

тектором, бывшим сенатором (и бывшим политзаключенным) Чеславом Белецким, председателем совета фонда «СоцЛанд», строящего в Польше музей коммунизма.

Кристина Захватович, сценограф, жена Анджея Вайды рассказала Белецкому о цирке в варшавском районе Повисле, «который мог бы стать музеем коммунизма. Этот продукт болгарской архитектурной мысли, экспортированный во все «демолюды» (замечательное польское, конечно, неофициальное сокращение от «демократии людовой» — «народной демократии», мне всегда напоминающее о людоедах. — Н.Г.) как типовой проект, не выполнял условий безопасной эвакуации, и в принципе в нем ничего не ставили, пока он не развалился. Эта алюминиевая развалина в форме ротонды с куполом сама по себе была неплохим музеем коммунизма. Тогда я и придумал название СоцЛанд».

Правда, теперь Белецкий—и, на мой взгляд, совершенно справедливо, — считает, что этому музею самое место во Дворце культуры и науки. Мартовская выставка — первая ласточка реальной работы будущего музея и всего лишь фрагмент выставки, которая в апреле открывается в Новой Гуте. Здесь выставка не ограничится сталинским периодом:

«Самыми развернутыми будут экспозиции 70-80-х годов. Мы хотим показать, каким образом тоталитарный механизм постепенно заедало. Как постепенно то, что выглядело стихийными протестами против «лунной экономики», переходило в самоорганизацию общества, в сопротивление, потом в подполье «Солидарности». И в конце привело к торжеству над абсурдом».

А еще Белецкий обещает, что на выставке будет показано, почему Польша заслужила славу «самого веселого барака в социалистическом лагере».

Быть может, эту славу хорошо иллюстрирует составленный Мацеем Рыбинским «Краткий курс биографии И.В.С.», завершающий «Слово о Сталине». Составитель подчеркивает, что сам ничего не сочинил: все взято у других. «Краткий курс» заканчивается абзацем, которым и я позволю себе закончить свою статью:

«В поразительном уме товарища Сталина сконцентрировался опыт столетней революционной войны пролетариата и могучие взлеты мысли его гениальных предшественников — Маркса, Энгельса и Ленина. Он был первопроходцем в гигантских битвах между погибающим и создающимся миром, а его имя стало вдохновением и знаменем для сотен миллионов людей. Многие из них и по сей день не смирились с его потерей, а пустого места, которое оставил после себя Сталин, никто не в состоянии заполнить».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Мы вступаем в Европу, которая, однако, может стать для Польши территорией неожиданных испытаний. На этот аспект предстоящего нам опыта обращают внимание авторы варшавского католического журнала «Вензь» (2003, №3) в подборке материалов, озаглавленной на обложке журнала как «Ислам у ворот». В большой статье «Европа с головой, закутанной в платок» об этом пишет Агата Сковрон-Нальборчик:

«Когда мы думаем о христианской (или шире — европейской) и мусульманской цивилизациях, то считаем, что традиционно они были отделены друг от друга территориально. Первая географически определена самим своим названием, а вторую мы привыкли считать присущей пространствам Северной Африки, Ближнего Востока или далее лежащих частей Азии. Отдельность европейской цивилизации выглядит особо подчеркнутой тем, что формировалась она в противостоянии исламу. (...) ...на этом фоне тревожным фактом может выглядеть рост мусульманского населения на территории Европы, оцениваемого примерно в 40 млн. человек (в т.ч. 25 миллионов коренного населения Западной и Центральной Европы и 15 — пришлого), что составляет уже около 5% населения континента. (...) С 70-х гг. минувшего века приток иммигрантов, в том числе мусульман, все усиливался. Они прибывали как гастарбайтеры, но также как студенты или беженцы, просящие политического убежища. Это население родом почти из всех мусульманских стран — от Индонезии до Сенегала, и хотя численно здесь преобладают турки и марокканцы, этнический состав мусульманских меньшинств в каждой стране свой в зависимости от ее специфики (например, географического положения) и истории. (...) Ислам — самая динамичная религия в Европе, в нем отмечен наибольший рост числа верующих, и не только благодаря притоку иммигрантов, но и в силу высокого натурального прироста. Мусульмане составляют вторую по численности религиозную общину не только во Франции, но, например, и в Австрии. Процесс миграции из мусульманских стран в Европу не завершился, хотя в значительной степени носит нелегальный характер. В связи с ситуацией после 11 сентября 2001 г. страны Европейского союза ужесточили свою политику, направленную против нелегального притока иммигрантов, в том числе и мусульман. Однако сохранить численность европейских мусульман на стабильном уровне невозможно хотя бы по демографическим причинам».

В Польше этой проблемы еще по-прежнему не замечают. Если же принять во внимание, что уже сейчас наша страна стала одним из конечных пунктов беглецов из Африки или Азии, а сверх того — что Польша как член Евросоюза будет обязана принимать определенную квоту беженцев, представляется неизбежным ее участие в процессе, который А.Сковрон-Нальборчик видит в странах Западной Европы, где, как в Германии, есть города — к ним принадлежит Берлин — с постоянно растущей численностью мусульман. Впрочем, следует прибавить, что тенденция к уменьшению (в том числе и в Польше) натурального прироста «местных» обществ и связанные с этим экономические трудности (вскоре «старые» общества не будут иметь гарантированных пенсий, на которые работают смолоду) обостряют эту проблему. Автор статьи пишет об этом:

«Мусульманское население на территории Европы постоянно растет, а его присутствие все больше бросается в глаза. Мусульмане — это уже не только гастарбайтеры, одинокие мужчины, временно пребывающие на чужбине. Когда с ними воссоединились семьи, в европейских государствах появилось второе и третье поколение мусульман с чуждыми корнями. Те, что родились в Европе и нередко лучше знают язык страны пребывания, чем язык своих предков, не считают свое жительство здесь временным. Они живут здесь постоянно, а результат этого — их растущая забота о религиозной инфраструктуре: мечетях, молитвенных помещениях, религиозных школах — и об обеспечении таких правовых условий, которые позволят им исполнять религиозные обязанности и взращивать культурное наследие».

Но не только в этом дело. Врастая в пространство стран, в которых они живут, эти люди становятся своего рода посредниками, людьми двойного культурного и даже религиозного опыта, как известная, высоко ценимая немецкая поэтесса турецкого происхождения Зера Чирак, которая в одном из своих стихотворений пишет: «Сколь сладко время ожидания/между Рамаданом/и Рождеством Христовым».

Разумеется, после 11 сентября вопросы сосуществования мусульман и христиан стали предметом анализа, полемики и дискуссий, и перевес в них, похоже, берет мнение, согласно которому сторонники драматического конфликта цивилизаций не правы. Так пишет и автор статьи в «Вензи»:

«Умножение негативных стереотипов об исламе и генерализация опасности, исходящей от небольших групп экстремистов, ведет к стигматизации мусульман в повседневных контактах, а тем самым и к исключению их из многих сфер официальной жизни. Это оказывает неблагоприятное влияние на позиции, занимаемые мусульманами как иммигрантами по отношению к стране пребывания. Это благоприятствует тому, что они начинают отвергать встреченную ими культуру в целом, воспринимают ее как растленную и упадочную. Клеймение мусульман как худших, подозрительных членов общества и отказ им в праве быть гражданами становится причиной поисков своей ценности в родной культуре и традициях (...). Нельзя забывать и еще об одной тенденции, быть может, наименее популярной, но важной. Часть мусульманских иммигрантов относится к своему пребыванию как к миссионерству, цель которого обратить в ислам как можно больше европейцев».

Эта деятельность, например во Франции, не остается безуспешной. Поэтому, пожалуй, верным оказывается завершающий статью вопрос:

«Что такое ислам в Европе — угроза или, скорее, вызов, религиозный, интеллектуальный и социальный?»

Этот вопрос обращен в будущее — по-прежнему не до конца ясное, туманное, как бы слегка экзотическое и для многих малореальное. Однако важно, чтобы такого рода вопросы и размышления появлялись в польских дискуссиях все чаще. В Польше эти вопросы все еще кажутся второстепенными, а опыт с отечественной мусульманской общиной — пошедшей прежде всего от татар, несколько веков населяющих земли Речи Посполитой, — свободным от драматической напряженности.

Совершенно иное путешествие предлагает последний номер краковской «Декады литерацкой» (2003, №1-2). Путешествие не в будущее, а в прошлое, вдобавок «альтернативное» прошлое. Главную часть номера составляют ответы писателей на анкету «Польская культура без Ялты». Особенно язвительно высказывается Чеслав Милош в фельетоне «После диктатуры», в котором он исходит из посылки, что через несколько лет после окончания военных действий в Польше к власти пришел Болеслав Пясецкий, до войны вождь крайне правой организации ОНР-«Фаланга»:

«Его правление не было хорошим десятилетием для литературы. Тут обнаружилось все культурное бесплодие правых, которые, деля все на белое и черное, всегда нуждались в образе врага. Чем для Болеслава Пясецкого до войны были евреи, тем после нее стали литовцы и украинцы. Согласно его идеологии, великодержавная Польша должна была простираться на восток, причем не только до границ досентябрьской [до сентября 1939 г.] Польши, но и дальше. Разумеется, начав ставить на карту «извечно польских городов — Вильна и Львова», он выигрывал. (...) Прежде чем он появился на сцене, первое послевоенное десятилетие принесло триумф авторов, малоизвестных до войны: Густава Херлинга-Грудзинского, Теодора Парницкого, Чеслава Страшевича и Сергиуша Пясецкого, а также изобретательного прозаика Зигмунта Хаупта. Витольд Гомбрович не вернулся из эмиграции, главным образом по причине скандала, каким стало издание «Транс-Атлантика». Эту книги обвинили в оскорблении польской нации, что стало предлогом для нападений правых штурмовиков на книжные магазины, где они выбивали стекла, если находили хоть один экземпляр этого сочиненьица, кстати, клеймившегося и с амвонов».

Эта картина меняется после смерти Пясецкого в автомобильной катастрофе, возможно, подстроенной. Падение диктатуры позволяет культуре развиваться довольно свободно. Между тем — читаем мы дальше:

«Чеслав Милош засел в Вильно, точнее в виленских библиотеках. Результатом чего стал странный роман, действие которого происходит в Литве в конце XVIII века, а герои, принадлежащие к т.н. мистическим ложам, в том числе графы Калиостро, путешествуют по всей тогдашней Европе, всюду располагая связями среди братских лож».

Признаюсь, что этот неосуществленный замысел Милоша выглядит привлекательным и сегодня наверняка заслуживает воплощения.

Интересны размышления краковского литературоведа Ежи Ястшембского в очерке «Без идиллии»: «Идиллии — не вижу. Сразу после войны в Польшу возвращаются политики и деятели культуры, которых война загнала за границу. И тут перед нами ростки первого принципиального конфликта: между «здешними» и «эмигрантами», которые никак не могут согласовать свой военный опыт и извлеченные из него взгляды на мир. (...) Этому сопутствуют сильные конфликты на линии правые—левые. Правые, сильные еще до войны, рвутся к власти, но в то же время стремятся установить пересмотренную иерархию литературных ценностей. (...) Антисемитизм изгоняет из Польши остатки евреев. Поляризация затрагивает и католические круги: крайне правые объявляют группу, издающую «Тыгодник повшехный», «шайкой предателей Церкви и национального дела». (...) Но то, что мы избежали Ялты, означает ли это (...) что у нас нет политических группировок, отождествляющих себя с советским коммунизмом? Отнюдь! Польские левые переживают ту же болезнь зачарованности сталинизмом, что и западноевропейские, только с несколько отличающейся, более циничной мотивировкой, так как «попутчики» уже прошли на Востоке школу ломки характеров и всеобщего доносительства. (...) Есть в Польше даже авторы, которые упражняются в своем, менее ортодоксальном варианте соцреализма, расцветает агентурная деятельность и попытки купить писателей путем всяческих стипендий или премий с Востока. На эту приманку легче всего попадаются те, кто уже поддался после вторжения советской армии в Польшу в 1939 году. В этой напряженной ситуации, в которой от деятелей культуры требуют идейного самоопределения, в Польше появляется слегка забытый писатель из Аргентины Витольд Гомбрович. В начале 50-х он издает в маленьком частном издательстве, которое предпочитает не помещать в книге своего адреса, роман «Транс-Аитлантик». Он возбуждает всеобщее возмущение в политически ориентированных кругах и громкий смех среди части самого молодого поколения, которое уже по горло сыто декларациями в ритме армейских маршей. В этой группе пересмешников Казимеж Выка и Чеслав Милош, который в эти годы становится страстным эссеистом и публицистом, видят надежду на очищение атмосферы от всяческой идеологической отравы. (...) Ибо поколение пересмешников и бунтарей неизбежно должно было прийти после поколения почитателей идеологии независимо от политических событий в восточном блоке. В такой несколько биологической смене поколений, кстати, и лежит надежда на сохранение гигиены и ясности ума, а также живительных для духа ценностей литературы».

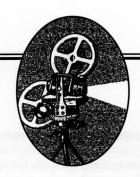
Выбирая тексты, которые я здесь представляю, я стремлюсь показать либо конкретные проблемы, которые сейчас пытается одолеть Польша, либо пространства поисков, которые ведут деятели культуры. Реальное будущее — в настоящий момент еще, на первый взгляд, Польши не касающееся, но несомненно присутствующее на территории Евросоюза, где, полагаю, наша страна скоро окажется, — будет ставить перед культурой новые задачи. Одна из них — конфронтация с исламом, рассматриваемым не как нечто, разыгрывающееся за нашими границами, но как опыт повседневности. Анджей Талага, принявший участие в дискуссии «Ислам у ворот», считает, что этот вопрос ставит конкретные практические проблемы:

«Мы, кажется, согласны, что либо фундаментализм как единое целое, либо его основные течения опасны для Запада, более того — для Польши. Как вести себя по отношению к нему? Тут входит в игру выбор либо военного вмешательства, либо дипломатии, либо надполитическая пропаганда ценностей демократии, прав человека, свободы слова».

Ему вторит Бронислав Вильдштейн:

«Я опасаюсь релятивизации, которая ведет к тому, что мы отказываем себе в праве судить о других культурах — и, следовательно, в праве защищать свою собственную. А такой тотальный культурный релятивизм как раз сейчас появляется на Западе. Меня скорее страшит то, что я вижу, то есть слабость Европы».

Но такая слабость Европы — не новость. Проявлением ее слабости в прошлом была Ялта — согласие на то, чтобы Советский Союз подчинил себе всю центрально-восточную часть континента. Результаты Ялты для польской культуры были если не убийственными, то во всяком случае весьма разрушительными. Насколько разрушительными — можно убедится, читая анкету «Декады литерацкой».

Анджей Менцвель

пропуск в историю

Заслужил ли «Пианист» свои три «Оскара»?

«Пианист» Романа Полянского не понравился польской кинокритике. Уже сообщения с Каннского фестиваля, на котором фильм получил «Золотую пальмовую ветвь», были скептическими: сомнительный вердикт, незаслуженная награда. Правда, после премьеры солидные газеты и журналы поместили обширные рецензии, но фильм оценили если и не отрицательно, то сдержанно: холодная регистрация, мнимое величие. Кинозрители, однако, пренебрегли кислыми отзывами рецензентов и во множестве, а главное, сосредоточенно смотрят картину. Я был на обычном сеансе в обычном кинотеатре, и после сеанса зрители разразились аплодисментами и почти никто не вышел до окончания очень долгих заключительных титров. Я не считаю количество зрителей решающим аргументом в пользу искусства, но все-таки, хоть и крайне редко, в зрительном зале возникает чувство, будто мы не только что-то смотрим, но и задумываемся о себе и о мире. Моя нынешняя семинарская группа, люди разборчивые, единодушно признала, что фильм замечательный. Я разделяю это мнение и поэтому и начнем с «Пианиста», который открывает нам не только Польшу, но и мир.

Расхождения критиков и рядовых зрителей в оценке фильма знаменательны. Можно предположить, что в их основе несовпадение требований не только к искусству кино, но и вообще к искусству. Разумеется, оценки и акценты рецензентов различаются. Однако в данном случае разницей акцентов можно пренебречь, ибо c'est le ton qui fait la chanson. Фильм «подвел» критиков, потому что не достиг той меры величия, какой они от него ожидали. Скептический комментатор рецензентских комментариев мог бы сказать, что величие должно иметь причину. В нашем случае, однако, сами ожидания важнее причины. Если Полянскому ставят в вину «нарративный холод», это означает, что ждут «жаркой нарративности»; если упрекают в изображении жизни как игры судеб, это означает веру в упорядо-

ченность жизни; если выносят суждение, что в его произведении нет ни нравственной победы, ни выводов, — жажду фанфар и прописной морали. В Польше довольно легко указать корни таких ожиданий: высокий штиль, мессианство, нравственное искупление — показатели романтического, сходящего за национальный образец, искусства и даже всей культуры. Полянский разительно расходится с этими образцами, на которые продолжают ориентироваться рецензенты, — но при этом не расходится с желаниями зрителей. И это может означать, что сегодня критики придерживаются устарелых установок более упорно, чем зрители. Рецензенты, видимо, не замечают, что единого образца, и не только в польском искусстве, но и в польской культуре в целом, нет.

Роман Полянский совершил в «Пианисте» нечто, свидетельствующее о несомненном величии этого фильма. Он соединил и даже сплавил воедино две повествовательные точки зрения объективную и субъективную. В современной прозе такой сплав, а он дает новый «ценный металл» искусства, довольно распространен и достигается многими писательскими приемами. В киноискусстве же, несмотря на многочисленные попытки субъективизировать повествование, такой сплав все еще кажется недостижимым, ибо объектив кинокамеры неизбежно остается объективным. Проблема этого сплава, этого нового ценного металла искусства — не только некая абстрактная эстетическая теорема. Со времен «У нас в Аушвице» Тадеуша Боровского известно, что ужас концлагерей и массового уничтожения раскрывается не старательным перечнем жертв, а овеществлением их сознания и образа мыслей. Благодаря уникальному художественному изобретению — непрерывной игре на личности/личностях героя, повествователя и автора — Боровский не только представил это овеществление в слове, но и показал совершающийся в психике триединого персонажа процесс этого овеществления. Поскольку с помощью кинокамеры можно предста-

вить не только все, что мы видим, но и все, что превосходит наше воображение, возникает убеждение в бесспорном преимуществе силы образа над силой слова. Но отнюдь не там, где речь идет о переменах и даже перерождении личности. Способна ли кинокамера «расфокусировать» свое зрение? Писатель может справиться с аналогичной задачей, по ходу дела изменяя структуру повествования (к его услугам современные нарративные приемы) — кино же как будто наталкивается на свои, так сказать, эпистемологические границы. Потому-то еще никому не удалось до сих пор создать убедительный фильм о бесчеловечном опыте XX века, тогда как написано на эту тему немало (Тадеуш Боровский, Примо Леви, Хорхе Семпрун, Густав Херлинг-Грудзинский, Пауль Целан, Варлам Шаламов и другие). Самый знаменитый до сих фильм на эту тему, «Список Шиндлера» Стивена Спилберга, — произведение цельное и благородное, но повествование в нем построено по канонам приключенческих романов первой половины XIX века, будто еще не написана «Мадам Бовари».

В «Пианисте» же судьбу Владислава Шпильмана, а тем самым судьбы всех польских евреев и судьбы варшавян, мы все время видим объективным глазом кинокамеры и субъективным взглядом героя, соединенными в одно волнующее повествование: человек перед лицом массового уничтожения — в испытаниях, впечатлениях, чувствах и сознании этого человека. Глядя кадры воображаемого концерта пианиста, я оказываюсь внутри этого повествования. Владислав Шпильман в очередном укрывище садится за пианино, растирает окоченевшие ладони и разминает пальцы, чтобы в своем воображении сыграть то, что мы услышим въявь, вместе с ним пугаясь, что он и вправду потерял технику. Таких искусных сцен, снятых с истинным мастерством, в картине множество, и стоит посмотреть ее несколько раз, чтобы эти сцены запомнить. Я никогда не забуду такой, казалось, бы простой образ, как зажигающийся при налете эсэсовцев свет в окнах дома, обитатели которого подвергнутся зверской расправе. Свет зажигается в ритме того напряжения, с которым смотрят на этот налет живущие напротив Шпильманы. Они чувствуют и понимают, что могут не пережить этого налета, что их жизнь висит на волоске, а я и другие сосредоточенные зрители знание это принимаем и разделяем. Все происходит в визуальном ритме зажигающихся и гаснущих окон: чик... чик... — который становится ритмом наших сердец. Как выплавляет Полянский свой художественный ценный металл, останется тайной его искусства, которое должно быть внимательно, эпизод за эпизодом, кадр за кадром, проштудировано.

А что, собственно, говорит режиссер в своем задумчивом визуальном повествовании о судьбе Владислава Шпильмана, первоначально именуемого «варшавским Робинзоном», так как он пережил несколько месяцев на том необитаемом острове, каким была лежащая в руинах после Варшавского восстания польская столица? Нужно сразу отметить, что повествование разворачивается поверх идеологий, будто их тогда и не было. В фильме ни разу не звучат такие избитые публицистические понятия, как фашизм, нацизм, коммунизм, социализм, национализм, патриотизм. Разумеется, мы знаем, что здесь делают немцы, ибо мы это видим; мы следим за драматическим разнобоем в поведении евреев; видим почти полный спектр поступков поляков. Но все это Полянский не столько показывает, сколько оттеняет, бдительно огибая ловушку иллюстративности, подстерегающей всякое панорамное полотно. Мы догадываемся, что печатающий в гетто информационные листки Зискинд придерживается левых взглядов, но важнее то, что он дает людям духовную опору; поляки, укрывающие Шпильмана, несомненно связаны с Армией Крайовой, но определяет их то, что они готовы прийти на помощь; все немцы затянуты в мундиры, но каждый из них, за исключением Хозенфельда, — по-своему, по-особому жестоко. Сдается мне, что это единственный фильм об оккупации, где никто не щелкает каблуками и не горланит «Хайль Гитлер!». Еврейских полицейских мы узнаём не по мундирам, у них этого нет, узнаём мы их по ходьбе размашистым шагом, перенятой у гестаповцев. Фильм Полянского разыгрывается не в плоскости идеологических споров, где до предела замучили вопрос о превосходстве большевизма над нацизмом или наоборот. Он разыгрывается у самых основ позиции человека, там, где плоть становится словом, а слово -плотью. Таким образом режиссер «Пианиста» включается в спор о языке искусства, способном отобразить реалии XX века. Это один из важнейших споров о культуре, какие ведутся не только в Польше, но и во всей Европе. После 11 сентября 2001-го докатился он и до Америки.

Создается, однако, впечатление, что этот спор обощел рецензентов стороной, а вместо зрительных образов они увидели лишь свои предрассудки, то есть стереотипы. В решающей судьбу Шпильмана (хотя и весь фильм — череда решающих сцен) встрече с Хозенфельдом Полянский мастерски нарушает стереотипы, предельно индивидуализируя образ. Камера демонстрирует сначала сапоги, начищенные до блеска офицерские сапоги, метонимию милитаристского немецкого сапога, и медленно, снизу вверх, открывает всего человека, лицо которого постепенно станет задумчивым и человечным. Как будто этот офицер в решающее мгновение, которое для Шпильмана — и для нас, ибо мы смотрим на Хозенфельда глазами Шпильмана, — колеблется, что сделать с этим человекообразным существом. Поскольку до этого в ходе всего фильма мы узнаём немцев лишь обмундированных и таких жестоких, будто жестокость — их личная страсть, это обесчеловечивающее определение ничуть не преувеличено: только взгляд Хозенфельда определит, кто перед ним — человеческая личность или человекообразное существо. Процесс очеловечивания и персонификации Шпильмана Хозенфельдом режиссер показывает почти незаметным, текучим, как мысль, движением объектива, а финал этой сцены мы знаем заранее: Шпильман останется в живых. И тут заслуживает внимания не столько счастливая развязка, сколько сама драматургия встречи.

Напомним, что она происходит незадолго до окончания оккупации Варшавы, а значит, и незадолго до конца войны, после которого Шпильман снова вернется встудию Польского радио. На линии Вислы застыли в антракте войны враждующие армии, воюющие во имя овладевших людскими массами тоталитарных идеологий; на всем континенте, на морях и океанах продолжается гигантское противостояние мировых держав. А в разрушенном центре Варшавы царит могильная тишина — это не город, это некрополь. Тишина настолько пронзительна, что, если бы встречу Шпильмана с Хозенфельдом нарушил внезапный посторонний звук, быть может, она пошла бы иначе и пистолет не остался бы в кобуре. В один этот решающий момент не только жизнь двух людей, жертвы и палача (или спасителя), но и судьба человечности и будущее человечества зависят от того, что увидят они в глазах друг друга. «Лицом к лицу — пограничная ситуация», — говорит Эмманюэль Левинас.

Мироздание так же хрупко, как хрупка их встреча, и будет ли спасен Шпильман, а с ним и человечность мира, решается тогда, когда эти двое стоят «лицом к лицу». Неважно, читал ли Роман Полянский Эмманюэля Левинаса и вдохновлен ли «Пианист» «философией встречи». Близость смысла важнее школьного чтения и прямых поучений: то, что дает нам Полянский, совпадает с выводами Левинаса, хотя и не высвечено постоянно присутствующей у этого мыслителя трансцендентностью. Если Бог Полянского существует, то Он остается сокрытым и молчащим. Однако жизнь пианиста в представлении режиссера не игра слепого случая, как показалось рецензентам. Будет ли спасен Шпильман из потопа дикого варварства, решается во всё новых человеческих встречах, назначаемых живой цепочкой людских существований. «Ценности в мире, то есть любовь, порядок, признание прав другого человека (...) — лежат по ту сторону плотины, воздвигнутой против неустанно угрожающего моря». Это уже не Эмманюэль Левинас, а Ян Стшелецкий, польский эссеист и мыслитель, за пределами Польши почти неизвестный. Совпадение их мыслей, хотя труды их неравноценны (Стшелецкий оставил после себя лишь начатки), поразительно, как поразительно и совпадение неизбежных выводов из Полянского и Левинаса. Я мог бы прибавить еще вышеупомянутого Тадеуша Боровского, а также Тадеуша Ружевича, Виславу Шимборскую, Мирона Бялошевского и других писателей из того поколения, которое было призвано историей, чтобы сформировать новый язык поэзии и прозы. Этот язык вписывается в культурное пространство, очерченное двумя гуманистическими завещаниями: «Дневником из гетто» Януша Корчака и «Умершим классом» Тадеуша Кантора.

Это примеры совершенно иного — нежели в романтическом, сходящем за национальный, стереотипе — польского образца искусства, созданного в XX веке. Однако каждое из этих произведений требует особого истолкования, а нам здесь приходится остановиться на самом общем: со «дна истории» к «ценностям в мире». Ибо «дно истории», «освенцимская бездна», «Катастрофа» — это дно моря или жерло вулкана, извержение врожденных и прирожденных сил, разрушительную мощь которых не замаскируют никакие идеологические вывески. В кино эту истину никто не показал с такой силой, как По-

лянский в «Пианисте» — в кинетике и проксемике своих героев, а не только в их лингвистике. Но не менее важна положительная сторона выводов из фильма: перед лицом этого извержения у человека есть только он сам, то есть другой человек, и то лишь постольку, поскольку этот другой отождествляет себя с сущностью человечности, то есть со способностью жертвовать собой за други свои. «События, происходившие в те годы вокруг нас, выходили за рамки всякой существовавшей системы предсказания и истолкования событий» — это снова Стшелецкий. Иными словами, о хрупкости человеческого мира мы узнали не только после событий 11 сентября 2001 года.

«Что значит быть человеком Запада? Означает ли принадлежность к Западу вхождение в какое-то высокопоставленное общество? Общество, которое есть нечто большее, нежели союз интересов, профсоюз или религиозная община? Нечто большее, нежели участие в местных обычаях, в каких-то философских или литературных credo — или даже в каком-то журнале, исследовательской группе, какой-то «оригинальной» доктрине, которые, вооружившись какими-то социальными соображениями, цитируемые в согласии с правилами затягивающей литературной или научной йгры в родственном журнале или исследовательской группе, дают своим участникам, сотрудникам и подписчикам иллюзию вхождения в историю и обновления цивилизации?» — вопрошает Эмманюэль Левинас. Задумываясь о том, какой вклад можем мы внести в будущем в европейскую культуру, мы не вправе обойти стороной эти вопросы, несмотря на то, что мыслитель ставит их cum grano salis. Несомненно, что для Польши и поляков вступление в Европейский союз будет вхождением в «союз интересов», участием в «социальных соображениях», а также обычаях и фило-

софском демократическом credo и, возможно, даже даст нам чувство «вхождения в историю» и «обновления цивилизации». Но еще важнее — то «нечто большее», о котором беспокоится мыслитель, «нечто большее», позволяющее нам выбраться из банального и ненасытного il y a, особенно тогда, когда оно стало потребительской иллюзией и глобальной виртуальностью. Это «нечто большее» известно Левинасу и Полянскому, а также названным здесь и не названным польским и французским художникам, которые извлекли эту истину со дна освенцимской бездны и отождествили ее с сутью человечности. Ибо человечность людей — не продукт природы, но, как говорит Левинас, феномен прерывности бытия. В его основе, то есть в основах человеческого мира, лежит этическая связь - лицом к лицу. Первейший вопрос — это не вопрос «почему существует скорее нечто, чем ничто?»; мы ведь здесь знаем, что нечто может и не существовать. Вопрос вопросов в другом: «существуя, не убиваю ли я?» (Левинас). Ибо я убиваю взглядом, словом, плотью, когда они становятся оружием. Поэтому я ответствен за другого и даже, как подчеркивает мыслитель, ответствен за его ответственность. Подобная взаимосвязь в развитом обществе медиатизируется посредством гигантской пирамиды институтов. Пирамида эта, однако, должна контролироваться первоначальной межчеловеческой связью, и это означает нечто большее, нежели этический аспект политики, — это означает ее этический фундамент. Таково наше послание в будущее, и мы должны его оберегать, если не хотим снова оказаться на дне истории, оно же, по Стшелецкому, и дно моря.

Анджей Менцвель — литературный критик, профессор истории и антропологии культуры в Варшавском университете, заведующий кафедрой польской культуры. Опубликовал «Канун весны, или Потоп. Исследование польского склада ума в XX веке» (1997) и другие работы. Публикуемый текст был прочитан на конференции «La France et la Pologne au-dela des stéréotypes», которая состоялась в польском посольстве в Париже 6 декабря 2002 года. Подзаголовок дан редакцией «НП».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- В Кракове умер Ян Юзеф Щепанский, автор «Польской осени», «Икара», «Перед неизвестным трибуналом», сценарист «Вольного города», «Вестерплатте». (См. Н.П. № 3/2003). С 1947 г. он сотрудничал с «Тыгодником повшехным», был председателем Союза польских литераторов незадолго до его роспуска во время военного положения, что и описал в книге «Каденция». «Но его собственное писательство, — пишет в газете «Жечпосполита» Здислав Найдер, — никогда не было для него жизненным стержнем. Он был, говоря проще, прежде всего человеком, а уж потом — писателем. Он был студентом-востоковедом, подхорунжим и молодым офицером артиллерии, был подпольщиком, партизаном, альпинистом, корректором, читателем и наставником начинающих писателей, редактором в музыкальном издательстве, исследователем Арктики, путешественником, переводчиком (прекрасным!), отцом и дедом — а кроме того писал. ...В новеллах и повестях он воспроизводил цвета, формы, запахи, звуки — и смысл своих переживаний... слово должно быть не только эквивалентом поступков, оно должно выражать моральную ответственность за себя и человеческое сообщество».
- Премия имени Дариуша Фикуса, покойного главного редактора газеты «Жечпосполита», одного из создателей новой независимой печати в Польше, присуждаемая с 1997 г., в настоящее время дается в двух категориях — «Творцу СМИ» и «Творцу в СМИ». В первой категории жюри присудило премию Мариушу Вальтеру «за создание и постоянное укрепление первого в Польше канала информационного телевидения, ТВН-24, без которого трудно сегодня представить себе жизнь человека, интересующегося судьбами страны и всего мира», а также за создание профессионального редакторского коллектива. Лауреатом во второй категории стал Войцех Ягельский, репортер «Газеты выборчей», которая, как он выразился, «публиковала мои тексты с края света». Добавим: к последним, особенно волнующим, относятся его репортажи из Афганистана. Формулировка жюри в этом случае была следующей: «за выдающиеся заслуги в области репортажа и публицистики, позволяющие польскому читателю ближе познакомиться с современными проблемами Третьего мира, в том числе, за том репортажей «Молитва о дожде».
- «Серебряные уста» премию плебисцита Третьей радиопрограммы и еженедельника «Впрост», присуждаемую политикам, отличающимся особым красноречием, читатели и слушатели присудили в этом году: депутату от «Гражданской платформы» Зите Гилёв-

- ской за выступление в Сейме, посвященное «проповедям» министра Колодко; Брониславу Коморовскому, тоже из «Гражданской платформы», «который так высоко ценит польских летчиков, что заявил, будто они смогли бы летать даже на дверях от сарая»; и, наконец, Мареку Боровскому из «Союза демократических левых сил», который «открыл новый показатель в физике — коэффициент Леппера. Этот коэффициент определяет правдивость лидера «Самообороны», если поделить сообщаемые им цифры на 25».
- В Кракове прошел Фестиваль курдской культуры впервые в Польше курдское искусство было представлено в таком масштабе. Фестиваль открылся выставкой «Outlook». «Прекрасная иллюстрация, как пишет рецензентка, размышлений о сохранении себя народом, лишенным собственного государства». Облик курдского искусства определяют ныне эмигранты, рассеянные по всему миру. На краковском фестивале было представлено искусство тех, кто осел в Европе.
- «Потяг 76» («Поезд 76») литературно-общественный ежеквартальный интернет-журнал, созданный известным украинским прозаиком и эссеистом Юрием Андруховичем. Он будет выходить по-украински и попольски. «Журнал станет попыткой воссоздания разорванных коммуникационных связей, — говорит Андрухович. ... Название журнала связано с номером поезда, который под конец 60-х курсировал по маршруту Гданьск-Варна, соединяя Балтику с Черным морем». • На март приходится годовщина смерти Сталина — в этом году это круглая дата, 50 лет. По такому случаю молодым полякам напомнили историю этого деятеля, было организовано много выставок, посвященных сталинской эпохе, а самые популярные газеты и журналы («Жечпосполита», «Газета выборча», «Политика») выпустили специальные приложения, в подготовке которых принимал участие также исследовательский центр «Карта». Центр организовал по этому случаю особое мероприятие, в которое вошли демонстрация фильмов и хеппенинги, а кульминацией стал митинг у варшавского Дворца культуры и науки (разумеется, в свое время — имени Сталина), на котором была прочитана Перекличка погибших народов и исполнен Гимн свободы, специально сочиненный по этому случаю Збигневом Намысловским. Добавим, что во Дворце культуры создается музей эпохи коммунизма.
- На март приходится также одна из самых болезненных для поляков годовщин 45-летие «мартовских событий» студенческих волнений и последовавшей

за ними антиинтеллигентской и антисемитской травли. В результате государственной политики ПНР были вынуждены эмигрировать около 15 тыс. польских евреев. Фильм об этих событиях снял живущий в настоящее время в США Анджей Краковский, один из тех, кто был тогда вынужден покинуть страну. «Биографии восемнадцати польских евреев, — пишет «Жечпосполита», складываются в фильме как бы в одну общую биографию. Родившиеся вскоре после войны, преимущественно в совершенно ассимилировавшихся семьях, они не осознавали своего еврейского происхождения — общество им напомнило о нем в самой резкой и болезненной форме. Большая часть их прошла через остракизм, отвержение, отчуждение, наконец, преследования со стороны властей... и недвусмысленное выталкивание в эмиграцию. Фильм Анджея Краковского — выдающееся произведение, — заключает автор статьи. — Он адресован прежде всего американскому зрителю, но непременно должен быть показан и польским телезрителям».

• Телевидение кормит нас главным образом коммерческим мусором, однако иногда в программе встречаются и настоящие жемчужины. К таковым относится спектакль Театра ТВ «Конкурс на телеведущего» по сценарию и в режиссуре Кшиштофа Занусси. Герои спектакля — молодые люди, делающие первые шаги в зрелищных формах искусства. Они пробуют найти свое место в средствах массовой информации путем участия в конкурсах на штатные должности телеведущих. Одновременно показан характер СМИ — их абсурдная борьба за мираж популярности (выражающейся в количестве телезрителей, смотрящих программу), которая определяет сегодня любые их действия. В интересном спектакле, где молодые актеры играют в основном самих себя, а автор и режиссер предоставляет им огромные возможности для импровизации, самой замечательной оказалась игра Збигнева Запасевича. Он играет старого прожженного волка от журналистики, проверяющего способности кандидатов. Всякий раз он перевоплощается в новый образ, заставляя молодых людей прилагать максимум усилий. Все было бы хорошо, если бы эти конкурсы действительно так выглядели... в чем, однако, сомневаюсь.

• Всепольский совет по делам телевидения и радиовещания предоставил новую частоту телекомпании «Трвам» («Стою на своем»), связанной с радиостанцией «Радио Мария» и организованной ее руководителем о. Тадеушем Рыдзиком. Телевидение будет показывать образовательные и религиозные программы, художественные, документальные, информационные и публицистические фильмы. Св. Престол, однако же, не дал разрешения телекомпании о. Рыдзыика вести трансляцию торжественных церемоний из Ватикана. Выданная концессия вызывает известное беспокойство, которое определяется нынешним характером радиостанции «Радио Мария». «Трудно одобрить, — пишет Магдалена Байер в газете «Жечпосполита», — доведение слушателей до такого состояния духа, которое вынуждает постоянно искать основания для чувства обиды и оправдание для бездействия».

• На 80-м году жизни в Сколимове под Варшавой умер известный режиссер Ежи Пассендорфер. Он был признанным режиссером-баталистом. Его самые известные фильмы — «Покушение», «Возвращение» («Поиски прошлого»), а последним его успехом на экране был многократно повторяемый сериал «Яносик» — рассказ о знаменитом разбойнике в Татрах.

• Еще до присуждения «Оскаров» и польских «Орлов» фильм Романа Полянского «Пианист» был осыпан премиями. Он получил семь «Сезаров» — премий лучшим французским фильмам — и две премии БАКТ (Британской академии кино и телевидения). На торжественной церемонии в Париже взволнованный режиссер сказал, что посвящает эту награду жертвам трагедии, которую он показал на экране так, как ее видел Владислав Шпильман. Режиссер не скрывал, что у него к этому фильму особое, очень личное отношение. Он сожалеет, что снял этот фильм не на польском языке... Американская киноакадемия присудила кинофильму «Пианист» трех «Оскаров», в том числе премию лучшему режиссеру.

• Хотя фильм Петра Тшаскальского «Эди» и не был выдвинут на «Оскара», он был показан вне конкурса на Берлинском международном кинофестивале и получил там все возможные в этом положении премии, а именно: премию международной кинокритики ФИПРЕСКИ, премии Международной федерации киноклубов и экуменического жюри за лучший фильм, показанный в цикле «Международный форум молодого кино». В обосновании премии журналистов написано: «На первый взгляд фильм кажется грустным и замедленным, как жизнь собирателя лома. Но этот бедняк отдает людям, с которыми делит жизнь, все, что у него есть». • Пять лет продолжались работы над полнометражным мультипликационным фильмом Анджея Чечёта «Эдем». «Это фильм, созданный вручную, а не на компьютере, — это требует времени... У меня не было готового сценария, был только эскиз, и в процессе работы рождались новые идеи...» О фильме пишет в «Политике» Збигнев Петрасик: «Результат впечатляющий. Как оказалось, ручная работа не всегда проигрывает в сравнении с компьютером. «Эдем» — дорогой фильм. Юзек (черно-белый персонаж очень яркого по цвету фильма) бросает свою коровенку, расстается с сельским пейзажем и отправляется в путешествие, во время которого заглядывает и в рай, и в ад, и в чистилище, но в то же время это путешествие сквозь мифологию, историю и культуру... Добавим, что большой вклад в создание фильма внес также автор музыкального сопровождения Михал Урбаняк. Кто этот Юзек? В финале мы видим, как он в одиночестве шагает посреди пустой дороги, словно Чарли из незабываемых фильмов Чаплина. Он должен идти дальше, без конца».

- На экраны польских кинотеатров вышел очередной фильм мастера комедии Юлиуша Махульского («Вабанк», «Новые амазонки»/«Сексмиссия», «Дежа вю», «Кингсайз», «Киллер»), названный им «Суперпродукция». Это фильм, как говорит сам автор, «о мире кино, который смешит, одуряет, пугает... меня смешат наши фильмы, забавляют наши профессиональные пороки. Я стараюсь показать это в фильме. Обратить все в шутку, чтобы не сойти с ума». Критик пишет: «Фабула «Суперпродукции» объединяет приключенческую и комединую линию сюжета с любовной. Буквальность переплетается с иронией, пародией, а повседневность сопровождают сны».
- Голливудская экранизация романа Станислава Лема «Солярис» режиссера Стивена Сондерберга не вызвала восторга у поклонников Лема. «Сондерберг, пишет, однако, критик «Ньюсуик» Веслав Кот, — не захотел использовать роман Лема в качестве ловкого коммерческого сюжетца, но отказался и от глубоких размышлений на тему возможности контакта разных цивилизаций. Он полностью сосредоточился на романе Криса Кельвина с женой, которая за несколько лет до того совершила самоубийство, а потом совершенно неожиданно вернулась в качестве живого существа. ... На их тяжелых, мучительных беседах Стивен Сондерберг построил свой фильм. Это, в сущности, только одна сюжетная линия произведения Лема, но она смотрится с увлечением. В очередной раз оказалось, что самые интересные путешествия совершаются в глубины человеческого сердца».
- 75-летие своего существования отмечает варшавская Национальная библиотека. Ее фонд насчитывает более 2,5 млн. книг и около 750 тыс. журналов. Есть в нем и рукописи, и старопечатные издания, карты, фотографии, микрофильмы. Директор Михал Ягелло самой важной задачей в настоящее время считает расширение здания библиотеки: места уже слишком мало, а книг, хранение которых библиотека обязана обеспечить, становится все больше.
- Живущий в США польский писатель Генрик Гринберг получил видную еврейскую литературную премию за сборник рассказов «Дрогобыч, Дрогобыч», выпущенный польским издательством W.A.B., а ныне переведенный на английский язык.
- Среди польских литературных бестселлеров первое место все еще занимает книга Дороты Масловской «Польскорусская война под бело-красным флагом». На втором месте повесть Анджея Сапковского «Наррентурм», а далее «Розовые успокоительные таблетки» воспоминания знаменитой актрисы Кристины Янды. Следует напомнить, что на седьмом месте находится томик стихов Виславы Шимборской «Минута», на восьмом последняя повесть Стефана Хвина «Золотой пеликан», а сразу за ней следуют

- получившие премию «Нике» воспоминания Иоанны Ольчак-Роникер «В саду памяти».
- Тем временем «Газета выборча» готовит другой список бестселлеров — так можно назвать составляемый на ее страницах по инициативе Польской книжной палаты «Канон книг для детей и юношества». «Книги для детей -это серьезное дело, — пишет Марек Бейлин, — потому что, если полюбишь чтение в детстве, выработанный навык сослужит хорошую службу во взрослой жизни. А если к тому же в начале жизни обращаешься к хорошей литературе, повышаются шансы на то, что человек будет умнее и впечатлительнее». В плебисците читателей убедительную победу одержали «Приключения Гарри Поттера» Дж. К. Роулинг, следом за ними идут книги Толкиена — «Властелин колец» и «Хоббит». Следующие места тоже заняла детская классика, такие книги, как «Аня с зеленого холма» Люси М. Монтгомери, «Винни-Пух» и «Домик Винни-Пуха» Алана Милна. Среди польских авторов на первом месте оказался Ян Бжехва и его «Пан Клякса», далее — Генрик Сенкевич с повестью «В пустыне и в пуще» и, наконец, первая по-настоящему современная книга — семейный сериал Малгожаты Мусерович «Ежикиада». Эксперты, которым было предложено заполнить анкету, дополнили канон книгами менее популярными, но явно достойными быть рекомендованными для чтения. Теперь очередь за издателями, которые обязались издавать эти книги так, чтобы они на самом деле всегда были в продаже и по карману любой семье.
- Первым лауреатом премии президента Польши за творчество для детей и юношества стал Адам Килиан, выдающийся сценограф и иллюстратор. Килиану как раз исполнилось 80 лет. Он, по его словам, неисправимый оптимист, а из полученных премий и наград больше всего ценит «Орден Улыбки», врученный ему детьми за создание Яцека и Агатки, кукольных персонажей телепередачи «Спокойной ночи», одной из первых на польском телевидении. Самое последнее его произведение прекрасная сценография к «Буре» Шекспира в варшавском Театре польском. Режиссер этого спектакля сын Килиана-старшего Ярослав.
- Одновременно в Ватикане и Кракове была представлена поэма Иоанна Павла II «Римский триптих». ««Римский триптих» это размышления над ходом истории, сказал Чеслав Милош. Каждое предложение в нем полно смысла. Можно читать его без конца». На представлении поэмы в Ватикане профессор Джованни Реале сказал: ««Римский триптих» несет в себе три великие духовные силы, при помощи которых Иоанн-Павел II всегда искал истину: искусство, философию и веру». Все указывает на то, что «Римский триптих» будет литературным бестселлером не только на польском рынке.

Катажина К. Гардзина

МУЗЫКАЛЬНЫЙ САЛОН СТОЛИЦЫ

«Музыкальные вечера» в Варшавской камерной опере

Идея соединять оперные спектакли с концертами камерной музыки отнюдь не нова в деятельности ВКО. Уже первое выступление только что созданного театра в 1961 г. в первом отделении состояло из инструментальных произведений Корелли, Тартини и Альбинони. Позднее ВКО вела оживленную концертную деятельность: например, в рамках фестиваля «Старинная музыка в варшавских памятниках архитектуры», фестивалей Монтеверди, Моцарта, концертов в варшавском Королевском замке. Однако в этом сезоне театр решил проводить камерные концерты в своем помещении — в зале театра на аллее Солидарности. По замыслу директора ВКО Стефана Сутковского, цикл, названный попросту «Музыкальные вечера», должен представить различные жанры и эпохи камерной музыки в возможно лучшем исполнении — как музыкантов, сотрудничающих с ВКО в рамках других спектаклей и концертов, так и специально приглашенных гостей. До сих пор прошло пять концертов, а имена исполнителей свидетельствуют о высоком уровне и художественном ранге всего цикла.

Цикл открылся в ноябре прошлого году необычным концертом. В течение почти четырехчасового марафона русский скрипач и дирижер Сергей Стадлер исполнил две скрипичные сонаты Бетховена. Партию фортепьяно исполняла его сестра Юлия. Брат и сестра Стадлер имеют обычай исполнять сонаты Бетховена только таким, отнимающим у музыкантов все силы образом. Тем не менее концерт прошел с большим успехом, исполнителям удалось на все это время приковать внимание слушателей, показать всю палитру настроений музыки Бетховена и своих исполнительских возможностей.

Совершенно иной дуэт можно было услышать в ВКО 3 декабря: Томаш Штраль и Кшиштоф Яблонский исполняли сонаты для виолончели и фортепьяно — соль-минорную соч.65 Шопена, ре-минорную соч.9 Шимановского и соль-минорную соч.19 Рахманинова. Виолончель Штраля поражала многообразием звучания, а экспрессивная игра виолончелиста служила не демонстрации его возможностей, но глубочайшей интерпретации волнующих сочинений польских и русского композиторов. Успех концерта в большой мере зависел от совершенства в сотрудничестве солиста и партнера-пианиста. Штраль и Яблонский отлично понимают друг друга и часто выступают вместе, так что и на этот раз они нашли путь к сердцам слушателей.

В декабре же на сцене ВКО выступил с клавесинным концертом Владислав Клосевич, постоянно сотрудничающий с театром в исполнении старинной музыки. Клосевич, в частности, возглавляет ансамбль старинных инструментов «Musicae Antique Collegium Varsoviense», с которым подготовил, например, все сценические сочинения Монтеверди. В программу декабрьского концерта вошли сочинения Луи и Франсуа Куперенов. Это была редкая возможность услышать клавесин как сольный инструмент, тем более что для исполнения была одолжена прекрасная, выполненная в XX веке копия инструмента из мастерской Андреаса Рюкерса (Антверпен, 1646). Огромная программа, исполненная Клосевичем, отлично показала возможности клавесина как концертного инструмента — от задумчивых, уравнове-

шенных прелюдий Луи Куперена до сыгранных с почти джазовым пылом сочинений Франсуа Куперена. В финале Владислав Клосевич продемонстрировал виртуозную технику, играя сюиту Франсуа Куперена «Карнавал великой и старинной скоморошины».

Следующего концерта из цикла «Музыкальные вечера» слушателям пришлось ждать до февраля, но ждать стоило: Ольга Пасечник (сопрано) и Наталья Пасечник (фортепьяно) доставили публике исключительное удовольствие. Сестры включили в программу избранные песни Мендельсона, «Библейские песни» соч.99 Дворжака и три пьесы из цикла Шимановского «Курпёвские песни». Ольга Пасечник — одна из самых ярких звезд на небосклоне ВКО. Варшавские слушатели восхищаются ее партиями в операх Монтеверди (Минера в «Возвращении Одиссея», Поппея в «Коронации Поппеи»), Генделя, Персела (Дидона в «Энее и Дидоне»), Моцарта (Сюзанна в «Свадьбе Фигаро», Памина в «Волшебной флейте»), Россини и современных композиторов. Вторая линия ее исполнительской деятельности — камерное пение, и тут она часто выступает с живущей в Швеции сестрой Натальей. Ольга Пасечник выступала также в виднейших театрах и концертных залах Европы: Театре Елисейских Полей и зале Плейель в Париже, Концертгебау в Амстердаме, Пале де Боз-ар в Брюсселе, национальных операх в Хельсинки и Варшаве. Февральский концерт захватил слушателей прежде всего совершенным чувством стиля исполняемых сочинений, разработкой деталей, свежим звучанием голоса. Переполненный зал и атмосфера необычайной сосредоточенности отражали восхищение публики сестрами Пасечник, а после завершения программы бурная овация заставила их исполнить несколько пьес на бис.

Пятый «Музыкальный вечер» прошел под знаком старинной музыки. Произведения Кванта, К.Ф.Э.Баха, Локателли и Бенды мы услышали в исполнении Анны Сливы (виола д'аморе), Малгожаты Войцеховской (барочная флейта), Юстины Рексц-Раубо (барочная виолончель) и Лилианны Ставаж (клавесин). Женский квартет исполнял камерную музыку XVIII века. Исполнение на копиях старинных инструментов, проведенное с преклонением перед музыкой, но и с полетом воображения, доставило меломанам немалое удовольствие.

Однако феномен и успех камерных концертов в ВКО состоит не только в подборе интересного репертуара и прекрасных исполнителей. Есть еще нечто, свидетельствующее, что Варшавскую камерную оперу можно смело назвать музыкальным салоном столицы. Это единственная в своем роде атмосфера уважения к искусству, создание условий, способствующих его восприятию, общности переживаний и волнений. Своей изысканной стилистикой и программой эти концерты, возможно, не привлекают толпу (ее и не поместил бы зрительный зал ВКО на 160 мест), зато те, кто желает в покое и уюте слушать музыку, чувствуют себя в «Камерной» как у себя дома. Здесь никто не спешит в раздевалку, никто не рвется проявить восторги «не вовремя», что стало проклятием современных концертных залов. Все взято в соответствующую оправу и служит лишь тому, чтобы пережить несколько минут встречи с подлинным искусством. Атмосфера, царящая в ВКО, приводит на ум частные музыкальные салоны XIX века, которыми гордились покровители музыкантов и аристократия.

В интервью с Чеславом Милошем, опубликованное в предыдущем номере «Новой Польши», вкралась досадная опечатка. Во второй колонке 1-й страницы этого текста абзац, начинающийся со слов: «Если позволите, я приведу другой пример...» — представляет собой часть вопроса, заданного Сильвией Фролов, а не слова самого Чеслава Милоша. За допущенную ошибку редакция приносит извинения.

О СТАРШИХ БРАТЬЯХ ПО ВЕРЕ

Беседа с о. Михалом Чайковским

— Говоря о евреях, Папа Иоанн Павел II использует определение «старише братья по вере». И это кажется естественным, но на протяжении веков об использовании такой терминологии невозможно было и подумать. Когда же разошлись пути христианства и иудаизма?

— Пути Церкви и Синагоги начали расходиться после разрушения Иерусалима в 70 г. от Рождества Христова, когда от бесчисленного множества направлений в иудаизме осталось только фарисейство (я употребляю этот термин не в уничижительном смысле, а в описательном) — впрочем, направление это было близко Иисусу. Перед лицом национальной катастрофы фарисеи начали сплачивать ряды, чтобы сохранить религию и нацию. И осуществляли они это, в частности, отмежевываясь от тех, кто веровал иначе, т.е. прежде всего от учеников Иисуса. А с другой стороны — ученики Иисуса открывали для себя собственную специфику.

Первоначально христианство было очень сильно связано с иудаизмом, но у него уже был христологический догмат, тринитарный догмат, поэтому ничего удивительного, что пути их разошлись. Однако я считаю, что это произошло слишком рано и слишком радикально. В конце I века дело дошло до исключения евреевхристиан из еврейской религиозной общины.

— История расхождения наших путей продолжается двадцать веков. Кем стали за это время евреи для христиан и христиане для евреев?

— Евреи стали для христиан чужими. И даже проклятыми Богом — теми, кто в ослеплении и злобе не принял Мессию. Более того, их рассеяние по миру служит доказательством тяготеющего над ними проклятия Божия.

— Они были знаком кары....

 Да. Поэтому их возвращение на Святую Землю и создание государства Израиль было невыгодно тем, кто данный тезис провозглашал и поддерживал.

А евреи, которые стали учениками Иисуса, были для исповедующих иудаизм ренегатами, предателями. В период притеснений их обвиняли в том, что они перешли на сторону врага, не проявили солидарности со своим преследуемым народом.

Но не всегда приверженцы иудаизма столь негативно оценивали христианство. Были великие еврейские богословы, например Маймонид, которые трактовали христианство как подготовку к пришествию Мессии.

— Еврей, принявший христианство, автоматически переставал быть евреем, но еврея, ставшего мусульманином, вовсе не обязательно исключали из иудейской общины.

— Это правда. Ведь мусульманин не провозглашает — подобно христианину — Боговоплощение. По сей день многие евреи особенно отрицательно относятся к тем, кто утверждает, что, отойдя от иудаизма и став христианами, они извлекли главное из своей еврейской религии или что, став христианами, по-прежнему остаются евреями — как кардинал Люстиже, архиепископ Парижский. Он утверждает, что благодаря христианству открыл для себя свой иудаизм во всей полноте. Это-то для многих евреев и неприемлемо.

— Чем, собственно, была христианская религия для евреев? Ересью, вышедшей из иудаизма и неожиданно триумфально распространившейся по всему миру, став одновременно источником смертельной опасности?

— Прежде всего, я знаю случаи, когда ортодоксальный еврей дружит с евреем, ставшим христианином, — так что эта враждебность все же скорее теоретическая, чем практическая.

Взгляды евреев на христиан менялись. Вначале — принимая во внимание то, каким плюрализмом отличался иудаизм, — христианство входило в богатый набор его разновидностей. Затем на него смотрели как на какую-то ересь, особенно когда христианство подверглось эллинизации и универсализации или когда пыталось христианизировать Ветхий Завет, а вернее — первый Завет. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что на протяжении веков отмечалась и позитивная роль христианства. Евреи сознавали и сознают, что христианство распространило веру в Единого Бога Израиля среди языческих народов.

— Один из вечных вопросов, который христиане задают и себе, и евреям, звучит так: почему евреи не признали Мессию?

— Сначала напомним старую истину христианства, что вера — это благодать, и очень многие евреи приняли этот дар. Вся Церковь первоначально была еврейской, и благодаря евреям христианство дошло до языческих народов. Во-вторых, это теперь нам кажется, что содержащиеся в Ветхом Завете пророчества о Мессии столь очевидны и недвусмысленны, что не принять их можно только по злому умыслу.

— А разве они не очевидны?

— Нет. Хотя бы потому, что эти пророчества часто касаются самого еврейского народа или еврейских властителей, царей династии Давида, и только христианство интерпретировало их христологически. Нельзя говорить, что сначала были пророчества и из этих пророчеств мы сделали вывод, что Иисус был Мессией. Сначала христиане поверили в то, что Иисус действительно послан Богом, и только потом — в соответствии с тогдашней экзегезой, которую мы сегодня не всегда воспринимаем, — начали искать подтверждений в Библии. Впрочем, многие обетования, связанные с пришествием Мессии, еще не исполнились. Мы все вместе ожидаем их исполнения в Судный день.

— Вы где-то написали, что евреи не признали Иисуса по «вине» самого Бога.

— Да, в кавычках, ведь Он так щедро их одарил: сделал их избранным народом, одарил своей любовью, заветом, — и они вообразили, будто не нуждаются в новом Откровении. Еврейский народ — это ведь не язычники, не идолопоклонники, которым еще только предстоят поиски Бога, это народ навечно заключенного Завета с Богом истинным, Завета, который никогда не отменялся.

Откуда взялся термин «Новый Завет»? Из Книги Иеремии, который вовсе не намеревался отменять прежний завет и создавать новый. Речь шла о новом качестве, о законе Божием, укорененном в сердцах людей. Так следует понимать Новый Завет, который заключил Иисус через собственную кровь. Он не отменяет прежних заветов, хотя, разумеется, христиане не обязаны соблюдать то, что записано в тех частях Торы [Пятикнижия], которые носят чисто ритуальный характер. Зато десять заповедей для нас обязательны — это важная часть обновленного Завета.

— Спорный момент здесь — личность Иисуса Христа. Кто такой для евреев Христос? С удивлением мы узнаём, что на протяжении веков приверженцы иудаизма не знали даже, что Иисус был евреем. Впрочем, христианам это тоже редко приходило в голову.

— Сегодня в поезде, идущем в Краков, я читал воспоминания одной еврейки, ставшей христианкой. Когда она была ребенком, кто-то подарил ей Новый Завет.

Это увидела ее мать. Она рвала страницы Евангелия в большом озлоблении. Страницу за страницей. Она сожгла их в печке, а потом сказала: «Человек, о Котором тут идет речь, преследовал нас веками, это из-за Него были созданы концлагеря».

Эта девочка, уже став взрослой, встретилась еще раз с Новым Заветом и узнала, что этот Человек, Иисус Христос, — еврей. О чем это говорит? Свои несчастья на протяжении веков евреи приписывали Иисусу, так как те, кто их преследовал, ссылались на Его имя. Поэтому в еврейской литературе Иисус практически не существовал, а когда существовал, то в негативном свете.

— Те, кто защищал евреев, тоже ссылались на Иисуса.

— Надо помнить, что не так много было таких людей, как епископ г. Шпейера, который с оружием в руках защищал их от крестоносцев. Такое случается не часто.

— Наверное, со временем отношение евреев к Христу меняется?

— Евреи говорят, что Иисус возвращается на свою родину. С тех пор, как мы начали признавать в Иисусе еврея, сами евреи начали видеть в Нем брата.

— А разве это не было очевидно с самого начала?

 Это было очевидно в самом начале, но постепенно эта очевидность стала исчезать...

В христианской догматике Иисус— не только Человек, но и Сын Божий. В проповедях подчеркивалось Его Божественное начало, поглотившее человеческую сущность. Даже если Он остался Человеком (ибо это догмат), то Его еврейское происхождение уграчивало свое значение.

Впрочем, в наше время, в период «богословия после Освенцима», когда Церковь взглянула на евреев и на Иисуса по-иному, появилось мнение, что Иисус был Человеком вселенским (об этом говорит, например, один из мирян-преподавателей моей Академии), а его еврейское происхождение — это нечто случайное, чисто историческое, что, разумеется, не соответствует христианскому догмату.

— Подвергается сомнению факт, что Новый Завет уходит корнями в Библию, то есть в традицию иудаизма?

— Есть люди, даже среди преподавателей католических учебных заведений, которые стараются приуменьшить значение еврейских корней христианства. Учение Церкви до некоторых христиан — и даже до некоторых богословов — почему-то не доходит...

— Вы сказали, что евреи все чаще признанот Иисуса выдающимся представителем еврейского народа, но Его Божественную сущность они принять не могут?

— Еврей, поверивший в Иисуса Христа как Сына Божия, становится христианином, и этому мы можем только радоваться. Однако настаивать на этом мы не можем, так как в диалоге между христианами и иудеями речь идет не об обращении.

Мессианство — проблема более сложная. Ибо существуют евреи, которые, оставаясь евреями и даже раввинами, считают, что Иисус — это Мессия, у Которого «не получилось». Так что они ожидают следующего.

— В каком смысле «не получилось»?

— Вспомним о пророчествах. Они не всегда ясны, но в некоторых четко говорится, что по пришествии Мессии наступит мир, символом которого станет хотя бы замена мечей на орала, что это будет мир солидарности всех людей, мир гармонии. Еврей выглядывает в окошко и говорит: мир не изменился, значит, Мессия еще не пришел.

Вспомним ту сцену суда над Иисусом, когда Его обвинили в том, что Он богохульствовал. Тут речь шла не только о том, что Он признавал себя Сыном Божиим. Что же это за Мессия, спаситель народа, Который Сам стал узником оккупантов? Ожидания пришествия Мессии связаны тут с надеждами на изменения политического характера, переустройства этого мира.

— Существует мнение, что евреи индивидуального Мессию подменили целой нацией?

— Слишком легко мы делаем обобщения такого рода. Что же касается надежд, связанных с пришествием Мессии, то в иудаизме существуют самые разные течения. Очень многие евреи ожидают пришествия Мессии-человека, и это — главное течение в иудаизме. Другие ожидают лишь, что наступит Царство Мессии. Третьи считают, что эти времена настали с момента возникновения государства Израиль. Хотя есть и такие евреи, которые не признают это государство, ибо считают, что только Мессия может стать его основателем. Есть и неверующие евреи, которые уже ничего не ожидают, так же, как и многие христиане уже ничего не ожидают.

Мы одухотворили нашу надежду на пришествие Мессии. А евреи подходят к этому практически: Мессия должен изменить облик этого мира.

Однако, с другой стороны, ожидание пришествия Мессии объединяет евреев и христиан. Будучи христианами, мы верим, что в лице Иисуса из Назарета пришествие Мессии уже состоялось, но Он лишь заложил основы Царства, которое еще окончательно не наступило. Наш мир — действительно еще не то, обетованное Христом Царство Божие; в этом мы согласны с евреями. Хотя со времени Его пришествия, несмотря на все наши грехи и непоследовательность, этот мир все же стал немножко лучше.

— А практические вопросы мы откладываем до второго пришествия? — Вопреки тому, что обычно говорится, мы не ожидаем второго пришествия, не ожидаем возвращения. В Новом Завете использован греческий термин «парусия», который означает присутствие и окончательное пришествие во славе. Евреи и христиане ожидают первого окончательного пришествия Мессии, и это нас объединяет.

— На протяжении веков проповедовалось, что Церковь заняла место Израиля в истории спасения...

— До недавнего времени этот тезис был весьма распространен. Меня тоже так учили. Но сегодня этот тезис не соответствует учению Церкви. Церковь не заняла место Израиля, не заменила его. Церковь, христианство, мы все присоединились к единому народу Божию. Вместе с иудаизмом мы представляем собой расширенный Израиль, именно так, не новый Израиль, а расширенный. Отец Даниэль Руфейзен убеждал в этом Иоанна Павла II. Папа после беседы с ним принял этот термин: «расширенный Израиль». Граница между истинным Израилем Божиим и ложным проходит не между евреями и христианами, а через иудаизм и христианство.

— Что означает сегодня Израиль для христианина?

— Для христианина это знак Божией верности Завету, верности Бога данному слову. Еврейский народ — это народ-богоносец, пронесший на протяжении столетий среди языческих народов имя Бога Единого. Нам тоже нужен этот знак, ибо иногда нам угрожает идолопоклонство. Израиль для нас — вечное предостережение...

— Церковь тоже несет Слово Бога, впрочем, Того же Самого...

- И поэтому сегодня пути Израиля и Церкви все чаще сходятся...
 - Если все так хорошо, то почему все так плохо, а раньше бывало очень плохо? Откуда взялся такой сильный христианский антииудаизм, а пожалуй, и антисемитизм? Откуда все это взялось?
- Антисемитизм или антииудаизм придумали вовсе не христиане. Он существовал до христианства в кругах греческой и египетской интеллигенции. Писались антиеврейские, даже антисемитские сочинения. Печально, что христиане почерпнули антиеврейские аргументы из арсенала язычников. Эти аргументы язычники относили сначала к евреям, а затем и к христианам.

Мы уже говорили о том, что в конце I века разошлись пути Церкви и Синагоги. Во II веке мы уже имеем первое христианское антиеврейское послание — «Послание Варнавы». В том же самом веке епископ Сардийский Мелитон впервые употребил в отношении Израиля термин deicidium — богоубийство. И

только II Ватиканский собор в декларации «Nostra aetate» [«В наше время»] отмежевался от обвинения в богоубийстве.

— Спустя почти две тысячи лет.

- Да. Христианство все больше подпадало под влияние греческой, эллинской культуры, отходило от своих еврейских корней. Оно начало присваивать себе всю Библию, интерпретировать ее христологически и отходить от евреев. Впрочем, евреи, защищаясь от христианства, тоже замыкались в своих общинах, и так происходило все большее взаимное отчуждение.
 - Да, только становясь вселенским, переставая быть исключительно антиеврейским, христианство становилось и антииудаистским. То есть заражалось антииудаизмом язычников, среди которых осуществляло свою миссию?
- Так это выглядело. Чем больше язычников входило в Церковь, тем больше был соблазн отмежеваться от евреев, представлять их новым христианам в черном свете. Это была борьба за души за счет народа Иисуса Христа.
 - Хотим мы того или нет, но по прошествии двадцати веков дело обстоит таким образом, что крест евреи воспринимают недвусмысленно, ассоциируют с гонениями. Действительно ли христианство было в Европе главным источником антисемитизма?
- На протяжении столетий христианство действительно было главным источником антииудаизма, псевдобогословского, псевдобиблейского, который очень часто потом приводил к антисемитизму уже биологическому, расистскому. А в XIX и XX вв. возникли расистские идеологии, которые не имели ничего общего с христианством, были даже антихристианскими, но использовали антиеврейские мотивы христианства.
 - Только ли религия была причиной неприязни к евреям?
- У этой неприязни была также экономическая или социальная подоплека, а религиозные мотивы служили ей оправданием. Очень часто дело заключалось в экономической конкуренции.
 - Знаменитое молчание папы Пия XII, который во время войны ни разу не произнес слов «еврей» и «иудаизм», хотя евреям, особенно в Риме, помогал. Считаете ли вы, что если бы Церковь иначе вела себя во время II Мировой войны, то судьбы евреев могли бы быть иными?
- Я убежден, что если бы Церковь более громко и определенно выразила свою позицию, то судьба еврейского народа сложилась бы по-другому. Если бы немецкие епископы разъясняли в пастырских посланиях своим верующим, что совершается преступление и что они не должны в нем участвовать, то наверняка больше было бы немецких солдат, отказавшихся при-

нимать в этом участие. В Польше уста иерархов были заткнуты оккупантом, однако если бы мы в каждом отдельном приходе напоминали, что еврей — это наш брат, то, быть может, больше было бы поляков, преодолевших страх и помогавших евреям. Это также относится к позиции Папы. Мы хорошо знаем, что действенность не менее важна, чем заявления, и Папа выбрал путь действенности. Он велел открыть двери итальянских монастырей, открыл двери Ватикана для преследуемых евреев. Он призывал епископов, например, оказывать помощь, используя дипломатические каналы, через нунциев.

— Но молчал...

- Молчал. Будучи католиком, я сожалею, что позиция не была громко заявлена. Хотя я знаю, что это могло повлечь за собой несчастья. Когда епископат Нидерландов выступил в защиту евреев, немцы арестовали всех крещеных евреев и отправили их в Освенцим, в том числе и Эдит Штейн.
 - Неужели надо было дожидаться Катастрофы, чтобы Церковь назвала антисемитизм грехом?
- В прежние века Папы иногда защищали евреев, но никогда антисемитизм или антииудаизм не были названы грехом. Ключ к этой тайне содержится именно в Катастрофе. Она стала таким глубоким потрясением для христианства, для Церкви, что наконец надо было назвать любую антиеврейскую позицию грехом, ибо мы поняли, к чему ведет многовековая проповедь презрения.
 - Дело дошло до того, что две религии, самые близкие, исповедующие Одного и Того же Бога, одновременно отдалились друг от друга, и более всего в смысле взаимной неприязни, предубеждений и стереотипов. Теперь начинается диалог между христианами и евреями. Зачем начинается этот диалог? Только ли из страха, чтобы не повторилась Катастрофа?
- Наверное, в основе диалога лежат и эти опасения. А христианство тоже предпринимает попытку исправить то эло, за которое мы несем ответственность. Но важнее всего позитивные мотивы: мы открываем для себя общность веры.
 - Диалог предполагает, что его ведут две стороны. Часто звучит упрек в том, что христиане ведут диалог, стоя на коленях, ибо у евреев в запасе коронный аргумент, то есть Катастрофа.
- Не может быть диалога без признания собственной вины. Многие евреи протестуют против того, чтобы превращать Катастрофу, Шоах, в какую-то новую еврейскую религию, а такие попытки уже есть. С богословской точки зрения, по мнению Папы, Катастрофа стала ударом по спасительному Промыслу Бо-

жию. Это был удар не только по евреям, но и по Богу, желание бросить на костер и сжечь избранный народ, которому Бог был верен, отнять у Бога Его любимца.

- А для евреев это тоже богословский диалог?
- Для евреев это диалог чаще всего практический. Просто в этом диалоге им важно, чтобы Церковь пересмотрела преподавание Закона Божия, чтобы прекратилась проповедь презрения, чтобы не было антисемитских инцидентов и т.п.
 - Чтобы слова «Кровь Его на нас и детях наших» не использовались для оправдания преступлений?
- Да. Естественно, христианству важнее затрагивать богословские вопросы, ибо корни его еврейские и без иудаизма ему не обойтись. А иудаизм религия автономная, ей в принципе христианство не нужно. Поэтому многие евреи задают вопрос: к чему диалог? Решим некоторые практические спорные вопросы и оставим друг друга в покое. Тем более для меня удивительно, что есть еврейские богословы, которые, несмотря на сопротивление в собственной среде, несмотря на все, что происходило в прошлом, все же ведут с нами богословский диалог, и оказывается, что есть о чем говорить, есть о чем писать.

В этом году был опубликован ватиканский документ «Мы помним. Размышления о Шоах». Документ этот и богословский, и практический. В польском контексте его значение заключается и в том, что появился он в тот момент, когда в Польше началась нехристианская война из-за креста [установленного в Освенциме].

В этом документе нас призывают пересмотреть свои взгляды, признать вину христиан и понять, что значит для евреев Освенцим... В документе этом есть фраза о том, что нет будущего без памяти о прошлом, и гораздо короче смысл этого отражают два латинских слова: memoria futuri — память о будущем. Нам следует обращаться к прошлому, брать на себя ответственность за него, но не для того, чтобы замыкаться на том, что было, или погружаться в ощущение греха, а для очищения.

- Мы знаем, что побудило нас начать этот диалог, но можем ли мы представить себе, какова его цель? Что же мы, так и будем вести диалог до конца света?
- Диалог вообще свойствен человеческой природе. Причем не как нечто преходящее, что в определенный момент должно закончиться. А этот диалог, вероятно, будет продолжаться до конца света. Лишь бы он привел к взаимному признанию и сосуществованию в ожидании пришествия Царства Божия.
 - Но не смягчаем ли мы тут спор? Когда исполнятся времена по Писанию? Когда евреи обратятся?
- Оставим Господу решать, что будет в конце. Сначала нам самим надо стать обращенными. Когда речь идет об этом тексте апостола Павла, возможны разные его толкования. Но важны в нем и для нас вполне достаточны слова: «весь Израиль будет спасен».
 - Во всяком случае, в конце приидет Мессия. Вот тогда и начнется настоящий спор и мы, евреи и христиане, забросаем Его вопросами: приходишь Ты впервые или во второй раз? Что Он нам ответит? «No comments?»
- Это хорошо для анекдотов. Но не так хорошо для богословия. На самом деле впереди у нас, по свидетельству апостола Павла, великая тайна. Давайте не будем пытаться заглянуть в карты Господа. Священное Писание не дает тут однозначного ответа. Я только надеюсь, что прежде, чем все мы встретимся в долине Иосафата, нам удастся преодолеть все наши недоразумения и всё, что нас разделяет. А то, как это произойдет, давайте оставим Ему.

Март 1998, кафе «Аустерия», Краков Беседу вели **Катажина Яновская** и **Петр Мухарский** Из книги "Rozmowy na koniec wieku" (Беседы к концу века)

О. Михал Чайковский

род. в 1934 г. в Хелмже, священник Вроцлавской епархии, профессор, доктор наук, библеист, церковный консультант редакции ежемесячника «Вензь», заведующий кафедрой экуменического богословия Академии католического богословия, автор книг «Народ Завета» (1992), «Экзистенциальное прочтение Библии» (1993), «Галилейские споры Иисуса» (1997).

Многоуважаемый пан редактор!..

Многоуважаемый пан редактор!

Я — аспирант Института славяноведения РАН, занимаюсь историей Польши 2-й пол. XX века. О Вашем журнале я впервые узнал два года назад — и с тех пор внимательно читаю каждый номер. Поэтому именно с Вами я хотел бы поделиться некоторыми соображениями относительно взаимоотношений польского и русского народов на современном этапе.

Недавно мне выпало сомнительное счастье познакомиться с книгой Станислава Куняева «Шляхта и мы» (М., «Наш современник», 2002 [см. статью А.Новака в «Новой Польше», 2002, №??. — Ред.]). Я хорошо знаю, какую реакцию данное произведение вызвало в Польше, и, хочу заметить, она вполне справедлива. Книга явно написана в качестве «нашего ответа Чемберлену» и содержит в себе все «прелести» подобного рода творений: поверхностность, дилетантизм, пренебрежение или даже просто плохое знакомство с фактами, нагромождение различного рода сплетен, баек и вырванных из контекста фраз, и все это с единственной целью: доказать глупость и недалекость так называемой шляхты и великое долготерпение русского народа, приговоренного историей жить рядом с ней. И если в начале книги автор еще пытается сохранить видимость объективного исследования (это заметно по отсутствию резких формулировок и осторожным оговоркам, что и среди поляков — не все русофобы), то уже в середине на волне обличительного пафоса быстро скатывается к огульным обвинениям и банальному антисемитизму.

В принципе, сей боевой листок не заслуживал бы упоминания, если бы не был подан в столь помпезной форме (отдельное издание в твердой обложке) и если бы автор не козырял рядом якобы труднодоступных документов, чьи названия, а главное, форма подачи могут ввести в заблуждение неискушенного читателя. Как историк, занимающийся социалистическим периодом истории Польши, я не могу равнодушно взирать, как г-н Куняев, упоенный мнимой осведомленностью в делах высшего руководства ПНР, пересказывает чушь, которую поведали ему «люди из влиятельной и богатой организации, которая называлась РАХ (ПАКС)» («Шляхта и мы», с. 157),

Во-первых, сразу оговоримся: никакого особого влияния вышеуказанная организация в польском народе никогда не имела. Еще в 1956 г. другой известный (и куда более авторитетный) деятель светского католического движения Стефан Киселевский заявил, что ПАКС [вернее, «Пакс», лат. «Рах», «Мир». — Ред.] не представляет в польском обществе никого. Оно и понятно: ПАКС был создан в 1946 г. при активном участии советских спецслужб как агентурная организация для подрыва позиций католической Церкви, которая всячески противилась насаждению в стране антинационального режима, опирающегося на чужие штыки. Собственно, как следует из слов самого г-на Куняева, паксовцы этого и не скрывали, по крайней мере факт приватных бесед между офицером (в будущем — председателем) КГБ Серовым и лидером ПАКСа Б.Пясецким, проводившихся в 1945 г., ими не отрицался («Шляхта и мы», с.158). Другое дело, что вплоть до 1956 г. данная информация была все-таки секретом (хотя и полишинеля), и лишь после статьи Л.Тырманда, опубликованной в варшавском еженедельнике «Свят» в ноябре 1956 г., стало уже бесполезно что-то оспаривать.

Далее, неплохо было бы знать г-ну Куняеву, кто такой был Болеслав Пясецкий до войны. А до войны Б.Пясецкий был активнейшим деятелем и даже лидером фашиствующей организации «ОНР-Фаланга», известной своим шовинизмом и ненавистью к евреям, русским и прочим «врагам великой Речи Посполитой». Иначе говоря, это был одни из наихудших представителей той самой спесивой «шляхты», против которой г-н Куняев направлял свою книгу. Что же, может, после войны Пясецкий изменился? Ничуть не бывало. Человек без чести и совести, он с легкостью поменял свой правый радикализм на

левый и принялся поддерживать столь любезный его сердцу тоталитарный режим, вполне отвечавший его представлениям о государственной машине и людях как бессловесных винтиках и покорных рабах всеобъемлющего колосса.

Кстати, здесь мы подходим к одному из наиболее щекотливых вопросов послевоенной истории Польши, которому г-н Куняев посвятил немало волнующих страниц: взаимоотношениям поляков и евреев. Доверяясь весьма сомнительному источнику, анонимной работе «Неизвестные страницы истории ПНР», написанной кем-то из паксовских идеологов, г-н Куняев рисует нам устрашающую картину проникновения евреев в высшие структуры власти «Народной Польши» и захвата ими всех рычагов управления страной. «Любопытнейший документ, несколько напоминающий "Протоколы сионских мудрецов»», — резюмирует г-н Куняев («Шляхта и мы», с.172). Действительно, очень напоминает, настолько, что отпадает какая-либо необходимость обсуждать его всерьез. Тем не менее, стоит сделать ряд замечаний, которые, возможно, показались бы небезынтересными г-ну Куняеву и побудили бы его не так слепо доверять «людям из ПАКСа».

Когда в конце 1940-х гт. Сталин заковывал в цепи Восточную Европу, отправляя на плаху всех коммунистических деятелей, кто так или иначе не устраивал его в роли строителя коммунизма, в эту волну попал и В.Гомулка, не согласившийся с концепцией Коминформа — преемника Коминтерна, идею воссоздания которого тогда усиленно проводил «отец всех народов». Однако многочисленные суды над восточноевропейскими коммунистами г-н Куняев объясняет борьбой с «еврейскими функционерами и прозападными националистами» («Шляхта и мы», с. 164), в то время как отстранение типичного «прозападного националиста» (в сталинском понимании) В.Гомулки он, опираясь на тот самый паксовский документ, обосновывает еврейским переворотом в высшем руководстве Польской рабочей партии (там же, с.175). Конечно; откуда г-ну Куняеву знать, что перечисленные им лица еврейского происхождения (Альбрехт, Матвин и др.) играли тогда, в 1948 г., третьестепенную роль и никак не могли повлиять на позиции Гомулки в руководстве страны, а наиболее активно при отстранении «выдающегося сына польского народа» с благословения Сталина действовал чистокровный поляк Болеслав Берут, который и занял место Гомулки в новом руководстве. Но интереснее всего то, что именно этот период «еврейского всевластия», для которого г-н Куняев и его паксовские вдохновители не жалеют черных слов, оказался поистине «золотым веком» для ПАКСа, ибо после интернирования примаса кардинала Вышинского и запрета всех печатных органов светских католиков ПАКС остался монополистом в светском католическом движении и такое положение вещей «еврейская власть» не только не пыталась изменить, но, наоборот, всячески поддерживала ПАКС, осыпая его привилегиями. Когда же ситуация поменялась и все политические силы польского общества посчитали своим долгом заклеймить сталинизм, ПАКС, конечно, предпочел забыть о своем участии в этом режиме, свалив все на евреев.

Далее г-н Куняев превозносит до небес польских «коммунистов-патриотов» (Миял и др.), вероятно, не подозревая, что это участники так называемой натолинской группы, объединявшей партийных консерваторов, которые всячески противились оздоровлению режима в 1956 г. и очень неплохо себя чувствовали как раз в период господства «еврейской клики». Причем Миял был настолько «патриотом», что после бегства в Албанию выдвинул программу, в которой предъявлял претензии на Львов и Вильнюс. Но этого г-н Куняев, конечно, тоже не знает.

Что касается поддержки, которую «советские товарищи» якобы оказали «еврейской группе» на VIII пленуме ЦК ПОРП в октябре 1956 г., когда решался вопрос о новом руководстве страны («Шляхта и мы», с.179), то домыслы г-на Куняева выглядят весьма сомнительными в свете как последующей политики Н.С.Хрущева, так и архивных данных, из которых (поверьте мне) со всей очевидностью следует, что члены так называемой еврейской группы никогда не ходили в «друзьях» советского посольства, а скорее даже наоборот.

Столь же смехотворны и все остальные рассуждения г-на Куняева и его паксовского информатора об общественно-политических событиях в ПНР в период 1956-1981 гг. Я не буду утомлять Ваше внимание перечислением всех несуразиц, которые встречаются в книге г-на Куняева. Автор этого монументального произведения путает даты, последовательность событий, выпячивает роль одних деятелей (преимущественно — еврейского происхождения) и совершенно не упоминает об участии других, временами записывает в евреи тех, кто к ним не принадлежал, и т.д.

Не будучи, в отличие от г-на Куняева, специалистом по всей истории Польши, я воздержусь от комментирования приведенных им фактов из других периодов польской истории, но полагаю, что они столь же маловразумительны. Остается только поражаться самоуверенности автора, который присваивает себе право судить о целом народе, опираясь на столь зыбкие основания. А выводы г-н Куняев делает весьма смелые и категоричные: поляки жестоки и надменны по природе, этот народ переполнен комплексами, но всю историю претендовал на место, которого недостоин. И хотя иногда г-н Куняев, словно бы спохватившись, оговаривается; что все это элементы «шляхетского» самосознания, которые нельзя распространять на весь народ, все же в запале он роняет фразы, которые могут не то что поляка — русского шокировать: «...презрение поляков [к русским, белорусам и украинцам] ...правильнее объяснить не застарелой жаждой мести за исторические обиды... а особым польским расизмом по отношению к хуторянскому, почвенному, негосударственному и потому плохо приспособленному к сопротивлению племени» («Шляхта и мы», с.15). С каким-то упоением г-н Куняев повествует о планах нацистов в отношении поляков, видя в этом, кажется, своего рода расплату за многовековой «геноцид» православных в Речи Посполитой. Расплату, которую осуществляли гитлеровцы якобы в полном соответствии с политикой «шляхты» по отношению к белорусам и украинцам («Шляхта и мы», с.19-20).

Излишне говорить, что подобные писания вызывают только грусть. Они сеют семена ненависти, подрывая основы добрососедских отношений, которые могут и неизбежно должны установиться между нашими народами. Но не стоит списывать все на г-на Куняева и подобных ему «патриотов», коих, я знаю, и в Польше предостаточно. С болью в сердце я вынужден сказать Вам, пан редактор, что книга С.Куняева «Шляхта и мы» — это в какой-то степени Ваше зеркало, зеркало треснувшее и кривое, но все же отдаленно отражающее действительность. Конечно, говоря «Ваше», я не имею в виду конкретно Вас, пан редактор, но определенные умонастроения среди польского народа, которые Ваш журнал передает в Россию. И дело здесь даже не в злом умысле, а скорее, в абсолютном непонимании русского менталитета. Приведу лишь несколько примеров.

Известный диссидент социалистического периода Яцек Куронь пишет в своей книге «Wiara i wina» (Вроцлав, 1995) о так называемой русской «бардовской» песне: «Эта форма сопротивления стала тогда (в начале 1970-х. — В.В.) очень популярна в России». Вероятно, русский читатель не найдет в этой фразе ничего особенного, если не знает, что в Польше слово «сопротивление» приобрело совершенно четкое значение сопротивления коммунистическому режиму. Сразу хочется спросить, о каком сопротивлении говорит пан Яцек? Да, советские певцы и их слушатели нередко выражали таким образом свое неприятие и скрытую оппозицию по отношению к советской аппаратной бюрократии, но никому и в голову не приходило противопоставляться таким образом КПСС и режиму как таковому. Совершенно очевидно, что мы имеем здесь дело с механическим переносом польской действительности на советскую почву. С таким же успехом любого критика действий президента Буша можно записать в коммунисты.

В №9 «Новой Польши» за 2000 г. было в сокращенном виде опубликовано открытое письмо польского актера Даниэля Ольбрыхского российскому кинорежиссеру Н.С.Михалкову по поводу интервью, которое тот дал варшавскому журналу «Политика». В своем письме великий актер обрушивается на Никиту Сергеевича, обвиняя его в неинформированности и предвзятости относительно православной Церкви, войн в Чечне и Боснии, а также Сталина. Что касается Чечни и Боснии, излишне что-то комментировать, ибо, когда уважаемый мною актер берет на себя менторский тон и «открывает глаза» недалекому русскому на истинное положение вещей, он, конечно, не замечает, что просто пересказывает пропаганду западных СМИ, как мы в России неизбежно повторяем пропаганду отечественную. Я же хотел заострить внимание на Сталине, о котором, надеюсь, я осведомлен не меньше пана Даниэля. Никита Сергеевич обмолвился, что почву для сталинизма формирует «жажда доброго царя, который решит все проблемы». Г-ну Ольбрыхскому очень не понравилось это заявление, и он начал перечислять преступления «вождя всех народов», полагая, вероятно, что российский кинорежиссер о них не в курсе. Спешу уверить пана Даниэля, что в России отлично наслышаны о сталинском периоде, причем не только противники Сталина, но и сторонники его наследия. Однако именно в этом и проявляется несоответствие между польским и русским мировосприятием. Если для поляка добрый царь — это

человек, связанный определенными юридическими нормами и строго соблюдающий привилегии дворянского сословия, то в России — это абсолютный монарх, суровый, но справедливый. Попробуйте, докажите сталинисту, что те 30 миллионов человек, которых, по мнению пана Даниэля, уничтожил Сталин, не заслуживали этого. Я собственными ушами слышал, как люди преклонного возраста с ностальгией вспоминали сталинское время, говоря, что при нем у нас был порядок и великое государство, а в лагерях сидели только воры, троцкисты и евреи. Вот и весь сказ.

И, наконец, последнее. Известный мне еще по деятельности в «Тыгоднике повшехном» Ян Турнау очень нелицеприятно высказался 25 июня 2001 г. в «Газете выборчей» о русском Патриархе Алексии II в связи с его отказом допустить представителей Русской Православной Церкви на встречу с Папой Иоанном Павлом II во время пребывания последнего на Украине. Г-н Турнау предположил, что во всем виноваты коммунистическое наследие и консерватизм, которому якобы православные сейчас подвержены гораздо больше, чем католики. Я понимаю удивление польского католического публициста по поводу поведения Патриарха и, возможно, даже разделяю его, но слова, в которые пан Турнау облек свои мысли, заставляют русского человека, пусть даже неверующего (каковым я и являюсь) отреагировать резко и бескомпромиссно. Когда католический публицист позволяет себе сравнивать главу многомиллионной Церкви, имеющей тысячелетнее наследие и богатейшую оригинальную культуру, с некоторыми полумаргинальными католическими структурами вроде «Радио Мария» и высокомерно предлагает помолиться о «даре свободы Алексию II», у человека, живущего в православной среде, возникает желание разорвать любые контакты с католической Церковью отныне, и присно, и во веки веков. Признаться, раньше я был довольно высокого мнения о Яне Турнау, но теперь для меня такого публициста не существует.

Надеюсь, пан редактор, вы не воспримете это письмо как новый антипольский выпад, но как попытку, быть может, несколько неуклюжую и где-то резкую, объясниться и объяснить.

С уважением к Вам и к польскому народу аспирант Института славяноведения РАН Вадим Волобуев

От редакции отвечает Наталья Горбаневская:

Посоветовавшись с паном Ежи Помяновским, мы решили, что лучше отвечу на упреки нашего корреспондента я, чтобы это не было «польской самообороной».

Не стану защищать упомянутую фразу Даниэля Ольбрыхского, которому свойственно увлекаться и перехватывать. Конечно, нет смысла просвещать ни русских читателей, ни вполне просвещенного Никиту Михалкова насчет сталинских преступлений: все мы достаточно знаем не только о них, но и о предшествовавших им и легших в фундамент сталинизма преступлениях ленинских. Но редакция исходила из того, что Ольбрыхский пользуется большой популярностью в России и его мнение, пусть не во всех деталях верное, заведомо не оставит читателей равнодушными. И, как мы видим на Вашем примере, не оставило.

Что же касается войн в Чечне и Боснии, то непонятно, почему следует считать, что Ольбрыхский не высказывает свое личное мнение, а «просто пересказывает пропаганду западных СМИ, как мы в России неизбежно повторяем пропаганду отечественную». И в России у одних мнение совпадает с «пропагандой отечественной», у других — нет. И в России существуют отдельные СМИ, которые — как на Западе подавляющее большинство — занимаются не пропагандой, а информированием читателя о событиях и существующих точках зрения на происходящее.

С упреками другим авторам позволю себе не согласиться целиком. Я внимательно прочитала заметку Яна Турнау (которая не публиковалась в «Новой Польше»), и он отнюдь не сравнивает «главу многомиллионной Церкви, имеющей тысячелетнее наследие и богатейшую оригинальную культуру, с некоторыми полумаргинальными католическими структурами вроде «Радио Мария»». На самом деле польский публицист пишет, что в России «немало людей, мыслящих по-православному, но почти так, как «Радио Мария» и «Наш дзенник»», и полагает, что поэтому Патриарх в своих действиях оказывается «узником своей Церкви». В этом смысле Турнау и предлагает помолиться о «даре свободы Алексию II».

В том, что в Русской Православной Церкви есть круги «крайне консервативные, интегристские, запертые на четыре замка» (замечу, что этими словами Ян Турнау характеризует как раз некоторые польские католические круги), нет никакого сомнения. Есть совсем маргиналы, вроде «Руси Православной», проповедующие причисление к лику святых Ивана Грозного и Григория Распутина (однако в последнее время круг сторонников этих, казалось бы, совершенно безумных идей расширяется), но есть полу- и совсем не маргиналы. Достаточно посмотреть, какая литература продается в большинстве приходских киосков, или — как крайний случай — вспомнить сожжение книг православных богословов-эмигрантов в Екатеринбурге. Понятно, что Патриарх (если предположить, что сам он действительно стремится к большей открытости на мир и сестринскому общению с католиками) связан узами общественного мнения, преобладающего — или хотя бы имеющего наибольшее право голоса — в его многомиллионной Церкви.

Кстати, Ян Турнау даже находит оправдание тому, что подобные круги в православной России более многочисленны, чем в католической Польше: «Коммунистический морозильник работал там куда дольше, еще не растаяли тысячи тонн духовного льда». Я прибавила бы к этому, что, когда лед едва начал таять, Русская Православная Церковь упустила шанс положить начало подлинному православному возрождению в духе собора 1917-1918 гг.; в результате сознание церковного народа и даже православной интеллигенции было снова подморожено и оказалось в большой степени ориентированным на синодальный период РПЦ, притом не на лучшие проявления той эпохи.

И уж никак не могу согласиться с тем, что пишет Вадим Волобуев насчет бардов. Автор письма — аспирант, т.е., по-видимому, довольно молодой человек, и воспринимает термин «бардовская песня» весьма широко, в рамках всех допущенных в советское время для выпуска паров «клубов самодеятельной песни». Уверена, что Яцек Куронь имел в виду лучшие, самые известные — и притом первоначальные — образцы творчества бардов: Окуджаву, Галича, Кима, Высоцкого (возможно, Алешковского или Визбора, хотя они, кажется, в Польше были малоизвестны). Оставив в стороне Высоцкого, к которому у меня довольно сложное отношение (но который в Польше едва ли не популярней всех и воспринимался всегда как прямой противник режима, а не какой-то там бюрократии), скажу, что прямая причастность поющих поэтов к сопротивлению тоталитарному коммунистическому режиму в моих глазах несомненна. Даже если взять, казалось бы, самый «сомнительный» случай — Окуджаву, у которого практически нет песен, легко истолковываемых политически, мы увидим простую вещь: это песни а-советские — и не только «идейно», а по всему: лексике, поэтике, даже мелодии. В моей душе, например, Окуджава занимает место рядом с Бродским тоже, кстати, не «политическим» поэтом и тоже глубоко а-советским. Известно, в чем суть тоталитарного режима: в тотальном захвате всех областей материальной и духовной жизни. Самиздат и часть его, магнитиздат, отнимали территорию у противника, даже когда не вели на него прямую атаку, и подрывали, таким образом, «тотальность тоталитаризма».

Много раз, в том числе и на этих страницах, упоминалось о том, что Ежи Гедройц, основав парижскую «Культуру», выбрал не просто название журнала, а магистральный путь борьбы с коммунизмом — через культуру. У нас тоже была эта плоскость борьбы, сопротивления тоталитаризму, и песни наших поющих поэтов принадлежали к этому сопротивлению и продолжают принадлежать к его истории.

Н.Горбаневская

P.S. Я едва успела написать этот редакционный ответ, как в «Русской мысли» (№4444) была опубликована статья Александра Сумеркина о нью-йоркском фестивале «Шедевры русского андеграунда», где, в частности, прямым текстом сказано: «...неслучайно именно «подпольные» песни Булата Окуджавы или Владимира Высоцкого стали подлинно массовой формой внутреннего, часто неосознанного, сопротивления системе».

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Наша анкета — новые голоса
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Х.Геремек о Фаддее Зелинском
А.Колаковская о политкорректности
К.Бурнетко: Газетный киоск
Л.Бальцерович о будущем Европы
Я.Абрамов об Игоре Неверли
Г.Пшебинда о Миколе Рябчуке
В.Портников: Польский дневник

Проза Павла Хюлле

Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой Б.Поцей о Ванде Ландовской К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия Наши люди: Яцек Возняковский, Генрик Маркевич Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Подсядло и др. в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публщистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

